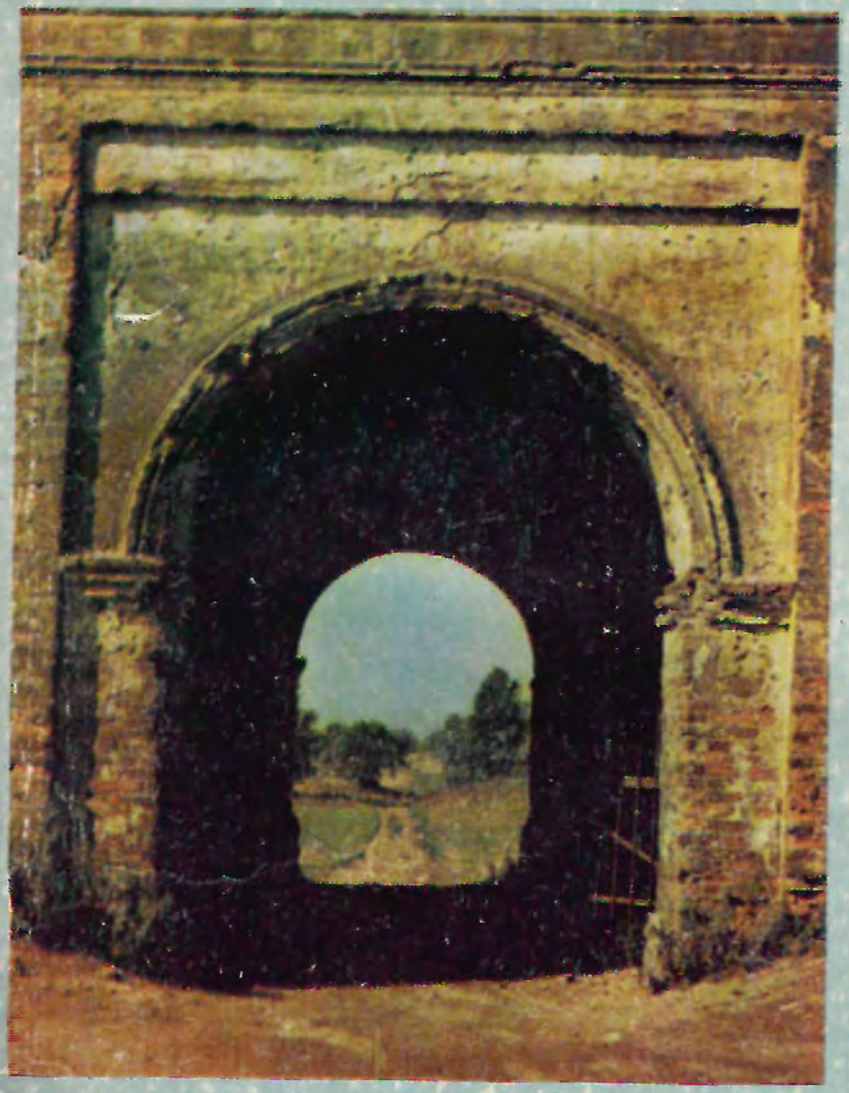
2 000 2-00

ISSN 0868—7102

РАЗЫСКАНИЯ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

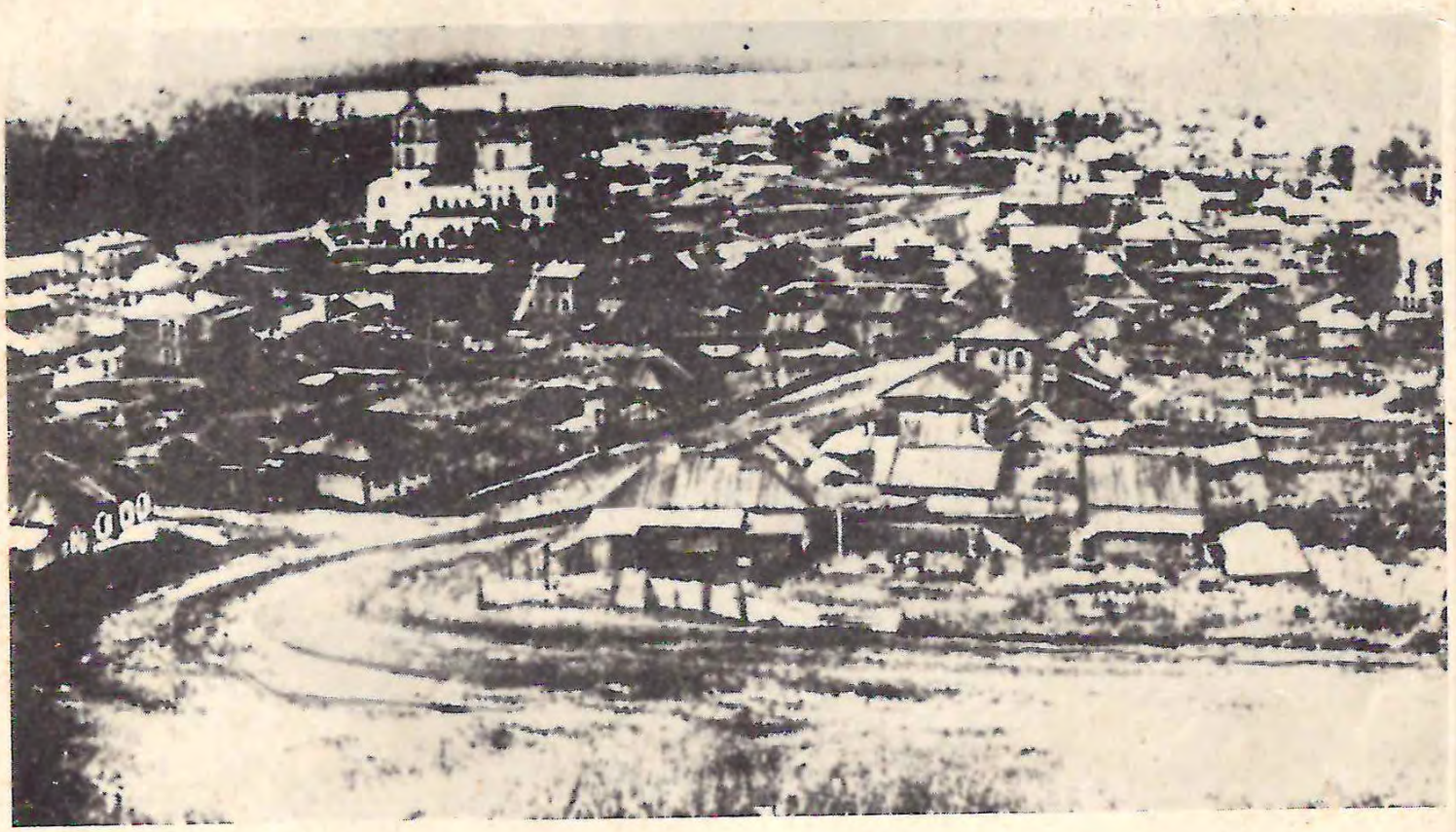
375 лет Кузнецкому острогу

В 1618 году «в Кузнецких волостях на усть Кондомы реки с Томскими и Тюменскими, с Верхотурскими людьми острог поставили»

1618 год не ранее мая. Отписки томских воевод Федора Боборыкина и Гаврилы Хрипунова Тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о построении Кузнецкого острога

Из Сибирского атласа С. У. Ремезова.
Конец XVII—нач. XVIII вв.

Кузнецк начала XX века

РАЗЫСКАНИЯ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

Выпуск третий

Издается с октября 1990 г.

Кемеровское
книжное издательство
1993

ББК 63.3 (2Р.53)
Р 17

Соучредители издания:
Кемеровский областной краеведческий музей,
Кемеровское книжное издательство

Составители:
Е. А. Кривошеева, М. Е. Сорокин

Р $\frac{1805080000}{\text{М } 145(03)-93}$ Без объявл.
ISBN 5—7550—0384—X

© Е. А. Кривошеева, М. Е. Сорокин, состав., 1

ДОКУМЕНТЫ, СОБРАННЫЕ МИЛЛЕРОМ

Миллер Герард Фридрих (1705—1783). Историк и археограф, член Петербургской академии наук, Миллер родился в Вестфалии, в 1725 году приехал в Россию, в 1731 г. стал профессором. В 1733 — 1743 гг. принимал участие в академической экспедиции в Сибирь, побывал и в Кузнецком крае, изучал местные сибирские архивы. Г. Ф. Миллер собрал и проверил большое количество ценнейшего архивного материала, в том числе акты XVI — XVII веков и рукописи русских, монгольских, тангутских и других исследователей.

Во время своих поездок по Сибири Миллер изучал также и географию страны, работал над картографией, обследовал исторические местности, вел этнографические исследования. Им были собраны устные предания многих сибирских народов, обряды и обычаи, зарисованы древние сооружения, наскальные изображения и надписи.

Собранные Г. Ф. Миллером материалы положены в основу его основного труда «История Сибири» — первого крупного научного исследования по Сибири.

Среди изученных и собранных Миллером документов есть и рукописи, освещающие историю освоения Кузнецкого края, в том числе Кузнецкого острога.

1609 г., не ранее февраля 11. — Отписка томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцова в Москву об их сношениях с людьми Кузнецкой волости.

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, Михалко Новосильцов челом бьют. В нынешном государь, во 117-м году ноября в 20 день посылали, государь, мы холопи твои для твоего государева ясаку в Кузнецкие волости Томских служилых людей конных казаков Баженка Костянтинова, да Левку Олпатова да Ивашка Шокурова с товарыщи. И пришли, государь, оне из Кузнецких волостей февраля в 11 день и в ростпросе, государь, нам холопем твоим Баженко с товарыщи сказали, что их в Кузнецких волостех хотели побить и ясаку дать не хотели, и что, государь, с ними было взято товару для твоего государева имени, и у них товары их гребежем поимали, [и] их хотели побить, а не дали, государь, их побити немногие Кузнецкие люди, которые тебе государю прямят, князёк Базаяк с своими людьми в Обипской волости. И в ыные де, государь, оне волости к Кузнецким людям посылали розговаривать, чтоб твоих государевых людей в розходе по волостем не побивали и не грабили. И оне де, государь, служилых людей в Кузнецких волостях Бадачак, да Кубасак, да Басарак с своими людьми грабили (л. 10), а ясаку тебе государю дали не сполна соболишек худых, которые, государь, в твою государеву казну не пригодятца.

И преже сево, государь, Кузнецкие люди ясаку тебе государю платили не сполна, недособолишка худые, которые в твою государеву казну не пригодятца. И оне де, государь, Кузнецково князька Базаяка звали в Томской город к твоему царскому жалованью, что он тебе государю служит и прямит и твоих государевых людей не дал побить. И он де, государь, сказал, что в Томской город итить не смеет для тово: пойти де, государь, ему в Томской город, и без нево де, государь, Кузнецкие люди ево розграбят и жену де и детей побьют, и ему де, государь, за тем итить нельзя. А воевать, государ, Кузнецких людей послать, и служивых людей, государь, в Томском городе мало, и тех, государь, пополам посылают в Тобольской летом против твоей государевы казны денежной и хлебной, а твоя государева казна денежная и хлебная приходит на осень, и воевать, государь, осенью и зимою Кузнецких людей не мошно, что живут, государь, в крепостех в великих, и болота обошли и зыбели великие и ржавцы, а зимою живут снеги великие, и воевать, государь, их кроме лета, в жары, не мошно, и в те поры, государь, служивые люди живут в россылках, а в Томском, (л. 10 об.) государь, городе люди оставаютца немногие, и те стоят на караулах на отъежжих, и в городе и на остроге по воротам стоят безпрестани немногие люди.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 9 об.— 10 об., № 6.

1617—18 г.
— Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина туринскому воеводе Даниле Вельяминову об устройстве острога в Кузнецах

Господину Данилу Афонасьевичю Иван Куракин челом бьет. По государеву цареву и великого князя Михайло Федоровича всеа Русии указу, велено поставити острог в Кузнецах или где пригоже; а для острожные ставки велено людей послати изо всех Сибирских городов. И тебе б, господине, для тое острожные ставки сказати стрельцом 10 человеком, а велети им на тое службу выбиратца самим. А как выберут, и тебе б, господине, дати им хлебное жалованье, на нынешней на 126-й год оклады их сполна; а смолоть тот хлеб велеть на государеве мельнице даром; а денежное жалованье дадут им в Тобольску. А быти им в том походе с воеводою с Тимофеем Бабарыкиным. А ныне Тимофей послан ис Тобольска для судов на Верхотурье. И как он с судами назад на Епанчин приедет, и тебе б (л. 132 об.), господине, тех людей, которых выберут, отпустить с Тимофеем в Тоболеск тотчас. А кого именем служилых людей в Тоболеск отпустишь и что им по окладу денежного жалованья, и тебе б о том велети отписати и имян их список з денежными оклады прислать в Тоболеск. А как их учнешь с Епанчина в Тоболеск отпущати, и тебе б им для Кузнецкие службы велеть дать из государевы казны по 2 фунта зелья [да] по 2 фунта свинцу человеку.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 132—132 об., № 122.

1617—18 г.
— Челобитная томских казаков Федора Борисова с товарищами о жалованьи за службу в Кузнецкой земле.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои Томсково города пешие казаки Федька Борисов, да Данилка Анисимов, да Стенька Ядринской, да Митька Згибнев, да

Васька Казаков и во всех своих товарыщей место 45 человек. В нынешнем, государь, во 126-м году по твоему царскому указу и по отписке твоего государева боярина и воеводы князя Ивана Семеновича Куракина твои государевы воеводы Федор Васильевич Бабарыкин да Гаврило Юдичь Хрипунов посылали нас холопей твоих на твою царскую службу в Кузнецы с сыном боярским с Остафьем с Харламовым, а велено нам холопем твоим на усть Кондобы в Кузнецкой земле острог поставить. И мы холопи твои пошли из Томскова города поздо, и до усть Кондобы, государь, не дошли, и зазимовали в Тюрюберской волости. И в Тюрюберскую, государь, волость пришли к нам ис Томсково города тотарская голова Осип Кокорев да казачья голова Молчан Лавров, а с ними пришли на лыжах конные казаки. И из Тюрюберской волости, государь, пошли мы холопи твои с Остафьем Харламовым, да с Осипом Кокоревым, да с Малчаном с Лавровым и с конными казаками вместе в Кузнецкую землю и пришли на усть Конд[об]ы реки и острог поставили, и крепи учинили, и кузнецких людей под твою (л. 68 об.) царскую высокую руку привели и иные новые земли, и твой государев ясак с них взяли и привезли в Томской город к твоим государевым воеводам. А пошли мы холопи твои на твою царскую службу в Кузнецы без твоего царского жалованья. А дано нам холопем твоим твоего царского денежново жалованья на прошлой 125-й год полтретья рубля. И мы холопи твои, пошотчи на твою царскую службу в Кузнецы, должилися великими долгами, давали на себя кобалы, а имали в долг платье и обуви и харчь, и головы свои позакабалили, и животишков своих избыли, и в долгу, государь, погибли до конца без твоего царского жалованья. Милосердный царь, государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, смилуйся, пожалуй нас холопей своих за нашу службишко и работу своим царским жалованьем, вели, государь, нам додати свое царское денежное жалованье на прошлой на 125-й год и на нынешней на 126-й год, чтоб нам холопем твоим без твоего царского жалованья на правеж в долгу в конец не погинуть и твоей царской службы впредь не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 68—68 об., № 53.

1609 г. не ранее марта 31. — Отписка томских воевод Вас. Волынского и Мих. Новосильцова в Москву об их сношениях с белыми калмыками.

Государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии холопи твои Васька Волынской, да Михалко Новосильцов челом бьют. В прошлом, государь, во 113-м году по твоему государя царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии указу Гаврило Писемской да Василей Тырков посылали, государь, в Белые калмыки к князю Обаку и к ево людям с твоим государским жалованным словом (л.14) и призывали их под твою царскую высокую руку, чтоб они ехали в Томской город, Тобольсково литвина Ивашка Поступинсково да Томсково конного казака Баженка Костянтинова с товарыщи. И приехали, государь, оне из Колмаков генваря в 2 день и в распросе сказали: как де оне приехали в Белые колмаки в Обаку князю и ко всем колмацким людям с твоим царским жалованным словом, и оне де, государь, твоему царскому жалованью ради; и учали де, государь, их звати в Томской город, и оне де,

государь, сказали: будем мы на весну с людьми своими к царскому жалованью, приедем в Томской город с своими головами. И в Томском, государь, городе Обак князь и мурзы колмацкие не бывали в Томской город при Гавриле Писемском да при Василье Тыркове и при иных, государь, головах не бывали, и тебе государю Обак князь с своими людьми не шертовал, а присылали, государь, колмацкие люди в Томской город татар с поминками к тебе государю, а ясаку тебе государю не платили, и сам князь Обак и лутчие мурзы в Томской город не бывали, как Томской город поставили. И в нынешнем, государь, во 117-м году февраля в 4 день посылали, государь, мы холопи твои в Белые колмаки к князю Обаку из Томсково князя Таяна да с ним Томских казаков Ивашка Коломну, да Ваську Малентиева, да Ивашка Петлина, а велели (л. 14 об.), государь, им звать в Томской город колмацкова князя Обака и ево лутчих мурз к твоему царскому жалованью; и будет Обак и лутчие люди мурзы за тем не поедут, что боятца, что их в закладе оставят, и мы, государь, холопи твои колмацкому князю Обаку велели дать слово свое прямое на том, чтоб оне в том не опасалися, что их в закладе в Томском городе не оставят, и тем бы его обнадежить, чтоб был в Томской город; и буде не поверит слову прямому князь Тоянову и служивым людем, и мы, государь, холопи твои велели для веры остатца в Колмаках в закладе князю Тояну или служивым людем, ково излюбят колмаки, покамест Обак князь будет ис Томсково города, для того что Обак князь да лутчие мурзы в Томской город за тем не бывали, что опасаютца, что их в закладе оставят. И приехали, государь, из Белых колмаков князь Таян да Ивашко Коломна с товарыщи марта в 31 день и в роспросе, государь, сказали, что оне колмацкого князя Обака звали и ево лутших мурз к твоему царскому жалованью; и оне де, государь, им сказали, что не смеют ехати в Томской город за тем, что их оставят в закладе; и князь Таян же, государь, им да Ивашко Коломна с товарыщи слово свое прямое притом давали, чтоб оне ехали в Томской город не боясь, а в закладе (л. 15) их не оставят; и колмацкие, государь, люди слову де их не поверили, а велели де, государь, на том князю Таяну шертовать, что их ис Томсково города отпустят, как оне будут в Томском городе; и князь Таян де, государь, колмацкому князю Обаку на том шертовал: как он будет Томском городе, и их в закладе не оставят. И Обак, государь, с ними в Томской город к твоему царскому жалованью приехал, а с ним приехали мурзы и лутчие люди и били челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии, чтоб ты, государь, пожаловал, велел им кочевать блиско Томсково города, а оне хотят служить и прямить тебе государю; и на ково ты, государь, их пошлешь на своих непослушников воевать, и оне хотят служить все своими головами; а ясаку с них имать не велел. А челом ударили тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии в поминках 30 соболей да лисица красная. И мы, государь, холопи твои колмацкому князю Обаку и мурзам и ево людем сказали твое царское милостивое слово, чтоб оне кочевали ближе к Томскому городу, а ты, государь, их пожалуешь, велишь оберегать от Алтына царя и от Казацкой орды, и впредь бы оне были на твою царскую милость надежны; а о том бы он ехал бити челом тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии к Москве, чтоб ты, государь, их (л. 15 об.) пожаловал, не велел с них ясаку имать, и оне сами увидят твои царские очи и к себе твою

царскую милость. И Обак и мурзы с своими людьми на том тебе государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии шертовали, что им быти под твоею царскою высокою рукою неотступным и тебе государю служить и прямить. И твоево царсково жалованья дали Обаку князю: однорядку малиновую, лундыш, да рубашку золотную, да колпак, да сапоги; а мурзам по однорядке настрафильной и людем ево по однорядке Рословской. И с тех, государь, мест Обак князь и мурзы колмацкие, и их люди, и черных колмаков люди немногие с белыми колмаки почали часто з базаром, с лошадьми и с коровами, приходить в Томской город, и лошадьми, государь, и коровами служивые люди наполнилися в Томском городе. И впредь, государь, начаютца черных колмаков приходу великово базару с лошадьми и с коровами, что черные колмаки з белыми колмаками кочюют многие заодно. И колмаки, государь, белые, князь Обак и мурзы с своими со всеми людьми, подкочевали к Томскому городу и учали кочевать со всем улусом за день от Томсково города; и по иных, государь, начаютца черных колмаков, что учнут кочевать ближе к Томскому городу. И Обаку, государь, велели черных колмаков призывать под твою (л. 16) царскую высокую руку, что ты, государь, их пожалуешь, велишь их оберегать от Алтына царя, и от Казацкой орды, [и от] черных колмаков, и приходили б черные колмаки в Томской город з базаром, с лошадьми и с коровами. И Обак, государь, черных колмаков хочет призывать под твою царскую высокую руку и начаятца, государь, их призвать под твою царскую высокую руку, и учнут приходить в Томской город с ними. А ныне де, государь, потому черных колмаков с ними мало приходят, что воюютца с Алтыном царем.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 13 об.—16, № 9.

Напеч. в РИБ, т. 11, стб. 195—199, № 85, 11.

1618 г. не ранее мая... — Отписка томских воевод Федора Боборыкина и Гаврилы Хрипунова тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о построении Кузнецкого острога.

Господину князю Ивану Семеновичю Федор Бабарыкин, Гаврило Хрипунов челом бьют. В нынешнем, господине, во 126-м году февраля в 24 день писали мы к тебе с Томскими казаки с Ларькою Олексеевым да с Ярошкою Порамоновым, что в нынешнем же во 126-м году февраля в 18 день послали мы в Кузнецкие волости голов татарского Осипа Кокорева, да казачья Молчана Лаврова, да с ним Томских служивых людей конных стрельцов и казаков и татар на лыжах, а велели мы им в Кузнецких волостех сойтитца с сыном боярским с Остафьем Харламовым и итти на улусы [на] Кондому реку (л. 70), а пришед на тое Кондому реку, велено им Осипу, да Молчану, да Остафью и Томским, и Тюменским, и Верхотурским служивым людем на усть Кондомы реки, присмотря место угожее, где были угодьи всякие, поставить острог, и всем укрепити, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку призывать ласкою, а не жесточью, чтоб Кузнецких и иных волостей люди были под государевою высокою рукою безотступно, и государев ясак с себя государю ежегод давали. А буде которых Кузнецких и иных волостей люди учинят[ся] в непослушанье, под государевою царскою рукою быть не похотят, и тех волостей непослушников велели воевать, жен их и детей в полон имать, а лутчих

людей в закладчики приводить. И нынешнего 126-го году маия в 3 день головы Осип Кокорев да Малчан Лавров и с служивыми людьми из Кузнецов в Томской город пришли и сказали нам в съезжей избе Осип и Молчан и Остафей Харламов писал, что божиею милостию и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем и его царскою высокою рукою в Кузнецких волостех на усть Кондомы реки с Томскими, и с Тюменскими, и с Верхотурскими с конными людьми острог поставили, и крепость зделали, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку привели (л. 70 об.) И ясаку Остафей прислал из Кузнецкого острогу с Осипом да с Малчаном, что у него было в зборе. И бьют челом государю кузнецкие люди, чтоб их государь пожаловал, своево государева ясаку с них брать на нынешней на 126-й год не велел, потому что де у них нынешнего году лешне нет, а вперед де они государю с себя ясак станут давать ежегод. И мы в новой в Кузнецкой острог Остафью Харламову в перемену [послали] татарского голову Осипа Кокорева да сына боярского Бажена Карташева, да с ними Томских служивых людей пеших казаков на годовую 8 человек майя в ... день. А Остафью Харламову с служивыми людьми, которые ныне в Кузнецком остроге, велели быти из Кузнецково острогу в Томской город. И тебе, господине, на государеву службу на годовую в Кузнецкой острог... которые ныне посланы с Осипом Кокоревым... мало по государев ясак... потому что в Кузнецких волостех людей много; а как послать по государев ясак в волости, и надобе служивых людей в россылки человек по 40 и по 50.

Архив Акад. Наук, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 69 об.—70 об., № 55.

Публикацию подготовила
Н. ГУСЕВА.

Л. Скрябина

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПРИТОМЬЕ

Началом освоения русскими территории Притомья послужило строительство Томского острога. В самом начале XVII века эуштинский князек Тоян обратился к русскому правительству с просьбой принять «томских людей под высоку государеву руку» и построить на его земле Русскую крепость, гарнизон которой оберегал бы томских татар от вторжения кочевников[1]. Просьба татар была удовлетворена, и на берега Томи для устройства острога по распоряжению Бориса Годунова были присланы тобольские, сургутские, пелымские и березовские служилые люди, тобольские татары, сургутские и березовские остяки. Отряд выбрал место для острога на правом берегу, на Воскресенской горе у впадения р. Ушайки в Томь. В течение летних месяцев и сентября 1604 года строительство было закончено.

В скором времени Томской город стал опорным пунктом продвижения русских на восток. Этот пункт дал разветвления в виде военных укреплений, рассеянных по берегам рек Томи и Оби.

Следующим народом, который решено было присоединить к русскому государству, были кузнецкие татары, жившие в верховьях Томи и по ее при-

токам Кондоме и Мрассу. Русские стали называть их «кузнецами», потому что они умели выплавлять железо и делать из него оружие и домашнюю посуду. Покорение кузнецких татар оказалось для русских служилых людей нелегким делом. Первые попытки объясачить это население были предприняты в 1609 году, но лишь в 1615 году кузнецкие татары стали без сопротивления платить ясак в русскую казну[2]. Ввиду отдаленности и разбросанности кузнецких волостей настоятельно требовалась постройка нового острога для защиты данной территории от кыргызов и управления местным населением. В 1616 году томские служилые люди при содействии своих собратьев из Тобольска, Тюмени, Верхотурья построили на Томи при впадении в нее реки Кондомы Кузнецкий острог[3]. Впоследствии в связи с увеличением населения и необходимостью военного укрепления района на Томи было построено еще два острога—Сосновский (1657 г.) в 58 верстах от Томска вверх по реке и южнее его Верхотомский острог (1665 г.)[4].

Первыми русскими поселениями невоенного типа, возникшими на территории Притомья, были хутора и заимки, создаваемые казаками и стрельцами вблизи построенных острогов. На заимках они имели избы, содержали рабочий скот, косили сено, по мере сил и средств занимались хлебопашеством. Такие же заимки заводили и некоторые посадские люди Томска и Кузнецка. Правительство поощряло это, так как видело в заимках новые узлы для прикрепления отдельных земель и устройства пашни. Хутора и заимки служилых и посадских людей при естественном увеличении их семейств и путем последующих присоединений сюда пришлых людей превратились в деревни и села. Именно из таких заимок в XVII — начале XVIII веков образовались вокруг острогов деревни, существующие и поныне. Большинство деревень, основанных в это время, получили свое название по фамилии основателя первой заимки. Так, в Переписной книге Томска за 1703 год мы находим прямое подтверждение этому: «Казак Игнатий сын Ульянов сын Томилов имеет заимку в деревне Томиловской. Казак Василий Андреев сын Саламатов имеет заимку в деревне Саламатовой»[5]. В деревне Алаевой, по данным этого же источника, жили в то время пешие казаки Захар, Иван, Семен Алаевы, а в деревне Корчугановой — Юрий, Лазарь, Мартемьян, Гавриил Корчугановы[6].

В сохранившихся документах XVII—XVIII веков встречается множество фамилий служилых и боярских людей, которые в настоящее время распространены среди старожилов Притомья. Так, в Отписке Кузнецкого воеводы за 1678 год упоминаются «конный казак Пронка Тихонов, атаман Иван Бедарь; казацкий сын Гераська Ананьин»[7]. Все эти фамилии встречаются среди жителей деревень Антоново, Бедарево, Красулино, Ананьино Новокузнецкого района.

Наряду со служилыми людьми, которые в численном отношении преобладали в первый период колонизации Притомья, в состав засельщиков входили и крестьяне, формировавшиеся из ссыльных и переселенцев. Уже в 1604 году был издан указ о водворении на Томской земле пашенных крестьян из Верхотурья и Тобольского округа, а также «охочих людей гуляющих» из районов Перми, Вятки, Сольвычегодска и уже освоенных сибирских земель[8]. В 1607 году на Томскую пашню было переведено 100 человек, однако из них вскоре почти никто не остался в живых — или умерли своей смертью, или же погибли от рук кочевников[9]. Известно также, что в 1631 году Верхотурскому воеводе бы-

ло предписано послать в Томск и другие остроги Томского разряда Верхотурских пашенных крестьян в количестве 100 хозяев «добрых, заводных, семьянистых лучших людей». Правда, набрано было только 80 хозяев с женами и детьми и «со всем пашенным заводом», так как многие крестьяне, прослышав о приборе, разбежались по лесам[10].

Наиболее массовые переселения государственных крестьян в Томские земли были осуществлены в 30-х, 60-х, 80-х годах XVII века[11].

Наибольший процент засельщиков Томского края во второй половине XVII—XVIII веков составляли «гулящие люди»—крестьяне, не прикрепленные к государственному или вотчинному тяглу. Часто под именем «гулящих» шли в Сибирь и беглые из тягловых людей.

Большинство «гулящих» и беглых людей были выходцами из северных областей России. Подтверждение этому находим в исторических актах XVII века. Около 1646 года был большой недород хлеба в северных и северо-восточных частях Европейской России и «государю ведомо учинилось, что с Руси с Поморских городов и уездов сошлись в Сибирь посадские и многие крестьяне от хлебного недороду и бедности»[12]. Такое же массовое бегство из тех же уездов повторилось в 1670 году.

В 60-е годы XVII века в Томский округ переселилось много русских семей из Зауралья. Причиной этих миграций были нападения на русские селения башкир[13]. Известно, что в сентябре 1663 года «явились в Томскую Приказную палату и подали воеводам Тубурлину и Поводову челобитие крестьяне Тимошка Степанов, да Мартышко, да Андрейко Степановы же, да Ерофейка и Юрко Петровы и многие другие. В челобитной сказывалось, что пришли оные с р. Исети от Долматова монастыря, где в прошлом году развоевали их башкиры, с погрому они остались с женами и детьми наги и босы, прибыли в Томск и питаются здесь Христовым именем. Просили воевод дать им дозволения записаться в крестьяне за Алексеевским монастырем»[14]. (Монастырь был основан в 1643 году в устье р. Киргизки, впадающей в Томь.— Л. С.). Просьба крестьян была удовлетворена, и, снабдив их всем необходимым для крестьянского обзаведения, настоятель Алексеевской обители старец Исайя поселил их на монастырской земле по р. Пача[15]. Так крестьяне с Исети стали основателями села Пачинского.

К концу XVII века наплыв в Сибирь беглых пришельцев увеличился за счет тех людей, которых из России изгоняла не материальная нужда, а «вытесняли причины, лежащие в высших сферах духовных интересов»[16]. Многие старообрядцы нашли себе приют в глухих пространствах отдаленной Сибири. Некоторые филологи связывают с расселением в Притомье старообрядцев появление здесь во второй половине XVII—первой половине XVIII веков гидронимов и ойконимов с суффиксом «их» (Колбиха, Шумиха).

Стремясь колонизовать край, Московское правительство отправляло в Томск и Кузнецк уголовных и ссыльных, приказывая верстать одних на пашню, других в служилые люди. Так, например, с 1625 по 1628 годы в Кузнецк было выслано 17 человек, из них половину составили «нищенские крестьяне Тобольского уезда, которые взяты за убийство приказчика»[17]. В 1648 году кузнецкий воевода Афанасий Зубов писал государю: «В прошлые годы присланы в Кузнецкий острог ссыльные люди, воры и мошейники, многие холосты, и велено их устроить на пашню, и за тех ссыльных лю-

дей старые томские пашенные крестьяне дочерей своих и племянниц не дают, а выдают их за казачьих детей и племянников»[18].

И все на протяжении всего XVII и первой четверти XVIII веков русское население Притомья в основном состояло из служилых людей и их потомков. По сведению Н. Ф. Емельянова, в 1660 году в Томском уезде насчитывалось 847 дворов служилых людей, в 1672—962 двора, в 1687—941 двор, в 1690—981 двор, в 1705—973 двора, в 1724—1004 двора[19]. В то время как крестьянских дворов в 1670 году было 153, в 1689—240 дворов, в 1699—273 двора и в 1720—294 двора[20].

Указом 26 июня 1724 года неверстанные дети боярские, казачьи дети, конные и пешие казаки, имеющие пашни, и другие выходцы из служилого сословия были переведены в разряд крестьян-разночинцев. Они стали наряду с пашенными и оброчными крестьянами самой многочисленной группой государственных крестьян Сибири.

Очень важна для нас и информация о местах выхода первых поселенцев Притомья. Эти сведения также содержатся в ряде исторических актов. Например, в Разборной книге Кузнецка за 1681 год, составленной по «скаскам кузнецких конных казаков, которых они сообщают каких отцов дети и которых городов уроженцы и сколько лет служат», мы находим следующее: «Конный казак Мишка Хворово сказал, что его отец Микифор родом из Устюга Великого, посадский человек, с Устюга пришел в Сибирь из доброволия и верстан в Кузнецком в пешую казацкую службу и служил лет сорок...»[21]. Казак Михей Распутин сообщал, что его отец «...Онкудин родом из города Еранска, служил в Кузнецке в пешей службе тридцать лет»[22]. По словам казака Алешки Лучшево его отец «Иван Васильев сын Попов родом из Устюга Великого и пришел в Сибирь своею охотой и служил в Томске и Кузнецке лет пятьдесят»[23]. В целом анализ письменных источников, относящихся к Кузнецкому острогу, свидетельствует, что среди служилых людей острога в первой половине XVII века численно преобладали носители северорусского наречия восточной группы. Это выходцы из Устюга Великого, Яренска и Сольвычегодска. По данным Г. М. Чигрик их насчитывалось 56 человек. 5 человек было из Поморья, 2—из западных областей русского севера, 5 человек из районов Поволжья[24].

Согласно Томскому Разборному списку в числе основателей Томского острога было: москвичей—21 человек, соликамцев—6 человек, устюжанцев—5, новгородцев—3[25]. По сведениям В. В. Палагиной в первой половине XVII века в Томске и его окружении 372 человека были носителями говоров восточной группы северорусского наречия (волжане, вологжане, вычегжане, кайгородцы, каргопольцы, соликамцы, устюжане); 60—носители владимиро-поволжского говора (арзамасцы, балахонцы, муромцы, нижегородцы, ярославцы); 39—говорили на говорах северной группы северорусского наречия (двиняне, кинозерцы, мезенцы, пинежцы, холмогоровцы); 20—относились к западной группе (новгородцы); 76—носители южных говоров (выходцы с Дона, калужане, рязанцы, смоляки); 163—говорили на восточном среднерусском наречии, из них 125 москвичей[26].

Как уже упоминалось, среди пашенных крестьян и «гулящих» людей также были выходцы с Устюга, Сольвычегодска, Кайгорода, Вятки. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в составе первых русских поселенцев края преобладали выходцы из различных губерний севера Европейской России. По некоторым данным,

в Среднем Приобье (куда входит и территория Притомья.— Л.С.) на долю русского севера приходилось в XVII—XVIII веках 73,6 процента всех поселенцев[27].

Сведения по истории заселения подкрепляются и этнографическими данными о северорусской культурной традиции старожильческого населения Притомья.

В XVII веке на территории Притомья сформировалось несколько земледельческих районов — станов[28]. Сразу же после основания Томска вокруг него стал формироваться Подгородний стан. На землях к западу от Томска в междуречье Томи и Оби по реке Порос и ее притокам располагался Запоросский стан. Вокруг села Спаское на правом берегу Томи был образован Спасский стан.

Одним из самых крупных земледельческих районов в Притомье был Сосновский стан. Этот район во второй половине XVII века заселялся наиболее интенсивно. По данным Г. Ф. Миллера дистрикт, относящийся к Сосновскому острогу, включал в себя более 100 деревень по обоим берегам Томи и на речках, впадающих в нее[29]. В 1670 году земледельческий район стал формироваться и вокруг Верхотомского острога. В 1689 году в остроге числился 41 крестьянин, каждый пахал по полудесятине[30]. Создание новых населенных пунктов и массовое заселение этих мест началось в XVIII веке. В 1734 году Миллер в дистрикте Верхотомского острога перечисляет уже 35 деревень по обеим сторонам Томи[31].

Вокруг Кузнецкого острога во второй половине XVII века также сложилась государева пашня. Согласно Чертежной книге С. У. Ремезова возле Кузнецка располагалось 34 населенных пункта[32]. В 1734 году в пределах этого стана, по данным С. П. Крашенинникова и И. Гмелина, существовало только 17 русских деревень. Исчезновение большинства населенных пунктов близ Кузнецка объясняется тем, что в начале XVIII века эта территория подверглась опустошительным набегам кочевников[33].

В 1715 году на Томи воздвигается еще один острог — Мунгатский[34]. Он был построен на левом берегу Томи недалеко от устья ее притока Мунгата. Острог стал крайним восточным форпостом, отражавшим продолжающиеся набеги кочевников. В 1734 году возле острога располагались деревни Лочинова, Банная, Крапивина, Баева, Спусковая, Нижняя, Березовка[35].

И все же во второй половине XVII—первой половине XVIII веков наиболее интенсивно шло заселение Сосновского стана и земель вокруг Верхотомского острога. Одной из причин этого явился перевод сосновских и верхотомских крестьян на хлебный оброк, в результате чего крестьяне получили возможность заводить свои заимки вдали от острога, тогда как крестьяне Подгороднего, Спасского, Запоросского и Кузнецкого станов продолжали пахать десятинную «государеву пашню» и жили в городах и в селе Спасском под наблюдением приказчиков[36].

Во второй половине XVIII—начале XIX века количество, размещение и состав населения Притомья меняется. Устранение угрозы нападения со стороны кочевников и наличие большого пространства свободных плодородных земель привело к смещению потока засельщиков края в южные Притомские земли, на территории Мунгатского и особенно Кузнецкого станов, которые после административной реформы 1785 года преобразовались в волости Кузнецкого уезда[37]. Так, с 1750 года, за 40 лет в Верхотомской, Мунгатской, Кузнецкой и Кондомской волостях образовалось 33 русские деревни[38]. По некоторым данным, мно-

гие из этих деревень были основаны выходцами из соседних старожильческих селений или крестьянами, прибывшими из других районов Сибири[39].

В последней четверти XVIII—начале XIX века приток нового населения на территорию Притомья практически прекращается. Рост населения происходит за счет естественного прироста. Большое значение получают местные сибирские миграции. Колонизационный поток из Европейской России в этот период смещается на юг в рудные районы Алтая.

Большинство исследователей отмечают, что вплоть до 90-х годов XIX века на территории Притомья преобладало старожильческое население. Переселения в Сибирь, предпринятые правительством в 20-х годах XIX века (реформа Сперанского) и «сибирское межевание» 30—50-х годов, почти не коснулись этого края. Незначительное число переселенцев из России селились, как правило, в селениях старожилов.

В Тутальской волости Томского уезда в 1888 году в 63 селениях насчитывалось всего 78 душ переселенцев мужского пола, из них: 23 человека из Пермской губ., 18 из Вятской, 10 из Тобольской и 21 человек из различных уездов России[40]. В Верхотомской волости переселенцы были в 36 селениях, большинство из них было из Пермской, Тобольской и Нижегородской губерний[41]. В Ильинской волости Кузнецкого уезда в 1888 году переселенцы селились в д. Осипово (из Вятки), в с. Прокопьевском (из Тамбовской губ.), в д. Лучшево (из Пермской губ.)[42]. В Мунгатской волости в 38 селениях новоселы из Пермской, Вятской, Вологодской, Тобольской и Тюменской губерний[43]. Перечисленные выше данные свидетельствуют о том, что среди новых поселенцев преобладали крестьяне с Урала и Западной Сибири.

Как уже было отмечено, для 90-х годов XIX века характерно причисление к старожильческим населенным пунктам многочисленных групп переселенцев из одного места выхода. Такая группа переселенцев обычно образовывала в деревне свой «россейский» конец или улицу.

Основной наплыв переселенческого движения приходится на годы проведения Столыпинской реформы. С 1906 по 1916 год на территории Томской губернии было заселено 5 тыс. 92 переселенческих участка[44]. В Томском переселенческом районе насчитывался 21 подрайон водворения и устройства переселенцев, из них в Притомье располагались Томский и Кузнецкий подрайоны[45].

Переселенческие участки создавались на пустующих землях или после межевания отрезались от владений старожильческих сельских обществ. Так, в 1911 году на территории Притомья переселенческие участки были организованы и заселены в следующих волостях Томского и Кузнецкого уездов: в Варюхинской вол.—13 участков, Пачинской—8, Литвиновской—33, Тутальской—22, Ильинской—5, Бачатской—2, Верхотомской—11, Крапивинской—7, Мунгатской—2, Кондомской—16 участков. Всего в 1911 году в Томском подрайоне образовалось 95 переселенческих участков, в Кузнецком—43 участка[46].

Образование новых участков происходило ежегодно и число их постоянно росло. В течение 1913 года, например, только в одной Верхотомской волости образовалось 12 новых поселений, среди них 7 переселенческих участков[47].

С начала XX века значительно изменился состав переселенцев по месту их выхода. Теперь увеличивается поток из центральных, юго-восточных районов Европейской России и с Поволжья. По данным переселенческого

Управления в Томском и Кузнецком подрайонах преимущественно оседали переселенцы из Курской, Орловской, Тамбовской, Смоленской, Пермской, Могилевской, Харьковской, Гомельской губерний[43].

Таким образом, в формировании русского населения Притомья можно выделить два основных периода: 1 период—XVII—XVIII века—формирование русского старожильческого населения с северорусским комплексом традиционной материальной и духовной культуры; 2 период — конец XIX—начало XX века — массовое переселение носителей средне- и южнорусского традиционного комплексов культуры, начало процесса интеграции старожильческой и переселенческой культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Миллер Г. Ф. История Сибири.— М., 1937. Т. I. С. 314.

[2] Там же. С. 318—321..

[3] Там же. С. 322.

[4] Емельянов Н. Ф. Население Среднего Притомья в XVII — первой половине XIX в. // Вопросы формирования русского населения Сибири.— Томск, 1976. С. 18.

[5] Воробьева И. А. Русская топонимия средней части бассейна р. Оби.— Томск, 1973. С. 123.

[6] Там же.

[7] Дополнения к Актам Историческим. Т. IV, № 93, л. 11.

[8] Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды ТГУ.— Томск, 1950. С. 45.

[9] Емельянов Н. Ф. Среднее Приобье в феодальную эпоху // Отчет НИР.— Свердловск, 1989. Кн. I. С. 88.

[10] Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта.— Томск, 1898. С. 5.

[11] Там же. С. 45.

[12] Дополнения к Актам историческим. Т. IV, № 14.

[13] Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского тракта с точки зрения изучения русских говоров // Известия ин-та исследования Сибири.— Томск, 1921. Т. IV. С. 16.

[14] Беликов Д. Н. Указ. соч. С. 9.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 10.

[17] Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в.— М., 1946. С. 18.

[18] Дополнения к Актам Историческим. Т. IV. № 17.

[19] Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху.— Томск, 1982. Ч. 2. С. 189.

[20] Там же. С. 190.

[21] Чигрик Г. М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка XVII в. // Русские говоры Сибири.— Томск, 1979. С. 91—92.

[22] Там же. С. 92.

[23] Там же. С. 94.

[24] Там же. С. 95.

[25] Палагина В. В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора.— Новосибирск, 1973. С. 8.

[26] Там же. С. 8—9.

[27] Емельянов Н. Ф. Среднее Приобье в феодальную эпоху // Отчет НИР. С. 90.

[28] В соответствии с современным административным делением Подгородний, Запоросский, Спасский станы располагались на территории Томской области; Сосновский, Верхотомский, Мунгатский, Кузнецкий земледельческие станы — в Кемеровской области.

[29] Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера // Источники по истории Сибири досоветского периода.— Новосибирск, 1988. С. 79.

[30] Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири.— М., 1956. С. 42..

[31] Элерт А. Х. Указ соч. С. 79.

[32] Ремизов С. У. Чертежная книга Сибири.— СПб., 1882.

[33] Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. I, № 20.

[34] Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 325.

[35] С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы.— М.; Л., 1966. С. 41—42.

[36] Емельянов Н. Ф. Отчет НИР. С. 91.

[37] ГАТО, ф. 66, оп. 1, д. 119.

[38] Архив Новокузнецкого краеведческого музея, оф. 2, оп. 1, д. 33, л. 46.

[39] Емельянов Н. Ф. Заселение русскими среднего Приобья в феодальную эпоху.— Томск, 1981. С. 98.

[40] Хозяйственно-статистическое обозрение крестьянских волостей Алтайского края.—СПб., 1889. С. 23.

[41] Там же. С. 10.

[42] Там же. С. 16.

[43] Там же. С. 36.

[44] Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской реформы.— Л., 1962. С. 232.
[45] ГАТО, ф. 239, оп. 13, д. 25, л. 54.
[46] ГАТО, ф. 239, оп. 1, д. 43-а, л. 11—13.
[47] ГАТО, ф. 239, оп. 33, д. 108, л. 15, 16.
[48] ГАТО, ф. 239, оп. 1, д. 97.

А. Шадрина

ИЗ КУЗНЕЦКОГО ОКРУЖЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. ОТЕЦ ЕВГЕНИЙ

Город Кузнецк середины 19 века имеет непосредственное отношение к важным событиям личной жизни Ф. М. Достоевского. В течение 1856—57 гг. писатель три раза приезжал из Семипалатинска в Кузнецк к М. Д. Исаевой. Здесь 6 февраля состоялось их венчание. Три приезда по времени составили всего 22 дня, но фактически Кузнецкий период биографии писателя вместил почти два года. Ровно столько жила в Кузнецке М. Д. Исаева, и все это время помыслы Ф. М. Достоевского были обращены к небольшому сибирскому городку. Помимо встреч с каждой почтой отправлялись его письма. Тот накал страстей, глубина чувств и одновременно духовно-нравственный подъем, пережитые Достоевским, определили значимость этого периода в биографии писателя.

Разработка литературно-краеведческой темы «Кузнецкое окружение Ф. М. Достоевского», на наш взгляд, заслуживает пристального внимания исследователей. Круг знакомых Достоевского по Кузнецку очерчен им самим в письме к брату: «В Кузнецке я почти никого не знал. Но там она сама меня познакомила с теми, кто получше и которые все ее уважали. Посаженым отцом был у меня тамошний исправник с исправницей, шаферами тоже порядочные довольно люди, простые и добрые, и если включить священника да еще два семейства ее знакомых, то вот и все гости на ее свадьбе». Судьбы нескольких кузнечан, соприкоснувшись с Достоевским, высветили дополнительные грани его личности. Главный аспект темы «Кузнецкое окружение Достоевского» основан на исследовании архивных источников, ранее не известных и не публиковавшихся. Их анализ выявил среди кузнечан личность, близкую писателю по духу и нравственным устремлениям.

Безымянным священником в письме писателя являлся Евгений Исаакович Тюменцев. Как духовный пастырь отец Евгений оставил о себе добрую память в сердцах нескольких поколений кузнечан, а потомкам он более известен как священнослужитель, венчавший Ф. М. Достоевского.

Тюменцев Е. И.— выходец из духовного сословия, в 1852 году окончил Тобольскую Духовную семинарию с аттестатом первого разряда. По прошению получил приход в г. Кузнецке при Богородице-Одигитриевском храме, где и прослужил 40 лет. Здесь, в Кузнецке, вскоре ему предстоит встреча, которая заставит многое переосмыслить, укрепит его мысли о духовном подвижничестве как главном назначении человеческого существования. Тем более, что сама идея о духовном подвижничестве имела в Кузнецке исторические корни в лице знаменитого старца Зосимы.

В ноябре 1856 года состоялось личное знакомство Тюменцева с писателем Достоевским, который, получив согласие М. Д. Исаевой на брак, должен был выяснить в приходской церкви о необходимых для венчания документах, возможных его сроках. В тре-

тий приезд писателя (январь—февраль 1857 года) знакомство с отцом Евгением закрепилось венчанием, присутствием на свадьбе, домашними визитами. На время их встречи Тюменцеву было 28—29 лет, но Достоевский особо выделил его из знакомых кузнечан. Образ мышления, духовно-нравственный уровень молодого провинциального священника произвели на Достоевского благоприятное впечатление. О характере их общения отец Евгений напишет позднее: «Федор Михайлович бывал у нас в доме раз десяток, пивали чай, кофе и русскую, но в самом умеренном виде; беседы его, хоть и непродолжительные, были самые откровенные, задушевные...». Духовный мир провинциального священника оказался далеко не провинциальным. В сердечную беседу Достоевский вступал с человеком для него интересным. Их, людей с сильно развитым чувством совести личной и общественной, прежде всего волновали нравственные вопросы эпохи. Отсюда взаимный интерес друг к другу.

Сохранившееся письмо отца Евгения 1884 года в г. Томск характеризует духовную жизнь Кузнецка 50—60-х годов и его самого как личность: «...В то время литературная деятельность Федора Михайловича только еще начиналась, и я в это время был знаком только с его «Бедными людьми», затем вскоре с «Записками из Мертвого дома». Прочие его произведения в Кузнецкой училищной библиотеке были почти все и нашей интеллигенцией читались с большой охотой...» В далеком сибирском городке молодой приходской священник читает книги Достоевского. Это ли не показатель, как формировался могучий пласт духовной культуры Российской провинции.

Позднее воспоминания Ф. М. Достоевского о Кузнецке, вероятно, ассоциировались прежде всего с Е. И. Тюменцевым, что вновь подтверждается тем же письмом: «...Брак их совершен мною. Через неделю после венчания уехали они в Семипалатинск, а оттуда — в Петербург, откуда я получил от них два письма». Находясь уже в столице, Достоевский помнит о Кузнецком священнике и пишет ему. Для отца Евгения встреча с Ф. М. Достоевским («приснопамятным») была значительным событием всей жизни, что и подтверждается исключительно теплым характером его письма 1884 года (опубликовано в 1887 году. Достоевский. Материалы и исследования. Т. 7) и памятью. Знакомство с писателем способствовало духовной и общественной деятельности священника Тюменцева. Помимо непосредственных обязанностей отец Евгений исполняет должность «Градского депутата и увещателя» при ратуше, по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири назначен преподавателем Закона Божьего в уездное училище. Он один из немногих священников благочиния, составлявший собственного сочинения проповеди, высоко оцененные Томским епископом Платоном. За «особенное усердие в проповедовании слова Божьего... и отлично ревностное исполнение пастырских обязанностей» многократно награждался, получал повышения по службе как от местного Благочинного, так и Томского Епископа. В 1881 году от священного Синода награжден наперсным крестом. Во всех отчетах по Кузнецкому благочинию священник Тюменцев в течение 40 лет службы имеет самые лучшие отзывы о своей деятельности. Характеристика отца Евгения 70-х годов из Клировых ведомостей, данная Благочинным: «Поведения отлично хорошего. Богослужения во все воскресные, праздничные, а весьма часто и простые дни совершает с благоволением, прихожан поучает с усердием, трезв, скромен, кроток и весьма рачителен к благолепию храма».

В 1885 году протоиерей Евгений Тюменцев был назначен Благочинным. Завершение строительства Соборной и Фрололаврской часовен, благоустройство Одигитриевской церкви, возведение молитвенных домов, часовен, храмов, школ грамоты по сельским приходам — все имеет непосредственное отношение к деятельности отца Евгения как Благочинного. При Одигитриевском храме комплектуется библиотека, которой пользуются не только священнослужители, но и прихожане. О громадном нравственном авторитете отца Евгения говорит рост доходов Одигитриевского храма даже за счет жителей далеких шорских улусов. Всем своим образом жизни Е. И. Тюменцев являл личный пример для прихожан. Религиозно-нравственное миросозерцание и практическая деятельность отца Евгения существовали в полной гармонии, не внося разлада в его душевное равновесие, покоившееся на вере в добро и милосердие. В этом контексте как важнейший жизненный принцип звучат строки из его пожелания в письме алтайскому краеведу С. И. Гуляеву (письма обнаружены в Барнаульском краевом архиве Кемеровским историком В. Тогулевым): «...Молю Бога, да подаст он Вам здравие душевное и телесное, во всем да благословит, и да сохранит Вас на многая лета!»

В письмах Гуляеву просматривается совсем неизвестный аспект его деятельности — отец Евгений страстный садовод-любитель. Устроенный им на усадьбе парник-оранжерея восхищала горожан, в ней выращивались южные декоративные кустарники и цветы. Отец Евгений более 20 лет выписывал с этой целью журнал «Вестник садоводства». В городском пожаре 1884 года сгорел дом Тюменцева «со всей домашностью», погибли и письма Достоевского. В настоящее время известны четыре частных письма священника Тюменцева, каждое из них — человеческий документ исторической значимости.

Жена о. Евгения — Елизавета Павловна, дочь протоиерея Преображенского собора Кузнецка Павла Стабникова. Пятеро их дочерей (Екатерина, Елизавета, Евгения, Мария, Агния) получили в домашних условиях хорошее воспитание. Екатерина, выйдя замуж за чиновника, жила в Барнауле; Елизавета была замужем за кузнецким купцом М. Васильевым. Евгения Евгеньевна длительное время учительствовала в приходской школе с. Христорождественского, в 1897 году вышла замуж за мещанина из г. Мариинска. Из клировых ведомостей Одигитриевского храма известно, что Мария и Агния в 1912—15 годах еще жили в отцовском доме. Как могла сложиться судьба двух одиноких женщин с приходом революции, а с ней банды Рогова, можно только предполагать.

В 1893 году в возрасте 65 лет отец Евгений скончался. С разрешения Томского епископа Макария он был похоронен с высокими почестями в ограде Одигитриевской церкви. В городском краеведческом музее как ценнейшая реликвия хранится подлинная фотография отца Евгения 90-х годов. Духовная близость отца с писателем Достоевским, добрые пастырские дела в приходе и благочинии определили его место среди современников и, следовательно, в исторической памяти потомков.

М. Сорокин

КУЗНЕЦКАЯ ПАШНЯ

Проблема пропитания во все времена была для человечества одной из сложнейших. Россиянин, пришедший на постоянное житье в Сибирь, встретил здесь тайгу, богатую разнообразной дичью, грибами, ягодами, всевозможными съедобными растениями, рыбные реки и озера.

А вот привычных глазу славянина возделанных полей и пашен первопоселенец, возросший на кашах да на щах, не нашел. Нетрудно догадаться, как тосковал он в Сибири по душистому свежеиспеченному хлебу.

На протяжении долгого времени зерно, крупы, фураж в Сибирь приходилось завозить из-за Урала. Объемы этих перевозок бывали громадны — десятки, даже сотни тысяч пудов.

Доставка хлеба тяжким бременем ложилась на население восточных уездов страны. Только Вятка и Пермь отправляли в Сибирь свыше 18 тысяч пудов хлеба, много круп и толокна.

«Посадским и уездным людям,— читаем в одном из документов XVII века,— в тех хлебных запасах и в возке ставилась налога великая... От тех городов до Сибири проезд дальний, многие подводы назад от Сибири не дохаживали».

Поставки продовольствия производились нерегулярно, с большими перебоями. Тоненький ручеек помощи в голодные годы и вовсе пересыхал. И тогда... «бысть оскудение велие всяким запасам и мнози от гладу изомроша».

В XVII веке, на начальном этапе освоения края, проблема пропитания, как и сегодня, была чрезвычайно остра. Сибирские воеводы постоянно докучали центру своими почти беспрерывными просьбами прислать продовольствие.

Тобольский воевода, главный среди воевод Сибири, сообщал в Москву, что «служилые всякие люди бьют челом о хлебом жаловании беспристанно, а дати им нечего, хлеба на 1609 год с Руси не прислано... а говорят, приходя к нам: только де им хлебного жалованья не будет и им всем от голода с женами брести на Русь, а сибирские города и остроги покинуть, чтоб с голоду не помереть...»

Подобные вопли и стенания не прекращались весь XVII век: «Нам, холопем твоим, неведомо как з жанишками и з детишками прокормитца».

Опыт самых первых десятилетий освоения Сибири убедительно доказал, что единственно правильным, единственно возможным в тех конкретных условиях был курс на развитие собственного хлебопашества и животноводства, курс на обеспечение сибиряка собственным продовольствием.

Прошло совсем немного времени и первопоселенцы смогли убедиться, что настоящее золото Сибири, ее первейшее, главное богатство — ее земля, знаменитые черноземы.

Первая сибирская пашня была учреждена под Тюменью в самом начале 90-х годов XVI века, вскоре после гибели Ермака. С этой целью сюда из России прислали большую партию пашенных крестьян.

Правительство понимало, сколь сложным было учреждение сибирского хлебопашества. Потому и отнеслось к этому делу с должной ответственностью.

Первым сибирским землепашцам, переселенцам из Соли Вычегодской, выдали на подъем, на каждую семью «по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пять овец, да по двое гу-

сей, да по пятеру кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соху со всем для пашни, да телегу, да сани и всякую житейскую рухлядь, да на подмогу каждому дали по двадцать пять рублей...»

Переселенцы в Сибирь очень скоро убедились, что решить хлебную проблему усилиями одного пашенного крестьянства невозможно. Слишком малочисленна и слаба была в XVII веке эта социальная группа. Заниматься земледелием пришлось всем без исключения слоям населения (служилому люду, представителям духовенства и т. д.)

Столичные власти требовали от сибирских воевод, чтобы те следили, понуждали везде, где только возможно, заводить пашню. «Служилым людям говорили, чтоб себе для своей нужи пашню пахали сколько кому мочно».

Настойчивость, последовательность, целеустремленность не могли не принести положительных результатов. Уже в XVII веке в Сибири сформировалось целых пять крупных земледельческих районов — Верхотуро-Тобольский, Томско-Кузнецкий (Притомский), Енисейский, Забайкальско-Приамурский. К концу XVII века хлебопашеством в Сибири занимались почти 15 тысяч крестьянских хозяйств.

Первые попытки завести пашню под Кузнецком были предприняты сразу же после основания острога. Воевода Е. Баскаков сообщал в 1623 году тобольскому воеводе Ю. Сулешову (известному сибирскому реформатору), что вокруг Кузнецка «места степные, хлеб родится как и в инших сибирских городех».

Побеги 1626 и 1628 годов из Кузнецка, в которых вместе с представителями других социальных групп участвовали «государевы пашенные крестьяне», также свидетельствуют о попытках создать под острогом «государево хлебное поле». Правда, попытки эти особенно успешными не назовешь. Но все же...

В другом документе первых лет существования Кузнецка отмечалось, что близ острога «устроена государева пашня, а пашут государевы пашенные крестьяне». Известно, например, что в 1627 году с «государева хлебного поля» здесь собрали свыше 111 четвертей ржи и ярицы.

По мере развития хлебопашества в Кузнецком уезде правительство стремилось сократить поставки продовольствия из других регионов страны. При этом доводы приводились такие: «В Кузнецком пашенных земель много и крестьян немало, хлеба напахать на кузнецкие расходы бес тобольского присыльного и покупного сполна мочно».

Сибирским служилым людям правительство было вынуждено предоставить ряд льгот. Одна из самых существенных — хлебное жалование. В конкретных условиях Сибири именно оно представляло особую ценность.

В начале 40-х годов XVII века кузнецкий воевода Д. В. Кафтырев получил из Москвы указ: «Велено кузнецким служилым людям служить Наши службы без нашего хлебного жалования, с пашен своих, у кого сколько объявилось пашен их по писцовым книгам».

Если у служилого человека пашня превышала пять десятин, его обязывали платить государев налог, 10-й или 20-й сноп, т. н. «выдельной хлеб». Власти фактически ставили служилых людей в один ряд с прочим населением.

Такая попытка, естественно, вызвала у сибирских казаков бурю негодования. На этой почве в городах российского востока произошли серьезные столкновения служилых людей с властями. Кузнецкий воевода с тревогой докладывал в Москву, что

«служилые люди пашни свои пометали, не пашут».

В свою очередь, служилые люди в своих бесконечных челобитьях в Москву всячески пытались обосновать справедливость своих претензий на льготы. Мотивировали они их тем, что киргизские и калмыцкие люди хлеб «травят и вытаптывают и в кладях жгут, а иной и несжатой пропадает, и лошадей беспрестанно сгоняют, от того мы, холопы твои, разорились в конец без остатку и многие, покиня вашу государеву службу, разбрелись в иные сибирские города и впредь мы, холопи ваши, пашней своих пахать не чаем».

Борьба казачества за свои сословные привилегии принесла в конце концов желаемые результаты. Учитывая исключительно сложную обстановку в кузнецком приграничном регионе, правительство оказалось вынужденным пойти на значительные уступки, вернуло казакам их былые льготы.

«Как к тебе наша грамота придет,— говорилось в очередном царском указе кузнецкому воеводе,— и ты б кузнецким служилым людям за наше хлебное жалование велел нашу службу служить по прежнему нашему указу».

Восторженных отзывов о природных богатствах Кузнецкой земли столько, что их не вместишь в тесные рамки небольшого очерка.

Следует, однако, признать, что реализовать на практике эти преимущества было не просто. Прежде всего мешали постоянные, не прекращающиеся набеги кочевников.

Существенной помехой в деле освоения края являлся дисбаланс населения. Как это почти всегда бывало в районах первоначального освоения, мужчины преобладали среди первопоселенцев. Кузнецкие старожилы, преимущественно казаки, поглядывали на людей, сосланных в пашенные крестьяне, свысока, отказывались отдавать за них своих дочерей. И неслись в Москву, в Сибирский приказ, челобитные: «Все мы людишки одинокие и холостые. Как, государь, с твоей государевой пашни придем — хлебы печем, и ести варим, и толчем, и мелим сами. Опочиву нет ни на мал час! А кабы, государь, у нас, сирот твоих, женушки были, мы бы хотя избные работы не знали. Милосердный государь, царь, смилуйся, пожалуй нас, сирот твоих бедных, своим царским денежным жалованием на платьишко и на обувь, и вели, государь, нам прислати гулящих женочек, на ком женитися».

Лишь на первый, поверхностный, взгляд ситуация кому-то может показаться комической. Тогда же, в далеком XVII веке, она вырастала в серьезную проблему.

Внимательного отношения заслуживают горькие сетования кузнецкого воеводы Афанасия Зубова на тяжкий жребий своих подопечных: «Ссыльные люди... многие холостые, а велено их в Кузнецком остроге устроить на пашню и за тех ссыльных старые томские крестьяне дочерей своих и племянниц не дают, а выдают тех дочерей за казачьих детей и за племянников, и за братию».

Как предотвратить побеги? Этот вопрос постоянно беспокоил местную администрацию. Как добиться, чтобы переселенцы прочно осели в этом суровом крае, пустили в здешнюю землю прочные корни, обзавелись крепким хозяйством?

Самый верный способ закрепить человека на месте — помочь ему обзавестись семьей. Только где раздобыть в этом глухом, медвежьем краю для ссыльных невест? Кузнецкий воевода Афанасий Зубов, после некоторых колебаний, решился на крайний шаг. За отказ здешних старожилов отдавать

своих дочерей в замужество за ссыльных он приказал «имать в государственную казну по пяти рублей». Сумма по тем временам очень значительная.

Центральные власти полностью одобрили действия Афанасия Зубова. В полученном воеводой предписании говорилось: «Ты б кузнецким старым пашенным крестьянам велел дочерей своих и племянниц выдавать замуж за ссыльных холостых людей, за пашенных крестьян, чтоб тем тех ссыльных холостых людей от побегу унять, а буде выдавать замуж не учнут, имать на нас пеню большую».

Таковы были особенности обживания пустынных земель на далеких окраинах России.

А. П. Чехов, побывавший на Сахалине, выписал в одной деревне приглянувшуюся ему цитату из мужицкого прошения: «Просим покорнейше, ваше благородие, отпустить нам рогатого скота для млекопитания и женского пола для устройства внутреннего хозяйства».

Много трудностей встретилось на путях земледельческого освоения Кузнецкой земли. Несмотря ни на что, сельское хозяйство хоть и медленно, но прогрессировало.

Особенно это очевидно стало в первой половине XVIII века. Набеги кочевников на районы Притомья постепенно прекратились. Государственная граница сдвинулась на юг. Сибирь опоясалась цепью укрепленных линий. Одна из них — Колывано-Кузнецкая — логическое продолжение работы, проделанной в Притомье в предыдущем веке.

В безопасные, благоприятные для землепашества южные районы потянулись с севера крестьяне. Быстро стали возникать все новые и новые деревни.

Степан Крашенинников, участник Великой Северной экспедиции, путешествовавший по Томи, упомянул в своем путевом дневнике следующие деревни в районе Верхотомского острога: Щеглово, Кемерово, Березово, Бородину, Чернову, Глубокую, Писаную, Талую, Мозжуху... Почти все эти населенные пункты сохранились до наших дней. Им почти по триста лет.

С ростом городов, с появлением заводов и рудников, горняцких поселков, военных крепостей, золотых приисков резко возрос спрос на сельскохозяйственную продукцию и сырье. Частыми гостями в деревнях и селах Кузнецкого края стали скупщики. С каждым годом крестьянство все более втягивалось в рыночные отношения, заключало разнообразные сделки по купле-продаже.

Еще совсем недавно мы, историки, находившиеся под бдительным оком идеологических отделов партии, старательно подчеркивали всеобщее обнищание, разорение дореволюционного крестьянства, его процветание при колхозно-совхозном строе.

Нынче мы многое пересматриваем, многое подвергаем беспощадной критике. Газеты, журналы стали помещать немало правдивого материала о жизни дореволюционной сибирской деревни.

«Мои родители,— рассказывает Нина Салманова (Сибирская газета, 1991, № 20)—в колхоз пришли зажиточными, с землей и скотом... У нас были шубы, тулупы, малицы, сапоги и длинные и короткие, у мамы — кашемировые шали, кружевные накидки, красивые платья, туфли, а к смерти подошли хуже нищих. Умерли они у меня в Барнауле тихо и спокойно от тоски по Тарасовке, по родному крылечку, по земле, где есть Шарапов колок и Шараповы луга».

Вот она, причина благополучия сибирского крестьянства — земля-кормилица. Шараповы луга, на которых не одно поколение косило сено, Шарапов

колок, где десятилетиями стояла пасека...

И разве у одних Шараповых душа замирала о родной деревне. Сколько их, таких Шараповых, разбрелось по белу свету, так и не найдя истинного своего призвания? Попробуй теперь верни всех назад.

Хотите знать правду о степени материального благополучия сибирского крестьянства до революции? Тогда закройте книги советских историков-аграрников, обратитесь лучше к подлинным документам. Они очень красноречивы.

Давайте заглянем в окладные книги. Документ этот добротный, надежный. В них есть все: размеры семей, степень материального достатка...

Итак, окладная книга Колыванской волости за 1843 год. Село Поспелиха, знаменитое алтайское село. В семье Ефима Обоскалова одиннадцать мужиков. Все работящие, деловитые, проворные. У них 220 лошадей, 98 голов крупного рогатого скота, 106 овец, 31 десятина посева.

В семье у Редькина из деревни Михайловка девять мужиков. У них 150 лошадей, 75 голов крупного рогатого скота, 60 овец, 29 десятин посева.

Замятины, из деревни Кушниковой, что на Оби, ловили и сбывали осетров. Ежегодно отлавливали до четырех тысяч штук. Каждая рыбина по три-четыре пуда весом. Для транспортировки грузов держали триста лошадей.

Меня могут упрекнуть — мол, примеры не кузнецкие. Губерния-то ведь одна — Томская. Да и чисто кузнецких примеров тоже можно привести немало.

В конце XVIII века в деревне Березово, Верхотомской волости, Кузнецкого уезда жил крестьянин Новиков. Состояние его оценивалось почти в миллион рублей. Одних приказчиков у него трудилось по найму 80 человек. Караваны с зерном, медом, с другим добром Новикова регулярно доставляли грузы почти на все сибирские ярмарки.

Сегодня мало кто помнит, как жил сибирский крестьянин до революции. Более полувека даже вспоминать об этом было небезопасно. Сопоставление было явно не в пользу колхозно-совхозного строя.

Жили, конечно, в Сибири люди поразному. Кто побогаче, а кто и победнее. Каждый в меру своего таланта, удачливости, предприимчивости, расторопности. Сила, здоровье, выносливость, состав семьи у людей были неодинаковые. Много слагаемых у хозяйственного успеха.

Однако в целом мужик сибирский жил много лучше мужика российского. «Строятся в Сибири чисто, крыши всюду тесовые, одеваются и обуваются опрятно (все в сапогах), едят хорошо и сытно,— так обобщил свои впечатления известный знаток края Ипполит Завалишин. И добавлял: это ирландцы, переселенные на тучную и девственную почву северо-американских пустынь, и их эта почва переродила».

Всякий наблюдательный человек, впервые оказавшийся в Сибири, очень быстро улавливал особенности материального быта и психологии сибиряка. На этот счет можно приводить великое множество примеров.

По мере заселения и освоения Кузнецкого края в нем появлялись новые отрасли сельскохозяйственного производства. Здешние условия оказались исключительно благоприятными для пчеловодства.

Мало кто знает, что пчеловодство в Сибири — сравнительно молодая отрасль сельского хозяйства. Такая же молодая, как, например, картофелеводство. Еще в начале XVIII века Семен Ремезов писал о Сибири: «Земля хлебородна, овощна и скотна, опричь

меду и винограду ни в чем не скудно».

Ошибся мудрец. Прошло совсем немного времени, как появился в Сибири собственный мед.

Что же касается конкретной истории пчеловодства в Сибири, то она такова. Еще в 70-х годах XVIII века врач сибирского казачьего войска Беренс предпринял первую попытку завести пчеловодство восточнее Урала. Попытка эта не удалась.

Более удачливым оказался полковник Аршеневский, комендант Усть-Каменогорской крепости. Отсюда, из роскошных долин Горного Алтая, пчеловодство двинулось на северо-восток, очень скоро добралось и в кузнецкий край.

Притомье, с его многочисленными реками, речушками, ручьями, целебными ключиками, с глубокими логами, заросшими черемухой, другими цветущими, благоухающими кустарниками, с просторными лесными полянами, усыпанными дикими цветами, постепенно превратилось в крупнейшего производителя меда в Сибири.

Посетивший здешние края М. М. Сперанский, сибирский генерал-губернатор, записал в своем дневнике: «На каждом шагу мы здесь встречаем пчельники и мед здешний есть превосходнейший, ароматный».

Жители кузнецкой округи умело воспользовались выгодами своего положения, завели богатые пасеки.

К своему 300-летию Азиатская Россия (именно так называли Сибирь) подошла в расцвете сил. Было что итожить, было на что оглянуться назад. Не трутнем, великим трудягой прожил эти три века сибирский мужик. Сколько сил, сколько здоровья вложил в великое дело освоения края! Зато можно было и порадоваться за дело рук своих.

К этому юбилею Николай Михайлович Ядринцев, прозванный сибирским Герценом, написал статью, опубликованную в «Отечественных записках».

В ней говорилось: «...турок получает коровье масло из Сибири через Ростов-на-Дону, лондонская гостиная освещается стеариновой свечкой из сибирского сала, широкая, пуховая шляпа, покупаемая европейцем, приготовлена из шерсти сибирского зайца, сапоги, выделываемые в Лейпциге из сибирской кожи, красуются на ногах немца... Сибирский мех обвивает шею европейской певицы и служит подкладкой плаща китайского императора».

А сегодня обнищала Сибирь, влезла в неоплатные долги. Стоит в рубище на глазах у всего света, словно побирушка убогая, ждет, когда какой-нибудь богатый дядя (Тайвань, Гонконг, Сингапур, Южная Корея или какой другой богатырь) подбросит вконец изголодавшемуся сибиряку маслица, мясца или другой какой «гуманитарной» помощи. Не дайте, мол, добрые люди, погибнуть голодной смертью... Дохозяйничались... Так и просится на язык крепкое мужицкое словцо.

Почему так все случилось? Полагаю, что ответить на этот вопрос, при нашей сегодняшней осведомленности, не так уж и трудно. Сложнее изменить сложившийся порядок вещей, восстановить присущий сибиряку дух предпринимательства, возродить в нем чувство хозяина-собственника. Только на этой основе возродится разоренное хозяйство — земледелие, ремесла, торговля.

В. Волчек, В. Тогулев

ГИМНАЗИСТЫ

Совсем недавно стараниями кемеровского краеведа М. М. Кушниковой опубликованы воспоминания Вениамина Булгакова о его детстве и юношестве (конец XIX—начало XX вв.). Совершенно особенное место в заметках Булгакова отведено Томску, где он, Вениамин, и два его брата — Константин и Валентин — учились в гимназии.

Напомним, что братья — сыновья известного деятеля народного образования Федора Булгакова, жившего в Кузнецке. По нашим отрывочным, далеко не полным сведениям, в этот период в томской гимназии учились также дети учителя истории и географии кузнецкого уездного училища Ивана Шункова и сын учительницы с прииска Неожиданного (близ Кузнецка) Раисы Шемелевой — Владимир, впоследствии — историк, автор «исчезнувшей» и сохранившейся лишь в черновиках в Новосибирском облгосархиве «Истории Кузбасса».

Этих людей, так или иначе связанных с Кузнецком и томской гимназией, объединяет многое. Все они примерно одинакового возраста, находились на иждивении только одного родителя (отца или матери) со скромным достатком и воспитывались в семьях, где не понаслышке знали, что такое труд Учителя.

В то время, когда интерес к теме «Кузнецк — Томская гимназия» оживился (в известной мере он был стимулирован усилиями М. Кушниковой), встала на очередь задача проиллюстрировать отчасти или дополнить материал Вениамина Булгакова свежими архивными находками. Будем надеяться, что публикуемые без претензий на «всеохват» архивные фрагменты (может, не всегда удачно связанные), нам в этом помогут.

Булгаковы

Об отрочестве Булгаковых — Валентина, Вениамина и Константина — уже писалось. Замечательные воспоминания оставлены на этот предмет, к примеру, одним из братьев — Вениамином. Крупицы материала нашлись и в Томском облгосархиве.

Особенный интерес вызывает судьба Валентина (впоследствии — секретарь писателя Л. Н. Толстого). Уже в годы учебы он проявил себя не только как способный ученик, но и как исследователь, замеченный, между прочим, знаменитым Потаниным[1].

Гимназию Валентин окончил с золотой медалью. В одном из толстых, похоже, нетронутых пока исследователем, расшитых дел томского госархива обнаружен его аттестат зрелости, № 361, от 2 июня 1906 г. с отличными отметками. Лишь напротив странного, непонятного современному школьнику сокращения «мат. география» начертано аккуратное—«4». На обороте аттестата рукою директора гимназии выведено: «Во внимание же к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, педагогический Совет постановил наградить его, Булгакова, золотой медалью...» Ниже — автограф Валентина, «Аттестат за № 361 получил»[2].

Любопытнейший источник (поврежденный, к сожалению, при сшивании дела) — кондуитный список Валентина Булгакова, с характеристиками классного наставника и записями проступков[3]. Вчитайтесь в некоторые из них:

1899 г.: «Способности очень хорошие, прилежен и довольно внимателен. Характера живого, подвижного. Склонен к раздражительности. Есть

задатки эгоизма. Скромный, вежливый, довольно уживчивый... аккуратный, общительный и исполнительный».

1903 г.: «Способности хорошие. Мальчик очень любознательный и начитанный».

5 мая 1903 г.: «...дерзкий ответ г. преподавателю Родевичу: «Вы сами громче меня кричите».

1904 г.: «Способности отличные. Усидчивость — замечательная. Ученик аккуратный, немного нервный в речах и поступках. По развитию своему выше других учеников. Характер самостоятельный, разве только замечается незначительная наклонность к занятию (?) общими, групповыми интересами».

Мать Булгаковых — Татьяна Никифоровна, вдова ныне хорошо известного в краеведческих кругах педагога — находилась в материальном плане в обстоятельствах стесненных, постоянно нуждалась и жила в Кузнецке. Поэтому братья (первоначально — Валентин и Константин) содержались в пансионе при гимназии на казенный счет. По действующим тогда правилам, дети служивших и служащих в средних и низших учебных заведениях министерства народного просвещения от платы за обучение освобождались, хотя в конкретном случае могли быть и проволочки.

Так, 13 мая 1901 г. Татьяной Никифоровной, вдовой коллежского асессора, направлено прошение в Томск следующего содержания:

«Не имея средств содержать сына своего Вениамина, честь имею покорнейше просить Ваше Высокородие (очевидно, попечителя учебного округа?—Авт.) похлопотать о приеме его в пансион Томской гимназии на казенное содержание, а в случае, если нельзя принять на полное казенное содержание, то прошу принять его полупансионером (над последним словом неизвестной рукой — вопросительный знак; очевидно, речь идет о кандидате в пансионеры.— Авт.)»[4].

А вот как решался этот вопрос на заседании педсовета гимназии 6 сентября 1901 г.:

«Вторично обсуждался вопрос о принятии в пансион на казенное содержание Булгакова Вениамина, ученика II класса, вследствие присланного г. Попечителем учебного округа на заключение прошения г-жи Булгаковой. По всестороннем обсуждении постановили: отказать Булгакову Вениамину ввиду того, что два его брата уже пользуются казенными стипендиями в пансионе при Томской гимназии, а таким образом, помещение на казенное содержание и третьего брата было бы несправедливым по отношению к другим нуждающимся в этой стипендии лицам, тем более, что материальное положение г-жи Булгаковой сравнительно обеспечено (собственный дом в Кузнецке, пенсия в размере 45 руб. в месяц), но зачислить кандидатом»[5] (Из протокола заседания педсовета).

Вскоре за серьезный проступок Константина лишили права пользоваться пансионом и его место занял брат Вениамин:

«Особое суждение совет имел об ученике V класса Булгакове Николае (очевидно, описка; правильно — Константин.—Авт.), воспитаннике пансиона, ввиду проступка, им допущенного (ударил гимназического служителя, когда тот выполнял приказание, отданное ему г. Инспектором). Принимая во внимание этот проступок, грубость, которою он отличается, и другие свойства, которые делают нежелательным его пребывание в пансионе, постановили: а) лишить Булгакова Николая казенной стипендии, которою он пользуется; б) ходатайствовать пред г. Попечителем учебного округа о зачислении на освободившуюся таким образом вакансию Булгакова Вениа-

мина II класса, брата его, который уже зачислен кандидатом на казенную стипендию в пансионе при Томской гимназии и при отличном поведении обнаруживает хорошие успехи»[6] (Из протокола заседания педсовета гимназии № 13 от 17 и 19 декабря 1901 г.).

К слову, старший брат Константин тягой к учебе, прилежанием не отличался — классные журналы и балловые книги гимназии пестрят «тройками» и «двойками», особое неприятие вызывала латынь. В разрядных книгах пансиона его имя занимало одно из последних мест[7]. За шалости, разговоры и подсказки на уроках, шум в переменах, грубость Константин получал взыскания (в числе немногих) очень часто[8]. Чего стоит, скажем, такое только место из отчета гимназии за 2-ю четверть 1901/02 учебного года: «...ученик Булгаков... аттестован за поведение баллом 3 за крайнюю грубость относительно сторожа гимназии»[9]?

Окончив шесть (из восьми) классов, Константин подал прошение об увольнении из числа гимназистов «для поступления на военную службу». Протоколом заседания педсовета № 22 от 29 мая 1903 г. прошение было удовлетворено[10]. Желание связать свою судьбу с «военной службой» заставляет задуматься. Антивоенными настроениями, актуализированными в более поздний период не без влияния Л. Толстого, отличался Валентин. Взгляды Вениамина на этот счет тоже известны и отражены, скажем, в его рассказе «Синее поле»[11] (1925), в котором он выступает против бессмысленности войны — и выбор Константина уже поэтому только ставит перед исследователем много вопросов...

Шемелевы

В Томском облгосархиве имеются свидетельства об учебе в мужской гимназии Владимира Ивановича Шемелева, известного своими разысканиями в области истории.

Родился он 6 августа 1885 г. в Бийске, а с 1896 года семья его жила под Кузнецком, на прииске Неожиданном, где мать работала учительницей. В 1900 г. Владимир поступает в 5 класс Томской гимназии «по свидетельству Семипалатинской прогимназии»[12].

В заверенном гербовой печатью отношении горного исправника Алтайского округа, подполковника в отставке Попова (9 июля 1901 г.) содержатся сведения о материальном положении семьи Шемелевых:

«Сим удостоверяется, что лично мне известная предъявительница сего Бийская мещанская жена Раиса Флегонтовна Шемелева состоит учительницей на прииске Неожиданном Южно-Алтайского Золотопромышленного Дела, получает жалованья 540 рублей в год. Совместно с ней и на ее попечении находится ее семейство, состоящее из матери 69 лет и детей: Владимира 16 лет, который учится в Томской гимназии, Александра 10 лет, Веры 8 лет, Василия 7 лет и Бориса 2 лет. Так как жизненные припасы на приисках дорогие, то весь ее заработок уходит на содержание семьи»[13].

С отношением подполковника Попова и официальным прошением на имя директора Томской гимназии послано частное письмо Раисы Шемелевой (10 июля 1901 г.):

«Прошу извинения за то, что я, помимо прошения, пишу Вам частное письмо, но крайняя необходимость заставляет меня сделать это. Мой сын, Владимир Шемелев, переведен в 6 класс вверенной Вам гимназии, нынче должен был поступить в гимназию мой второй сын — Александр, но пришлось пока оставить его дома, потому что воспитание Владимира мне стоит очень дорого, моего жалованья и частных уроков не хватает мне, чтобы содержать всю семью и давать воспитание

Владимиру. Управление приисками, где я служу, вполне входит в мое положение и доверяет мне, поэтому я пользуюсь (случаем?— Авт.) брать деньги, когда мне нужно послать в Томск сыну. Я должна управлению приисков и оно допустило этот долг, видя мое безвыходное положение...»[14].

«Безвыходность» эта подчеркивалась тем, что отец Владимира вынужден был оставить семью, т. к. ввиду тяжелой болезни найти ему работу на прииске не представлялось возможным:

«По собранным сведениям, муж ее (т. е. Раисы Флегонтовны.— Авт.), Иван Кузьмич Шемелев, 43 лет, был серьезно болен в течение пяти лет, в настоящее время может ходить только при помощи костылей. Не имея возможности в подобном состоянии иметь какое-либо занятие на приисках (до болезни он служил на приисках материальным и конторщиком), служит у родственников в селе Усть-Чарышская пристань Барнаульского уезда, зарабатывает 15—20 рублей в месяц, что ему и хватает только на его содержание...» (Из отношения подполковника Попова).

В тяжелейших условиях, в которых оказались Шемелевы, все надежды возлагались на Владимира:

«Теперь я прошу о стипендии для Владимира, потому что на него возложены все надежды семьи. Если он окончит гимназию, то он поможет мне воспитать остальных детей, которых, кроме него, четверо. Раньше я не просила о стипендии, потому что надеялась на выздоровление семьи, он не вставал с постели в продолжение пяти лет вследствие болезни; вот уже второй год, как он начал ходить, но на костылях, доктора сказали, что совершенно поправиться он не может; он очень ослаб за время пятилетней болезни, поэтому теперь имеет службу за небольшое вознаграждение, которое ему только хватает самому на содержание...» (Из упомянутого письма Р. Ф. Шемелевой).

Средств содержать Владимира у матери не было и в конкретном случае представлялась важной помощь от гимназии. Еще в марте 1901 г. Р. Ф. Шемелева обращается с официальным прошением к директору: «Вследствие неимения средств к жизни, кроме жалованья, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство освободить от платы за право учения... моего сына Владимира Шемелева»[15]. А спустя четыре месяца хлопочет о стипендии Владимиру как остронуждающемуся:

«Я учительствую одиннадцатый год, я была учительницей в Бийской женской прогимназии пять лет и уже шестой год состою учительницей на Неожиданном прииске. Просить о стипендии для моего сына это уже крайняя необходимость. Жизнь в Томске дорога и за 15 руб. в месяц никто не берет Владимира на квартиру, а 20 руб. платить нет возможности. Чтобы воспитывать его, приходится во многом отказывать семье. Теперь я должна управлению и боюсь думать, что Владимиру будет отказано в стипендии; тогда придется, несмотря на его желание учиться, взять его из гимназии, думаю, что самое большое еще полгода я могу давать ему средства на его образование. Простите, что обеспокоила Вас (т. е. директора гимназии.—Авт.) моим письмом...» (Из письма Р. Ф. Шемелевой).

Сказать определенно, в каких условиях и где жил будущий историк Шемелев в период учебы в Томске — трудно. В одном из классных журналов, как будто, написано, что у своей тетки, Лушаковой Анны Ивановны, по Никольскому переулку[16]. Учился же в основном посредственно, с редкими «хорошо» и «отлично» при отличном

поведении[17] и в 1904 г. восьмилетний гимназический курс окончил[18].

Шунковы

Интересно, что в тяжелом положении были не только Булгаковы или Шемелевы, но и сын учителя истории и географии Кузнецкого уездного училища, коллежского асессора Ивана Семеновича Шункова — Иван, что проучился в гимназии 3 года (1896—99) после окончания 1 класса в кузнецком училище.

«...вследствие крайне ограниченных средств,— писал Иван Семенович директору гимназии,— в содержании, при очень значительном семействе: при мне, кроме 4-х детей, проживает мать — вдова 65 лет и сестра — девица 40 лет, я, как лицо, состоящее на службе по Министерству Народного Просвещения более 10-ти лет, имею честь покорнейше просить Вас, Ваше Высокородие, не отказать в ходатайстве, чтобы сын мой, при обучении во вверенном Вам учебном заведении, был принят в пансион и воспитывался на казенный счет,— о чем я имел честь лично просить его Превосходительство, Господина Попечителя Западно-Сибирского округа и получил милостивое обещание» (прошение И. С. Шункова 29 марта 1896 г.)[19].

Прожив три года в Томске (у вдовы священника Степаниды Ивановны Черницкой?[20]), Иван вернулся в Кузнецк «вследствие его слабого здоровья»[21].

В делах гимназии более позднего времени упоминается еще один Шунков, замеченный в беспорядках среди учеников старших классов, спровоцированных по политическим мотивам студентом Шлосбергом в двадцатых числах октября 1907 г.— «Шунков, 16 лет, пансионер, сын чиновника, поведения отличного, ранее ни в чем предосудительном не замечался, учится хорошо. Был в толпе демонстрантов»[22].

Указание на пансион как на место жительства означает, что Шунков был иногородним, причем весьма нуждающимся. По-видимому, это был один из сыновей И. С. Шункова — Павел, упоминание о рождении которого было найдено недавно в Кемеровском облгосархиве в метрической книге Спасо-преображенского Собора г. Кузнецка за 1890 г.[23]

* * *

В фонде мужской гимназии в Томском облгосархиве, материалами которого мы пользовались, более тысячи дел. Понятно, что при составлении статьи использована малая толика. Пересказано лишь самое интересное с точки зрения новизны, но по-прежнему остается много «белых пятен», которые рано или поздно найдут своего исследователя. Быть может, этому исследователю сегодняшний разговор с читателем «Разысканий» покажется небесполезным.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] О связях Вал. Булгакова с Г. Н. Потаниным см. документы, обнаруженные в научной библиотеке Томского госуниверситета: НБ ТГУ, ОРК, Архив Г. Н. Потанина, оп. писем, № 472 (1908 г.) и 473-а (1915 г.); оп. рукописей, № 50 (1906 г.).

[2] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 823, л. 18.

[3] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 823, лл. 367, 368 и 385 — особенности переплета!

[4] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 198, л. 5.

[5] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 29, л. 16.

[6] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 29, л. 45 об.

[7] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 192, лл. 100—101; д. 184, л. 21 об.; д. 770, л. 65 об.; д. 29, л. 54 и др.

[8] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 29, л. 49; д. 30, л. 31 об. и 47 об.; д. 192, л. 35—37 и др.

[9] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 192, л. 37.

[10] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 30, л. 79 об.

[11] Вен. Булгаков. Синее поле. М., 1925.

[12] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 717, л. 242.

[13] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 198, л. 11.

[14] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 198, л. 9.

[15] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 201, л. 30. Аналогичное прошение — 9 июля 1901 г., см. там же, д. 198, л. 10.
[16] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 775, л. 1 об.
[17] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 775; д. 795, л. 22 об.; д. 809, л. 9.
[18] Список лиц, коим от Томской Губернской гимназии были выданы за время с 1903 по 1908 год аттестаты или свидетельства зрелости, а также иные удостоверения об образовании. Томск, б.г. С. 4.
[19] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 782, л. 40.
[20] Там же, л. 41.
[21] Там же, л. 39.
[22] ГАТО, ф. 101, оп. 1, д. 290, л. 27 об.
[23] ГАКО, ОДФ-60, оп. 1, д. 541, л. 50 об.

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

В ГЛУБЬ ИСТОРИИ ПОЧТИ НА 200 ЛЕТ...

История изучения традиционной культуры телеутов российскими учеными насчитывает уже почти 260 лет. Уникальные описания телеутов были сделаны в XVIII и XIX веках академиками И. Г. Гмелиным, И. Г. Георги, И. П. Фальком, В. В. Радловым, известными исследователями Сибири С. П. Крашенинниковым, Г. И. Спасским, И. Завалишиным, В. И. Вербицким. В XX столетии славные традиции академической школы этнографии были продолжены в работах А. В. Анохина, А. Г. Данилина, Н. П. Дыренковой, Л. П. Потапова. В опубликованных работах и архивном наследии этих четырех ученых многие аспекты телеутской культуры получили всеобъемлющее освещение. Тем не менее, ранние этнографические описания до сих пор продолжают поражать нас своей яркостью и дают ценный материал для изучения многих к настоящему времени существенно изменившихся сторон телеутской культуры. К числу таких описаний следует отнести статью-монографию Григория Ивановича Спасского «Телеуты, или Белые Калмыки». Статья была издана в 1821 году в журнале «Сибирский вестник» (часть 13, книга I. С. 7—14; часть 16, книга 10. С. 282—287 и книга II. С. 316—321) и, в силу недоступности этого издания, незнакома как самим телеутам, так и большинству из тех, кто интересуется историей земли Кузнецкой.

Автор статьи — Григорий Иванович Спасский — родился в сентябре 1783 года в г. Егорьевске Рязанской губернии в семье священника. Получив образование в Коломенской духовной семинарии, шестнадцатилетний Григорий без согласия отца уезжает в Москву. Не поступив в Московский университет, юноша переехал в Санкт-Петербург и поступил на службу в Бергколлегию. В течение трех лет он активно занимался самообразованием и стал членом общества любителей наук, словесности и художеств. С 1803 года в жизни Г. И. Спасского начался сибирский период. Будучи горным инженером, за 12 лет он сумел объездить почти всю Сибирь. Широта интересов позволила ему активно вести исторические, этнографические и археологические наблюдения и исследования. Признанием его научных достижений стало избрание в 1810 году членом-корреспондентом Академии наук по разряду восточной словесности и древностей. Особую известность в научных кругах принесли Григорию Ивановичу Спасскому капитальный труд «Древности Сибири» и издание в Санкт-Петербурге двух журналов: «Сибирский вестник» (1818—1824) и «Азиатский вестник» (1825—1827). Востоковедам Г. И. Спасский известен как один из первооткрывателей загадочных письмен Сибири, которые позже получили название «тюркская руническая письменность». Лингвисты знают составленные им словари двух вскоре исчезнувших народов — койбалов и моторов. Исследователи истории Крыма знают о нем как об археологе: в 1835—1838 годах он работал в Крыму начальником соляных копей, сочетая основную работу с занятиями историей и археологией. В 1838 году Г. И. Спасский получил право на пенсию и с этого времени поселился в Москве. Умер он 29 апреля 1864 года в возрасте 80 лет, оставаясь до самых последних своих дней активным сотрудником многих научных обществ.

Надеясь, что публикация статьи Г. И. Спасского заинтересует не только любознательных читателей, но и, возможно, местных ученых, я счел возможным опубликовать ее практически в том же виде, в каком она издана 171 год назад. Сохранена внутренняя самостоятельная пагинация статьи — начало на с. 1—8, продолжение на с. 9—14, окончание на с. 15—20. Нет изменений в пунктуации и в орфографии (за исключением отказа от твердого знака в конце слов и замены буквы «і» буквой «и») оригинала. Изменений немного и сводятся они к следующему: постраничные примечания оригинала для удобства переиздания вынесены общим списком в конец первой части статьи; опечатка на странице 12, на которую Г. И. Спасский указал в конце 20-й страницы (вместо «им»—«камом») исправлена сразу по ходу текста; не воспроизводятся в тексте фразы «Продолжение впредь» в конце 1-й части и «Окончание впредь» в конце 2-й, а также название статьи с пометкой «Продолжение» и «Окончание» в начале 2-й и 3-й частей статьи соответственно; подзаголовки перемещены с полей в текст и подчеркнуты сплошной линией.

Григорий Спасский

ТЕЛЕУТЫ, ИЛИ БЕЛЫЕ КАЛМЫКИ

О происхождении Телеутов, их нравах, обыкновениях и домоводстве

с. 1. **Происхождение Телеутов.** Соседственная жизнь Телеутов с Татарами произвела между теми и другими столь много сходства, что некоторые писатели производят их от Татарского племени[1]; но точнейшее разъяснение ясно открывает произхождение Телеутов от Калмыков.

Телеуты имеют предание, что они некогда кочевали вместе с Телесами в Алтайских горах по берегам Телескаго озера, от коего, по словам их, получили и самое название свое. Язык, // вера и многие житейские обряды Телеутов, общие с Телесами, доказывают совершенную справедливость такового предания.

с. 2. В Сибирских старинных письменных делах, Телеуты, известны под именем Белых Калмыков, а Телесы под именем Черных. Причиною сих противоположных названий Миллер поставляет цвет их лица, а Георги прежния жилища Телеутов, близ гор покрытых вечным снегом. Вероятнее кажется, что оныя приданы им для отличия их между собою, либо от образа их жизни и преимущественной верности России одних перед другими: ибо первые имели постоянныя жилища и платили изправно ясак, а последния вели кочевую жизнь и частыми набегами обезпокоивали, как Русския селения, так и самых Белых Калмыков. В Сибирских Архивах многия есть на то доказательства. Между прочим видно из дел, что Белые и Черные Калмыки были иногда и в связи между
с. 3. собою, как то: в свитке (Кузнецкой Архивы) 7130 (1622) // года сказано, что 7129 года Декабря в 7 день присылал из Белых Калмыков князек Абак в город Томск прямити Государю одних Черных Калмыков и что Каракула Тайша (Черных Калмыков) сбирается войною (на Русских), потому что люди его, посланные в посольстве, к нему из Москвы не бывали.

Жилища. Телеуты живут ныне Томской Губернии в Кузнецком уезде. Управляются тамошним Земским начальством и выбранными из общества их Башлыками на общих правилах, постановленных для Ясашных Сибирских народов, платя в казну не большую подать зверями, или так называемый ясак. Все деревни или улусы их расположены на веселых и открытых местах по берегам речек и состоят из малаго числа домов. В одном только так называемом Большом улусе считается до 50 домов. Избы их сходны с тамошними крестьянскими; но в них нет такой чистоты и опрятности. Достаточные Телеуты имеют порядочныя горницы, снабженн//ыя лавками, скамьями, полками и столами. В переднем углу горницы помещают они своих Бурханов, сделанных из дерева или сшитых из лоскутья, на подобие кукол; а под ними ставят окованные железом сундуки с платьем и прочим имуществом, покрывая их коврами; в заднем же углу обыкновенно находится постеля самаго хозяина. В таковых домах живут они зимою и летом[2]. Почти при каждом из них есть двор, скотской пригон и хлевы для мелкаго скота.

с. 4.

Наружный вид. Телеуты большею частию имеют высокий рост, плоское сухощавое лицо; глаза карие, волосы черные. Женщины их пригожи. Дети очень походят на Калмычат, с возрастом же сходство сие изменяется.//

с. 5.

Нравы. Нравственность Телеутов почти такова же и ныне, каков описал ее Георги[3]. Они, по словам его, ленивы, сварливы, упрямы и нечувствительны. Разум их неизощрен и туп. Желания ограниченны и не простираются далее необходимых нужд.

Одежда. В одежде Телеуты подражают частию соседственным кочующим народам и Татарам, частию же Русским. Некоторые из них имеют хорошие покрытые сукном шубы и шелковые или бумажные халаты. Волосы носят они разпущенными. Молодые же люди иногда на затылке заплетают их в косу. Женщины в наряд надевают по два платья, одно короче другаго, а на голову круглую шапку; волосы не заплетают оне в две косы. Девушки носят платье почти такое же, но волосы плетут в несколько кос, украшая лентами, кольцами и так называемыми змеиными головками. Летом те и другия часто имеют на себе только длинную рубаху, сшитую из какой-либо // бумажной цветной ткани или выбойки, а обувь их состоит зимою и летом из башмаков и красных шерстяных чулков[4].

с. 6.

Пища и питие. Пищу заимствуют Телеуты от земледелия своего и скотоводство. Они сеют почти всякаго рода хлеб, произрастающий в тамошнем краю, и разводят некоторые огородные овощи. Из домашних животных имеют они по-нескольку лошадей, коров и овец, держат также гусей, уток и кур. Они употребляют в пищу, как первых так и последних, равномерно битых и изгибших.//

Вода составляет обыкновенное их питье, некоторые делают однако же хлебный квас и гонят из хлеба или из кобыльего молока вино, которое сколь ни противно для вкуса и обоняния; но они пьют его охотно.

с. 7.

Курение табаку у Телеутов гораздо в меньшем употреблении, нежели у кочующих народов.

Промыслы. В зимнее время большая часть Телеутов занимаются звериным промыслом. Оный начинается в конце Октября или в начале Ноября, когда снег уже несколько окрепнет и можно будет ходить на лыжах. Промысел производят они в горах, лежащих в окрестности их улусов до Апреля месяца. Предметом онаго служат соболи, лисицы, горностаи, колонки, зайцы, медведи и изредка лоси. Во время промысла питаются они мясом всех добытых зверей, кроме горностая, коего по причине противнаго запаха почитают нечистым. Бедные же и малосильные люди занимаются почти одним только промыслом барсуков по близости своих улусов. Шку//ры их продают, а мясо и жир, остающиеся от пропитания, просолив, приносят в свои домы. Летом ловят они также харьков и сусликов, из коих собирают легкие и красивые меха.

с. 8.

Упражнения женщин. Главныя обязанности женщин: доить коров, кобыл и овец; прясть шерсть и поскон; ткать сукно и холстину; красить оныя в зеленой, красной или желтой цвет: в другие же цветы красить оне не умеют. В отсутствие мужей женщины занимаются всеми вообще домашними работами.

* * *

Примечания Гр. Спасского к первой части:

1 — Миллер Истории Сибир. гл. I. стр. 16. Георги опис. обит. в России народов Ч.П. стр. 155 и проч.

2 — Георги в описании Телеутов (Ч.П. стр. 158) не справедливо говорит, что они имеют летния кеглеобразныя юрты, которыя покрывают будто бы рогожками из лыж гороховника.

3 — Опис. обит в России народ. Ч.П. стр. 155.

4 — Но лаптей, о коих упоминает Георги (там же на стр. 159) ни Телеуты, ни другие Сибирские жители совсем не знают. Желательно, чтобы по примеру их, вместо сей непрочной и гибельной для лесоводства обуви, повсюду оная приготовлялась из кожи. Сия последняя в общей сложности почти не дороже будет стоить первой, хотя гораздо удобнее иной, приятнее для глаз и более может способствовать сохранению здоровья.

с. 9.

О образованности Телеутов: вере их, Камах или Шаманах, и о жертвоприношениях

Образованность Телеутов. Перемена пастушеской жизни в постоянную, почти у всех народов вела за собою уменьшение скотоводства и приращение земледелия. Но Телеуты потеряли первое и не усовершенствовались в последнем. Они худые скотоводцы и посредственные пахари. Если в нынешнем своем образе жизни по нравственности несколько и отличаются они от единоплеменников кочующих в Алтайских горах; но не всегда с выгодной стороны. Они не имеют ни грамоты, ни школ, ни самой охоты к обучению своего юношества.//

с. 10.

Времяисчисление. Нельзя не заметить однако же, что Телеуты и другие некоторые Сибирские народы, остающиеся на низкой ступени в нравственном и гражданском образовании, имеют собственное счисление времени. Телеуты год (инть) разделяют на летний (джасъ) и

зимний (кюсъ). Летний начинается со времени вскрытия рек, а зимний с перваго снега. В каждом годе полагают они шесть месяцев (ай). Первый месяц соответствующий Апрелю называется Курузъ — ободранной белки; второй Таргъ — пахотный; третий — Бессъ — кандыка, по растению, котораго корень употребляют они в пищу; четвертый Одъ — очистительный; пятый Улучъ — большой; шестый Урякъ — жатвенный; седьмый — Уртень — молотильный; осьмый Куртьяк — старушечий; девятый Улу — великой; десятой Кичь — маленькой; одиннадцатый Четъ — ветряный; двенадцатый Аши — последний зимний. Счисление же дней начинается у них от прибыли и убыли луны.

с. 11. **Вера Телеутов.** Не многие из Телеутов приняли православную Грекороссийскую веру; большая их половина поклоняется куми//рам, коснея в Шаманском язычестве. Телеуты изповедующие Христианской закон и живут наиболее около крестьянских селений, не переходя однако же из сословия ясашных.

Достойно примечания, что и остающиеся в язычестве Телеуты, чтят воскресные дни и некоторые праздники, особливо св. Николая чудотворца (Микула кунь), во имя котораго находится Церковь по близости их улусов. Сие подает утешительную надежду в скором обращении сих заблуждающихся язычников на истинный путь к блаженству.

Хотя каждый Телеут, почитающий Кама или Шамана, имеет в доме своем бурханов, сделанных грубо из дерева, либо сшитых из лоскутьев, и изображение волшебнаго бубна, в виде круга, разделеннаго поперечною вставкою на две части; но кажется ето делают они только из угождения неистовым своим кумиослужителям — и потому держат Бурханов в мраке, покрытых пылью.

с. 12. **Камы или Шаманы.** Телеутские Камы тоже, что Шаманы у других кочующих народов юж//ной Сибири.— В одном из улусов Телеутских, называемом Бачатским, я был свидетелем камланья или волхнования одного такого Кама над больным. Сей Кам, по имени Иртак, пользовался отличным уважением Телеутов. Он имел высокий рост и приятную наружность; во время действия был в обыкновенном платье, накрытом белым полотном, и бил в волшебной свой бубен с ужасным ревом и изступлением. (Следующая строка на странице оригинала расположена несколькими сантиметрами ниже предыдущей, что позволяет предполагать пропуск текста при наборе.— Д. Ф.).

Волхнование сие оканчивается обыкновенно требованием в жертву богам лошади, коровы и даже иногда барана, назначенной Камом шерсти. Если не сыщется такой жертвы у самаго хозяина, то стараются достать у других меною или куплею. По приведение оной тотчас ее задушают, мясо варят и съедают все собравшиеся тут люди; а кожа достается Каму. Когда же больной после сего не выздоровеет и Кам призван будет в другой раз, то кожа убитаго животнаго остается уже хозяину.//

с. 13. **Общественное жертвоприношение.** К обрядам веры Телеутов принадлежат также общественныя и частныя жертвоприношения. Первое совершается во всех улусах около 20 июля. Предметом онаго бывает благодарность Богу, за низпосланныя в минувшем году милости, и прошение о продолжении их на новый год. В назначенный день съезжаются все Телеуты мужеска и женска пола, старые и молодые, к какой ни-

будь речке около 5 верст от улуса, пригоняют туда трех лошадей, либо вместо оных трех рогатых скотин и привозят множество дров. По прибытии на место задушают сих животных, снимают с них кожу, раскладывают огонь и варят мясо в котлах. Между тем все становятся лицем на восток и кланяются; а Кам бьет в свой бубен с ревом и кривляньем. Во все время пока варится мясо, продолжают молитву, потом кладут
с. 14 оное в большия чаши, вокруг коих садятся артелями и употребляют мясо в пищу без вилок, а отвар хлебают, каждой привезенною с собою // ложкой. После того кости сожигают на костре, а кожи продают, и полученныя за них деньги делят поровну.

Частное жертвоприношение. Для частных жертвоприношений нет определеннаго времени; но оныя бывают по особенному обету. Телеут, желающий совершить жертвоприношение, сзывает к себе родственников своих и приятелей и приглашает Кама. Они выходят все вместе вне улуса и выводят туда обреченных на жертву лошадь или быка; делают помост на четырех деревянных столпах, сажени в полторы вышиною, задушают приведенное животное, разпарывают на нем кожу и не отнимая ни головы, ни хвоста сдирают ее; потом развешивают на длинной жерди, ставят к жертвеннику с западной стороны, принаровя голову глазами на восток. Наконец тушу разнимают на части, стараясь не повредить костей, варят мясо и едят. Сии действия сопровождаются усердными всех молениями и стуком в бубен Кама.

с. 15. **О платеже Калыма за невесту у Телеутов; о свадебных обрядах и разводе**

Сватовство у Телеутов. Подробности свадебных обрядов у Телеутов довольно любопытны. Сватовство бывает у них большею частию во время малолетства жениха (кую) и невесты (колокты), чрез родителей их; а иногда и в совершенном возрасте чрез самаго жениха. Отец и мать невесты назначают за нее плакать (вероятно, платить.— Д. Ф.) или калым, смотря по состоянию своему, также жениха и невесты. **Калым** составляют лошади, рогатой скот и деньги. Богатые родители требуют за дочь от 100 до 200 голов и деньгами от 100 до 500 рублей;
с. 16. средняго же в половину менее. Калым выплачивается женихом до самой свадьбы; оной не воз//вращается жениху даже и в случае смерти невесты, разве только отец согласится отдать добровольно.

Похищение невесты. Не имеющие калыма должны оставаться на всю жизнь холостыми. Часто бедные, но смелые люди, отваживаются на похищение себе без согласия жены родителей, а иногда и ее собственнаго. В отсутствие всех домашних какой-нибудь подстереженной девушки, с помощью проворных приятелей, схватывают они ее, связывают руки, зажимают рот и таким образом увозят куда им угодно. Спустя несколько дней приезжает похититель к отцу просить прощения, в чем вспомоществуют ему и жители того улуса, откуда сделано похищение, которое большею частию и получает, но с обязательством заработать калым; иногда же родители похищенной девушки ищут удовлетворения в своей обиде чрез Начальство.

Свадебные обряды. Если свадьба совершается с общаго согласия; то в назначенный для оной день, съезжаются к отцу и матери невесты все родственники и приятели, из ближних и дальних улусов, // в самых нарядных платьях. Они привозят с собою довольно молочнаго и хлебнаго вина (айракъ). Точно таким же образом собираются гости и к женихе; которой вместе с ними отправляется к невесте, гоня перед собою скот, недоплаченной в калым.

По приезде туда один из гостей извещает невесту и родителей ея о прибытии жениха.— Сии последние не выходя на встречу будущему зятю своему и гостям, поручают одному из ближних родственников осмотреть калым. По назначению сего довереннаго жених обязан дополнить не достающий калым и переменить худой на лучший. Если он не в состоянии сего исполнить, то отказывают в невесте, и даже прогоняют его иногда с побоями. Когда же калым со стороны жениха весь выполнен изправно; то разкладывают перед домом костры дров, ставят на них большие котлы с водою, варят кобылье мясо и подчивают им собравшихся гостей.

По окончании сего пира жених, занимавшийся во время онаго с товарищами // своими игрою и стрелянием из лука, требует позволения видеть невесту и получает. Он входит в избу в шапке с наклоненною головою, равно как и все сопровождающие его ближайшие родственники. Они кланяются отцу невесты, сидящему с гостями за столом и тут же не снимая шапок садятся. Невеста между тем находится за перегородкою, где женщины, девушек при сем не бывает, поют на своем языке свадебные песни, весьма протяжныя и унылыя, но не совсем без приятности. В то же время приносят на стол в огромных чашах кобылье вареное мясо, без всякой приправы и без соли. Отец невесты наполняет маленькую деревянную чашку вином и троекратно обносит им гостей; потом выходит на средину горницы, обмакивает пальцы правой руки в вино и разбрызгивает его на все стороны дома и на гостей, изпрашивая от Бога благополучной жизни новобрачным. Чрез окропление вином, думают Телеуты, изгоняется злой дух из жилища. После сего обряда жених кланяет//ся отцу невесты в ноги, не снимая однако же шапки, которой с произношением прежней молитвы окропляет его вином; то же делает жених пред матерью и ближайшими родственниками невесты. Наконец выводят невесту и отдают ее жениху, вступившему с сего времени в права мужа. Он сажает ее на приготовленную лошадь и увозит к себе домой, в сопровождении всех гостей.

Отец между тем в ознаменование своей радости учреждает конской бег (ярышь). Для перваго прискакавшаго к мете назначаются какия-нибудь вещи подороже, как то: кусок шелковой материи, или несколько концов китайки; для другаго кобылья кожа; для третьяго кисы (ноги и хвост) от кожи, а для самых последних неоглоданныя кости. Число состязующихся в беге простирается до десяти и более человек; а самой бег от 5 до 10 верст.

После того зять приезжает к тестю для приглашения его со всеми родственниками к себе. Все они везут с собою подарки, а отец с тем вме//сте и остальное приданое, не редко превышающее самой заплачен-

ной ему калым. Там сии гости пируют и забавляются пляскою и играми: в карты, в шахматы, мячом или стрельбою из лука.

По совершении всех свадебных обрядов, новобрачные, вывешивают подле своего дома на длинной жерди заячью кожу, переменяя ее каждогодно, пока продолжится их жизнь и счастие; в противном же случае снимают сей знак добраго согласия.

Развод. Разпутное поведение жены до замужества, или после онаго, доказанное ясными уликами и особливо собственным ее признанием, уничтожает союз между мужем и женою. Отец такой жены обязан возвратить и самой калым оскорбленному мужу, оставя из него себе только 7 животных и 7 рублей деньгами. Если же общество признает и мужа в сем случае виновным, тогда он лишается права калым свой требовать обратно.

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЕВ

Думаю, что столь увлекательное и подробное описание не нуждается в особых комментариях. Вспомнив о дате появления этой статьи, вряд ли у кого поднимется рука «громить» беспочвенные предположения Г. И. Спасского о происхождении телеутов, указывать на то, что черные калмыки, то есть западные монголы, не имеют никакого отношения к телесам (точнее, имеют, но лишь как господин и данник), или же осуждать автора за строку о «неизощренности телеутского разума», или за то, что он не заметил у телеутов собственной письменности, или за неверное написание почти всех телеутских слов...

Гораздо более важным мне представляется сказать о том, что Григорий Иванович Спасский первым сумел рассказать о многих ранее неизвестных чертах телеутской культуры. Им впервые были описаны охота, занятия женщин и свадебный обряд. Как очевидец он многое смог уточнить в известных ранее сведениях И. Г. Георги и И. Г. Гмелина о религиозных представлениях телеутов, об их жилище и одежде. Наконец, из статьи мы узнаем о том, что в начале XIX века телеуты уже жили на реке Бачат. Да, да! Не удивляйтесь: точное время появления собственно телеутских родов на берегах Малого и Большого Бачатов до сих пор остается неизвестным!

И последнее, что хочется высказать в качестве пожелания. Работа Г. И. Спасского не единственная из тех, что недоступны кузбасским читателям. А раз так, то, может быть, имело бы смысл не раскидывать впредь подобные публикации по газетам и журналам, а издать отдельной книгой хрестоматию ранних историко-этнографических описаний телеутского народа. Такое издание наверняка будет иметь спрос и в значительной мере будет способствовать налаживанию более качественного преподавания как истории народов Кузбасса в школах и вузах области, так и истории телеутов в школах телеутских сел.

Дмитрий ФУНК

Л. Скрябина
К ИСТОРИИ МОСКОВСКО-СИБИРСКОГО ТРАКТА

Московско-Сибирский тракт был самой длинной в мире сухопутной дорогой, но при всей длине это был наиболее короткий путь, связывающий восточные окраины Российского государства с центром. По этому тракту шел весь поток торговых перевозок из России в Сибирь, Китай и обратно, производились почтовые перевозки, проезжали люди разного чина и звания, от

этапа к этапу пешком передвигались партии ссыльных и каторжан.

По территории современной Кемеровской области проходило два участка Сибирского тракта: Тарско-Томский и Томско-Красноярский. Первый пролегал через села: Проскоково, Мальцево, Зеледеево и деревню Варюхино. Второй участок шел через села Ишим, Колыон, Почитанское, Берикульское, деревню Подъельники, село Кийское, деревню Суслово, села Тяжинское и Итатское.

Самым первым трактом на территории нашей области был Томско-Кузнецкий земский тракт, который первоначально являлся путем землепроходцев и военных отрядов на юг Сибири. Этот «казачий тракт»—ровесник города Томска, основанного на реке Томи в 1604 году. После постройки в 1618 году Кузнецка этот тракт соединил два новых города Тобольского наместничества. В «Кузнецы» вели две дороги — водная по реке Томи и сухопутная по лесам и степям. По донесениям томского воеводы «от Томска вверх водою, Томью рекою до Кузнецкого острога стругом ходу 3 недели, а малыми судами — 2 недели или 10 дней, голою же степью на лошадях езды 6 дней»[1].

Точную дату начала строительства Московско-Сибирского тракта назвать невозможно, поскольку отдельные его участки возводились и осваивались в разное время. Так, например, работы по устройству Тарско-Томского участка начались в 40-х годах XVIII века, а в 1781 году он получил название тракта[2]. Вблизи Томска дорога пролегала по заселенной уже территории, причем частично по накатанному пути из Томска в Кузнецк. В 1701 году вдоль будущего Московского тракта существовали уже деревня Варюхино, село Зеледеево и несколько заимок по реке Чубур, из которых впоследствии образовалась деревня Мальцево. Далее, по свидетельству С. У. Ремезова, вплоть до Татмыцкой на Иртыше не было ни одного населенного пункта. К лету 1741 года, во время путешествия по этим местам академика И. Г. Гмелина, уже существовала дорога с верстовыми столбами, по которой ездили не только верхом, но и в повозках[3].

Старейшим населенным пунктом данного участка тракта, по-видимому, было село Зеледеево. Упоминание о нем впервые встречается в 1659 году. Считается, что село было основано служилыми людьми Томского острога. Названо оно, очевидно, по фамилии одного из первых жителей заимки Зеледеевой. Известно, что в документах Томского разряда числился в то время некий служилый человек Илюшка Зеледеев[4].

Годом основания деревни Варюхино считается 1682 год, а ее основателем — конный казак Данила Бабарыкин. Первоначально деревня называлась Бабарыкина. С какого времени бытует нынешнее название, сказать трудно. Но несомненно, что и это название произошло от фамилии. Существуют сведения о том, что в конце XVII века здесь проживал оброчный человек Григорий Варюхин.

Если село Зеледеево и деревня Варюхино[5] возникли в XVII веке и указаны на карте Ремезова, то деревня Мальцево и село Проскоково появились на карте Притомья в начале XVII века. Основателем первой считается казачий сын Григорий Мальцев, а первое упоминание о ней относится к 1704 году. Точная дата возникновения села Проскоково не известна. Не исключено, что ее основателем был некто «Иван Иванович сын Проскоков, проживавший в 1703 г. в деревне Томиловой своим двором и пахавший на земле своего тестя Алексея Свиридова»[6]. Среди местных жителей бытовала и другая легенда, которая возник-

ла, по всей вероятности, гораздо позже, во время существования Сибирского тракта. По этой легенде у крестьянина из деревни Минаева непутевый сын Григорий, широкоплечий, сильный, подыскал себе лошадь, что перескакивала через любую изгородь, и стал грабить около одной деревни, если шли мимо этой деревни люди богатые. Когда купцам удавалось проскочить эту деревню, рады были, и потому называли ее Проскоковой. А уж как проскочили — спокойно ехали, останавливались и начинали варить обед. Поэтому следующая деревня называлась Варюхино[7]. И все же это лишь легенда. Согласно именного списка крестьян села Проскоково за 1822 год в нем проживало 54 души мужского пола, причем бытовали здесь только три фамилии — Проскоковы, Свиридовы и Лузины[8].

Устройство Сибирского тракта регламентировалось рядом правительственных документов. Так, например, в 1822 году был принят «Устав о содержании сухопутных сообщений в Сибири». В «Уставе» указывалось, что «проезд при сухом и твердом грунте должен составлять 5 саженей (1 сажень равна примерно 2 метрам.— Л. С.). По низким и болотистым местам дорога должна возвышаться. Ширина мостов, плотин, гатей —4 саж., ширина придорожных канав —1,5—2 аршина (1 аршин—71,12 см.—Л. С.), по болотам от 2 до 2,5 саж.»[9]. Следы великого тракта и сегодня можно отыскать, путешествуя по указанному маршруту.

С основанием тракта в Варюхино, Зеледеево и Проскоково были организованы почтовые станции[10]. Ведь именно организация государственной почтовой службы и почтового сообщения послужила одной из причин основания и устройства Московско-Сибирского тракта.

На развитие почтовых сношений в русском государстве имело отчасти влияние многолетнего господства татар, которые еще в Азии устраивали для гонцов и послов особые станы, куда окрестные жители должны были доставлять лошадей и продовольствие. Слова «ям» и «ямщик» татарские, первое от «дзям» — дорога, второе от «ям-чи» — проводник. В России в ямщики шли «охочие люди», селившиеся особыми слободами, зачислялись в разряд служилых людей. На Сибирском тракте ямщики размещались лишь на западном участке (до Тюмени), остальные участки обслуживали крестьяне[11]. В 1742 году все податное население было разделено на ямские сотни, которые должны были содержать своими силами зимовья и почтовые станции, а также на своих лошадях «править курьеров и прочих персон»[12].

Так, на станции Проскоково в 1822 году было 7 обывательских лошадей. Содержали почтовую гоньбу на этой станции крестьяне из деревень Усть-Стреляная, Колмогорово, Опарино, Хорошеборская, Толстовская, Большеямная, Малоямная, Писаная, Колбиха, Грамотуха, Копылово, Пача, Колмыково и 7 душ из деревни Власково[13]. Ближняя из этих деревень, Власково, находилась в 55 верстах (1 верста = 1,066 км.— Л. С.) от станции, самая дальняя — Усть-Стрельная — в 77 верстах. На Варюхинской станции было 3 лошади, ямскую повинность там несли 48 душ из деревни Власково, 14 душ из деревни Беляниной и все мужское население деревень Баранова, Зырянская, Юрманово, Гутово[14].

Правительство стремилось развить также вольную почту, заключавшуюся в том, что содержание заведенных за счет правительственных или земских средств зданий почтовых станций отдавалось желающим крестьянам, которые принимали на себя добровольное содержание определенного

количества лошадей и экипажей, с исключительным правом провоза как почты, так и пассажиров «за установленные в законе прогоны»[15].

В Томском архиве сохранились договоры на подобные подряды. Так, например, 29 ноября 1803 года крестьяне села Зеледеево Тутальской волости Иван Дуреев и Василий Боровских договорились с волостными старшинами держать на Зеледеевской станции в течение года с 1 января 1804 года «почтовых подвод каждому иметь по одной и половиной паре лошадей с принадлежащею к оным конною исправной упряжью, дабы от проезжающих каковых либо жалоб и неудовольствий не было, и сверх подрядных полуторных пар еще иметь пару с половиною же каждому ямщику, что составит всего шесть пар, а если случится по невозможности какую-либо свиту увезти будет невозможно, то брать Дурееву со товарищем из ямских обывательских сколько вознадобится...»[16]. Согласно этого договора подрядчики обязывались иметь «по одной зимней и летней исправной повозке, кованые колеса на них, а ровно и лошадей хорошо стоящих»[17].

Как же были организованы перевозки по Сибирскому тракту? Прежде всего, каждый желавший ехать на почтовых лошадях должен был испросить подорожную на месте своего проживания. При получении лошадей дополнительно взимались «прогонные». Существовали специальные, утвержденные для всех почтовых трактов «Правила для проезжающих на почтовых лошадях». Правила регламентировали плату, устанавливали количество выдаваемых лошадей и излагали своеобразные правила движения по тракту[18]. На каждой станции станционные смотрители имели станционную книгу, в которую записывались данные: время прибытия проезжающего, а также «кому, откуда, куда следующему, сколько отпущено лошадей и с каким ямщиком» и через сколько часов лошадь должна возвратиться на станцию.

По внешнему виду почтовая станция мало чем отличалась от большой деревенской избы. В ней обычно имелось два помещения — комната для приезжающих и комната для ямщиков. Во дворе непременно располагались конюшня, амбар и сеновал. На каждой станции проезжающие могли купить молоко, яйца, «простую горячую пищу», пользоваться самоваром и необходимой посудой по таксе[19].

Большинство вольных ямщиков принимали проезжающих в своих избах и конкурировали с казенной почтой, поставляя вольных лошадей для доставки пассажиров из одной деревни в другую.

Томско-Красноярский участок тракта осваивался и оборудовался во второй половине 20-х — начале 30-х годов XVIII века. В 1735 году И. Гмелин в своих записках назвал эту дорогу «новой»[20].

В 1770 году академик П. С. Паллас, путешествуя от Томска до Красноярска, в своем дневнике описал следующий путь: «12 сентября. Недалеко от Турунтаевой (населенный пункт Томской обл.— Л. С.) проехал речки Осиновку и Китатку, а в 10 верстах далее была д. Ишимская, пересек реку Яя. В Ишимском переменил лошадей и поехал в Колыон. Деревня из 20 дворов, населена поселенцами. Подле этой деревни на болоте Малый Колыон, небольшое селение, которое поставляет сюда своих лошадей. Дорога здесь построена 10 лет назад. В 30 вер. от Колыона зимовье, затем новая деревня Песчаная у р. Песчаной, далее д. Бирикульская. Здесь ночевал. В деревне 20 поселенческих дворов, обязанных содержать станцию. В 12 вер. от Бирикуля переехал р. Ильдебет, где лежало зимовье и содержа-

лись почтовые лошади. Отсюда 32 вер. до р. Кии, на берегу русская деревня, а в округе много татарских юрт. Дальше с. Кийское. Из Кийского до д. Сусловой 24 вер., затем деревня из 10 дворов енисейских крестьян...»[21]. В 1773 г., возвращаясь по тракту из Иркутска, Паллас отмечал, что за два с небольшим года «многие новозаведенные деревни заметно умножились»[22].

В записках А. Н. Радищева, составленных в 1779 году, мы находим более подробные сведения об этом участке тракта. «До Итата 34 вер. (от с. Боготольского.— Л. С.), до Тяжина 33 вер., до Сусловой 28 вер. От Сусловой до с. Кийского на р. Кия 24 вер. Дорога везде одинаковая, по речке бывает лес: сосняк и ельник. До Подъельничьей 24 вер. От нее в 18 вер. в деревушке Тюменево зимовье. До Бирикуля 30 вер., а до Почитанки 26, до Калыева (Колыон.—Л. С.) 22 версты. От Калыева до Ишима на Яе, где есть несколько старожилов, дорога такова же березняками и еланями»[23].

Большинство населенных пунктов на этом участке тракта возникли в результате строительства и освоения тракта и уже существовали к 1770 году. Это — Ишим, Колыон, Бирикуль, Кийское, Суслово, заимка Тюменева. За 27 лет, т. е. ко времени следования по здешним местам А. Н. Радищева, появились села Почитанское и Итат, деревня Подъельничья.

В каждом населенном пункте на этом участке были установлены почтовые станции. Местные крестьяне так же, как и везде, несли ямскую повинность и занимались извозом. Радищевым же отмечено, что крестьяне «за великою гоньбой по сим станам мало пашут, хотя пашни много»[24]. «Великая гоньба» связана здесь не только с почтовой надобностью, но и с активными торговыми перевозками между Томском и Иркутском[25]. Только по этому участку ежегодно на санях и телегах перевозилось 4 млн. пудов. В извозе было задействовано от 80 до 100 тыс. подвод и до 20 тыс. возчиков[26].

В товарном извозе по тракту существовало два вида транспортировки «на протяжных лошадях» и «безконный извоз». При первой транспортировке «доставщики» сдавали товар зажиточным крестьянам — «подрядчикам», которые брали на себя перевозку партии в 40—60 подвод. «Подрядчики доставляли в обоз лишь половину или даже меньше лошадей, а остальное количество лошадей приходилось на долю «связочников». Каждый «связочник» имел до 5—6 лошадей, кроме того, для присмотра за лошадьми нанимались рабочие (1 на 5 лошадей).

При «безконном извозе» подрядчик, берущий на себя перевозку товара, не имеет собственных лошадей, а только сани и телеги. Погрузив товар, он везет его на перекладных, запрягая на каждой пряжке новых лошадей, принадлежащих местным крестьянам и следующих под их управлением. Безконный извоз был доступен огромной массе населения, в нем могли участвовать и крестьяне, имевшие одну лошадь, а для двухлошадных он составлял один из важных источников благосостояния. Недаром в притрактовых деревнях бытовала поговорка «держись правой рукой за соху, а левой за бич»[27].

Еще одним важным занятием населения притрактовых сел и деревень было «дворничество»—содержание постоялых дворов. В обязанности «дворника» вменялось — дать в своей ограде помещение возам и лошадям, а также извозчикам, которых необходимо было накормить и отпустить им для прокорма скота нужное количество овса и сена[28].

Помимо вольных промыслов — гоньбы и почтового извоза,—непосредственно с трактом были связаны государ-

ственные повинности крестьян и прежде всего — дорожная. Содержание дорог, мостов, перевозов в Западной Сибири являлось натуральной повинностью. Крестьянин, когда подходила его очередь, должен был пребывать на тракте до 30 дней, в основном в июне[29]. По приезду на участок, отведенный для их селений, крестьяне устраивали стан и приступали к работе. Им приходилось заново покрывать дорожное полотно слоем песка и гальки, прочищать канавы, подравнивать насыпи. Там, где были речки, работа осложнялась еще и ремонтом мостов, а на болотистой почве много времени уходило на исправление гатей.

В натуральную повинность крестьян притрактовых деревень и сел входило и содержание этапной обывательской гоньбы — поставка лошадей и подвод для арестантских партий. Местные крестьяне должны были следить и за этапными постройками.

В народе Московско-Сибирский тракт недаром звался еще «кандальным путем». С 1879 года официально было «повелено ссылать в Сибирь уголовных (а затем и политических.— Л. С.) преступников на каторжные работы. Каторжники, как мужчины, так и женщины, закованные в кандалы, конвоируемые солдатами, нестройными рядами двигались по тракту. В час такая партия продвигалась вперед на 3—4 версты, за месяц должна была проходить около 500 верст. На всем протяжении тракта на расстоянии 20—25 верст друг от друга были поставлены этапы и полуэтапы. Они представляли собой огороженные места, внутри которых располагались 2—3 здания. В одном помещались офицеры, в другом солдаты, в третьем — арестанты. Обычно арестантская партия делала в день по одному станку» (20—25 верст) с «дневками» через 2 дня на территории этапа. После первого дня пути останавливались на ночь в полуэтапе. В этапе партия проводила две ночи и целый день.

По свидетельству очевидцев, основное этапное хождение партий начиналось от Томска[30]. Один раз в неделю из города выходила партия в 500 человек и начинала свой тяжкий путь на восток. Этапы находились в селах Ишим, Почитанском, Итатском и деревнях Подъельники, Суслово. В селах Колыон, Берикульском, городе Мариинске и селе Тяжинском были устроены полуэтапы. В своей книге «Сибирь и ссылка» американский исследователь Дж. Кеннан, путешествующий в 80-х годах XIX века по Сибири, отмечал, что из всех встреченных им этапов «в деревне Итатцкой самый опрятный, чистый и содержим в полном порядке»[31]. Этапное здание — большой барак для отдыха и ночлега в Итате располагалось на нынешней улице Вологодской.

За долгую историю существования Московско-Сибирского тракта по нему проследовало огромное количество людей, среди них были А. Н. Радищев и декабристы, совершил поездку А. П. Чехов.

Многие из них в своих записках, письмах, дневниках оставили воспоминания о пребывании в том или ином населенном пункте на упомянутых нами участках тракта.

Так, например, упоминания о деревне Варюхино имеется в «Записках путем из Сибири» А. Н. Радищева. «...6 марта 1797 г. Почту Варюхинскую гоняют без подмоги. До Варюхино на Черной речке 22 версты. Дорога идет перелеском, сосняком и полянами. Тут село и волость. Долго ждали лошадей»[32]. В 1890 году по пути на Сахалин, проезжая по тракту, А. П. Чехов в письме к своей сестре упомянул об одном событии: «...14 мая. Разлив Томи. Сказали поезжать до Томи, только 6 верст отсюда, там вас пере-

везут на лодке до Яра (с. Ярское Томской обл.— Л. С.), а оттуда в Томск. На вольном еду к Томи, где должна быть лодка. Лодки на месте не оказалось. Возвращаюсь на станцию...»[33]. По описанию, данному в письме, речь, по всей вероятности, шла о деревне Варюхино. Старожилы села также подтверждают этот факт. И хотя у Чехова нет точного указания дома, где кормили писателя «щами с прекрасным мясом и жареной картошкой с огурцами», местные жители считают, что останавливаться он мог только на земской квартире для господ проезжающих, которую содержал в большом 2-этажном доме Андрей Дмитриевич Бабарыкин[34].

С селом Проскоково было связано следующее событие. По словам Н. Кострова, «этому совершенно незначительному селению выпало на долю такое счастье, какое не выпало на долю ни одного из городов Томской губернии»[35]. 15 июля 1862 г., путешествуя по Сибири, в Проскоково проводил свои именины великий князь Владимир Александрович. Было это так. «Князь поместился в доме почтовой станции, свита в других домах обывателей. В тот день в местной церкви Князь выслушал обедню, которую совершили преосвещенный Алексий, архимандрит Моисей, прибывший из Томска протоиерей и местный священник. В 3 часа у Его Величества был обед. Обеденный стол был приготовлен во дворе соседнего со станцией дома под навесом, устроенным для складки сена. Зал был удобен, пол устлан свежескошенным сеном, стены обставлены березами и черемухой»[36].

А вот как выразил свои впечатления о поездке по тракту из Томска до Красноярска упомянутый уже Дж. Кеннан: «Деревни в этой части Сибири гораздо менее интересны, чем пейзажи. Они состоят по большей части из 2-х рядов серых некрашеных деревянных изб, тянущихся иногда на 2—3 версты вдоль грязной шоколадного цвета дороги без малейшего признака растительности, если не считать зеленых веток, прибитых над дверьми бесконечных кабаков и оптовых складов...»[37]. «Самый красивый и лучше всех возделанный участок дороги,— писал Кеннан,— лежит между станцией Итатской и Боготольской (Красноярский край.—Л. С.). В этот теплый ясный день волнистая плодородная местность расцвечена всеми богатыми красками осени... на отлогих, залитых солнцем склонах холмов, группы жнецов и жниц в ярко-алых и синих рубахах, срезавших рожь неуклюжими серпами или обедавших у самой дороги под березами — все это складывало картину, которая была достойна кисти художника»[38].

История Московско-Сибирского тракта на территории Кемеровской области — одна из страниц краеведения, интерес к которой проявляется не только в печатных публикациях. В настоящее время разрабатывается проект музеефикации Сибирского тракта на территории Кузбасса, начата работа по паспортизации архитектурно-исторических памятников, связанных с историей тракта. В результате всех этих работ на туристической карте России должен появиться новый интересный маршрут.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

[1] Зыков И. Казачий тракт // Кузбасс, 1968, № 282.

[2] Вилков О. Н. К истории Красноярска и Сибирского тракта в XVIII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири.— Новосибирск, 1976. С. 55.

[3] Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского Тракта с точки зрения изучения русских говоров // Известия ин-та исследования Сибири.— Томск, 1921. Т. IV. С. 18.

[4] Воробьева И. А. Язык земли.— Новосибирск, 1973. С. 24.

[5] В XVII—XVIII вв. абсолютное большинство ойконимов образовывалось при помощи суффиксов -ов, -ев, -ин от личных имен или фамилий и имели окончания -а. С начала XX в. в названиях этих населенных пунктов появляется окончание -о: например, Алаево, Варюхино и пр.

[6] Воробьева И. А. Указ. соч. С. 24—25.

[7] Там же. С. 20—21.

[8] ГАТО, ф. 61, оп. 1, л. 55.

[9] Полн. собр. законов Российской империи. Т. 36. С. 171.

[10] В с. Зеледеево почтовая станция просуществовала до сер. XIX века.

[11] Колесников А. Д. Сибирский тракт // Вопросы научно-методической работы над сводом памятников истории и культуры народов Сибири.— Новосибирск, 1974. С. 102.

[12] Фиалков Д. А. Путь сибирский дальний // Земля сибирская, дальневосточная. 1977. № 9. С. 63.

[13] ГАТО, ф. 66, оп. 1, д. 18, л. 197.

[14] Там же.

[15] Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. Т. XXIV-а. С. 818.

[16] ГАТО, ф. 61, оп. 1, д. 6, л. 89.

[17] Там же.

[18] Долгоруков В. А. Путеводитель по всей Сибири.— Томск, 1898. С. 108.

[19] Там же. С. 109.

[20] Григорьев А. Д. Указ. соч. С. 35.

[21] Костров Н. А. Большой Сибирский тракт в Томской губернии 100 лет тому назад // ТГВ. 1872. № 24.

[22] Григорьев А. Д. Указ. соч. С. 38.

[23] Радищев А. Н. Записки путешеств в Сибирь и из Сибири // Полн. собр. соч. Т. С. 273—274.

[24] Там же. С. 273.

[25] Катионов О. Н. Трудовые традиц в извозном промысле крестьян Сибири во вт рой половине XIX в. // Трудовые традиц сибирского крестьянства.— Новосибирск, 19 С. 24—42.

[26] Оланьи К. Сибирь, ее экономическ будущность.— СПб., 1903. С. 11.

[27] Извозный промысел // Сибирь, 1881, №

[28] Григорьев А. Д. Указ. соч. С. 78.

[29] Катионов О. Н. Дорожная повиннос крестьян Сибири // Образ жизни сибирско крестьянства периода разложения феодализм и развития капитализма.— Новосибирск, 198 С. 80.

[30] Дейчь Л. Г. 16 лет в Сибири.—СП 1906—1907. С. 136.

[31] Кеннан Д. Сибирь и ссылка.— СП 1906. С. 288.

[32] Радищев А. Н. Указ. соч. С. 274.

[33] Чехов А. П. Полн. собр. соч. Письм Т. 4. С. 88.

[34] Пустозеров К. Селу Варюхино 3 лет // Свет Ильича. 1982. 13—14 окт.

[35] Костров Н. А. Путешествие по Том ской губернии Великого князя Владимир Александровича.— Томск, 1868. С. 68.

[36] Там же. С. 69.

[37] Кеннан Д. Указ. соч. С. 263.

[38] Там же.

Л. Перминова

КАБИНЕТСКИЕ ЗОЛОТОПРИИСКИ САЛАИРА В 30—60-Х ГГ. XIX ВЕКА

В 1830 году Россия по добыче золота вышла на первое место в мире, обеспечивая 40,3 процента мирового производства. Лишь с конца 40-х годов доля России в совокупном мировом производстве стала снижаться.

Продолжительное время монополия на добычу драгоценных металлов принадлежала государству. В 1813 году была разрешена добыча рудного золота частным лицам, но первоначально этим смогли воспользоваться только горнозаводчики Урала.

С конца 20-х годов XIX века в Сибири стала развиваться деятельность поисковых партий. Основа золотопро мышленности в этом крае была зало жена верхотурскими купцами Попо выми, которые воспользовались от крытием золота крестьянином Егором Лесным на отрогах Кузнецкого Ала тау.

Почти одновременно с началом ча стной золотопромышленности стали разрабатываться золотоносные россы пи на землях Кабинета Его Импера торского Величества. По инициативе министра финансов графа Канкрина были организованы поиски россыпно го золота в Салаирском крае. На это

было ассигновано 20000 рублей. В 1830 году горным начальником Колывано-Воскресенских заводов был назначен полковник Вегер, бывший до этого начальником Богословских казенных заводов на Урале. Свой опыт Бегер перенес в Сибирь. Вместе с ним с Урала были переведены горные офицеры Мордвинов и Фрезе, под руководством которых были снаряжены три партии для поисков золота в Салаире.

В партию Мордвинова был назначен унтерштейгер Новиков, прибывший с Урала. По формуляру он числился «штрафным», т. е. подвергался телесному наказанию, но славился как хороший золоторазведчик.

Бегер приехал в Барнаул в августе 1830 года, а разведочные партии выступили уже в сентябре. Первые признаки золота были встречены на речке Колбихе, впадающей в реку Бирюлю в 20 километрах от Салаирского рудника ($^1/_4$ золотника на 100 пудов руды), а в октябре Новиков, входивший в поисковую партию Мордвинова открыл богатое месторождение в Боровлянской волости на речке Фомихе, впадающей в реку Суенгу. Содержание золота доходило до 4 золотников на 100 пудов руды.

Уже 12 ноября были пущены теплые зимние промывальни на 40 вашгертов. Золото успешно промывалось днем и ночью. Этот прииск был назван в честь графа Канкрина по его имени — Егорьевским, а потом и все прииски, открытые в Салаире в верховьях рек Берди, Ини, Чумыша, получили название Егорьевских или Егоро-Салаирских приисков.

В следующем году граф Канкрин, бывший тогда не только министром финансов, но и главой Кабинета, преподнес императору Николаю I пасхальный подарок — слиток из Салаирского золота в три фунта.

В районе Егорьевских промыслов было открыто в 1831—1834 годах 12 россыпей: на Урском промысле—8, на Касьминском—12. В 1831 году были открыты Гавриловские россыпи, Пуштилимские и другие.

В 1837 году штабс-капитаном Быковым были открыты несколько рудных приисков в пределах Салаирского кряжа по реке Троицкой, которую местные жители называли Кривушкой.

Салаир становится крупным районом кабинетской золотодобычи. В 1834 году на четырех промыслах Салаирского края уже работало 1610 человек.

Условия труда для работных людей на кабинетских золотоприисках были исключительно тяжелыми, почти каторжными. Военносудные комиссии приговаривали к ссылке на прииски, когда все другие меры воздействия— розги и шпицрутены — представлялись уже мало действенными. Но на прииски посылали не только «штрафных», но и рекрутов. В 1834 году горный начальник Колывано-Воскресенских заводов предписал Салаирской горной конторе немедленно выделить из ее команды 120 рабочих для вновь открытого Успенского прииска, преимущественно из не имеющих своих домов и хозяйства здоровых и крепких людей. Через несколько месяцев было предложено послать еще 288 человек на Успенский прииск и 112— в золоторазведочные партии.

По штатам 1849 года на Салаирских приисках было около двух тысяч рабочих, в том числе 123 подростка старше 15 лет и 111 мальчиков в возрасте от 12 до 15 лет.

На прииски брали преимущественно одиноких рабочих, но уже в первые годы появляются семейные рабочие. В 1834 году на Успенском прииске из 317 рабочих женатых было 117. Рабочие строили сами для себя землянки и избушки. Казарм было немного. Первое время администрация ог-

раничивалась постройкой одной исправительной казармы, служившей для работавших под караулом.

В приисковых лавках часто не было продуктов. Администрация ограничивалась закупкой муки и засолкой мяса. Если удавалось заготовить ржаной муки на три года, то считалось, что прииск уже обеспечен продовольствием. Слежавшуюся в сырых амбарах затхлую муку долбили ломами. Люди слабели, свирепствовали среди них желудочные болезни, ревматизм, цынга. Зимой заболеваемость на приисках доходила до 17 процентов.

В 30-х годах горнозаводской администрацией были сделаны попытки привлечь на золотые прииски вольнонаемных рабочих из мещан Кузнецка, приписных крестьян из ближайших к приискам деревень. Но ни мещане, ни крестьяне на кабинетские прииски не пошли: их каторжные порядки были широко известны. Только на первый сезон после открытия Егорьевских приисков удалось завербовать несколько десятков «разного звания людей», которые к концу сезона почти все разбежались.

В 1840 году Горный совет принял решение о введении на приисках сменной работы с «гульной неделей», которая могла быть использована для работы дома или по вольному найму. К концу 40-х годов сменная система работ уже привилась. Работа производилась днем и ночью. Одна смена выходила на работу в 4 часа утра, а другая — в 4 часа дня: рабочий день, как и на рудниках, продолжался 12 часов. Здесь назначался определенный урок для каждой смены.

По штатам 1849 года на Салаирских золотых приисках один рабочий должен был добыть и откатить в тачке (при среднем расстоянии в 15 сажен) одну кубическую сажень песка или торфа: летом—за 5, а зимой—за 7 рабочих смен. Неисправному и здесь угрожала порка и доработка урока в «гульную неделю». Несмотря на жесткие условия работы на Салаирских приисках на одного рабочего за целый год приходилось добытого песка меньше, чем за 7,5 месяца работы в частной золотопромышленности, где работы на зиму прерывались.

От каждой артели требовался установленный урок, но при этом не учитывались особенности грунта и другие объективные обстоятельства. В докладной пристава Царево-Николаевского прииска Ярославцева указывалось, что «...большая часть бежавших рекрутов — люди слабые, для которых промысловые работы точно тяжелы, и приставам нет возможности, да и не имеют права сортировать рабочих и задавать им урок не по определенному положению, смотря по силе каждого».

Царево-Николаевский прииск, открытый инженером Бастрыгиным в 1836 году, был самым крупным среди кабинетских золотых приисков. В 40—50-е годы около половины приисковиков работали на нем, но в 60-е годы прииск уже истощил свои запасы.

Положение приисковых рабочих по сравнению с другими горнозаводскими рабочими можно охарактеризовать сравнительными цифрами о преступлениях, побегах, заболеваемости, которые приведены в докладе управляющего Салаирскими приисками Ястржембского за 1858 год.

Из этих цифр видно, что на приисках преступность была в 7 раз больше, побегов в 15 раз больше, в 3 раза больше заболеваемость и в 15,5 раза больше смертность, чем на других горнозаводских предприятиях кабинета.

Добыча золота на кабинетских приисках год от года увеличивалась с небольшими колебаниями. В среднем по пятилетиям ежегодная добыча зо-

лота выражалась в следующих цифрах:

1831—1834	гг.—	5	пудов 36	фунтов
1836—1840	гг.—	24	» 1	»
1841—1845	гг.—	33	» 1	»
1846—1850	гг.—	35	» 38	»
1851—1855	гг.—	39	» 17	»
1856—1860	гг.—	42	» 18	»

И все-таки развитие кабинетской добычи золота далеко отставало от частной золотопромышленности в Западной Сибири. По содержанию золота Салаирские прииски занимали среднее место между частными приисками Томского и Канско-Нижнеудинского округов и содержали 67 долей золота на 100 пудов песка. В то время как на этих приисках частные предприниматели при вольнонаемном труде получали от 19 до 24 долей золота на одного рабочего в день, на Салаирских приисках одним рабочим добывалось в среднем лишь 16 и ⅛ доли в день.

И только в отношении зимней промывки песков кабинетские прииски шли впереди. Здесь были теплые промывальни. Зимой работы не прекращались. Пески добывались в ортах или в открытых разрезах путем оттаивания мерзлоты пожогами. Зимние работы были более трудоемкими, но их вели, так как крепостных рабочих надо было кормить, и нельзя было отпустить, как это было с вольнонаемными в частной золотопромышленности.

Администрация же удовлетворилась тем, что кабинетские прииски давали на 1 рубль затрат 4 рубля чистой прибыли.

Удельный вес кабинетских округов в золотопромышленности Сибири был невелик: за 1830—1860 годы на долю Алтайского и Нерчинского округов пришлось только 8,8 процента золота, добытого за это время из россыпей в Сибири.

Ф. Ягунов

А САД ТАК ПЫШНО РАСЦВЕТАЛ...

«Ярко-красный цветок заставляет наклониться, понюхать.

— Роза?

— Да, роза. Привита на сибирском шиповнике.

Небольшой, занимающий менее четверти га, плодово-ягодный сад Митрофана Павловича Федоренко вызывает на каждом шагу восхищение.

На боярке, на той колючей боярке, которую обычно сажают в качестве колючей ограды, привилась и растет груша. Несколько плодов, довольно крупных (150—170 граммов), висят на ветках. Неподалеку — крупная и очень сладкая малина, давшая в этом году два урожая. Рядом—крыжовник, скрещенный с черной смородиной. Несколько десятков яблонь. Румяные плоды, не уступающие крымским сортам. Ананасная яблоня, европейский ранет, антоновка...

Уже принялись и дали первые ростки такие изумительные культуры, как мичуринская малина «Техас», не имеющая полости; вишня «Актинидия» без косточек, малина «Мальборо», мичуринская груша «Бере» на уссурийской груше, персидская сирень.

Кемерово очень небогато зелеными насаждениями. Городской сад еще совсем молодой. Тем более неожиданным кажется этот плодово-ягодный сад М. П. Федоренко, шестидесятидвухлетнего педагога...»—так писала «Советская Сибирь» 9 сентября 1934 года.

Вот еще одна публикация в газете «Кузбасс» под броским заголовком «Я горжусь!» Из Казани после долгого отсутствия в Кемерово, где жила до войны, приехала в 1965 году М. Бухтиярова. «То, что я увидела,— пишет она,— превзошло все мои ожидания. Я была просто очарована городом. До войны был он деревянным, одноэтажным». И т. д. Но вот главное, что меня привлекло в этой заметке: «Я обратила внимание также на то, что среди деревьев, кустарников и цветов много южных растений. И теперь это обычное явление. А до войны было проблемой. Я помню одного из довоенных мичуринцев—Федоренко М. П., которому принадлежит приоритет в озеленении города, а мы, бывшие учащиеся педтехникума и члены мичуринского кружка, были его последователями. С радостью я говорю: «Здравствуй, город родной! Ты стал краше, выше, зеленее. Я горжусь тобой!».

Но город родной, похоже, забыл одного из первых своих озеленителей. Председатель областного общества садоводов Н. П. Зотов не слышал о Федоренко. Я начал обзванивать старейших кемеровских садоводов. «Нет, не слышали, не помним»,— отвечали мне люди, по три-четыре десятка лет отдавшие любительскому садоводству.

— Как же так? — усомнится читатель.— Да был ли сад?

Был. В этом убеждали меня многочисленные вырезки из газет 30-х годов, собранные дальней родственницей

М. П. Федоренко Галиной Геннадьевной Фисаковой.

В книге И. Балибалова «Кемерово— вчера, сегодня, завтра», в хронике за 1928 год указано, что «по ходатайству местных садоводов Богославского, Сушкова, Федоренко и Жукова Щегловский горисполком принял постановление о создании общества садоводов». Мои поиски среди садоводов-ветеранов в конце концов принесли некоторые результаты. Я познакомился с Екатериной Павловной Забродской. Она рассказала, как в юности ходила мимо этого сада, любовалась им. «Там были яблони-полукультурки в штамбовой форме, стелющиеся яблони, вишни и, кажется, даже орех грецкий»,— вспоминает она. Вскоре я встретился еще с одной владелицей шестисоточного участка в садоводческом товариществе «Раздолье-1» Е. Н. Елисеевой. Здесь меня ждала настоящая удача. Елизавета Никаноровна была членом того самого мичуринского кружка педтехникума, о котором писала М. Бухтиярова. Кружком руководила преподаватель биологии техникума М. С. Извекова, а практические занятия на основе своего сада вел М. П. Федоренко. У Елизаветы Никаноровны сохранилась даже небольшая любительская фотография, где они (в том числе и Мария Бухтиярова) снялись вместе со своим наставником в его саду.

Е. П. Забродская говорила, что еще в 1973 году видела остатки сада. Писатель И. Балибалов, будучи уже больным, 12 июня 1990 года по просьбе Г. Г. Фисаковой нарисовал на клочке бумаги схему — где находился сад. Руководствуясь этой схемой и адресом — Кузбасская, 3,— я отправился на поиски. «Встаньте,— писал Балибалов в пояснении к схеме,— на точку против дома военкомата и взгляните направо. Что там сейчас, не знаю, но на этом месте был дом Федоренко и сад с южной стороны дома».

Я пересек улицу Н. Островского и пошел вдоль ограды Городского сада в сторону Томи. Вот и двухэтажное здание военкомата. Гляжу направо. Здесь начинается коротенькая улица Кузбасская. На той стороне, где я должен был увидеть сад Федоренко, сейчас... ворота и проходная гаража администрации области (бывший гараж обкома КПСС). За забором зеленеют несколько елей и тополей.

Сказано же, чтобы оставить след на земле, человеку надо построить дом, посадить дерево, родить сына... М. П. Федоренко построил свой дом, взрастил прекрасный сад, создал большую и дружную семью: у него и его жены Надежды Михайловны было четверо сыновей и пять дочерей. Однако и самому Митрофану Павловичу, и всему, что он создал, была уготована, как оказалось, трагическая судьба.

В «Справке на арест» М. П. Федоренко, составленной в Кемеровском горотделе НКВД и 28 июня 1937 года утвержденной тогдашним начальником горотдела капитаном госбезопасности Голубевым, указано: «...происходит из дворян, имеет высшее образование, бывший преподаватель кадетского корпуса в г. Омске». Сотрудник НКВД сержант ГБ Васильев на допросе Федоренко 1 июля того же года первый вопрос сформулировал так:

— Расскажите подробно о вашей родословной.

И Митрофан Павлович рассказывает, а следователь, казенно перефразируя, записывает:

— Родился в семье бедного крестьянина. Семья у нас была 9 человек детей. С 12-летнего возраста я работал по найму у помещиков, окончил начальную сельскую школу в 1888 году.

И то, что писал в анкетах и отвечал потом следователю Митрофан Павлович о своем крестьянском происхождении, было сущей правдой. Он родился

в 1872 году, 3 июня, в Киевской губернии, в селе Медвино Каневского уезда, в бедной крестьянской семье.

— Как же впоследствии оказалось, что вы были по званию личным дворянином в чине титулярного советника?—сверлит вопросом следователь.

— В городе Петрограде,— записывает он вслед за рассказом обвиняемого,— я служил по отбытию воинской службы в должности писаря в Главном управлении военных учебных заведений. По окончании службы я уволился и получил аттестат о своей службе.

Надо полагать, что это был отличный аттестат, если, вернувшись со службы, М. П. Федоренко без труда устроился письмоводителем при смотрителе зданий Одесского кадетского корпуса.

— Пользуясь свободой,— «показывает» дальше о своей родословной арестованный,— я продолжал учиться самостоятельно. Впоследствии в городе Одессе я держал экстерн при юнкерском училище.

Сдавать экстерном за среднее учебное заведение, ни дня не проучившись в нем, было и в те времена чрезвычайным случаем.

— После того как я сдал экзамен... я продолжал работать там же, при кадетском корпусе. Примерно через год меня из писарей переименовали кандидатом на классную должность. В звании кандидата на классную должность я проработал примерно еще один год, после чего мне сделали предложение поехать в город Омск в кадетский корпус, в должности эконома. Я дал согласие поехать, и мне был присвоен первый класс чина коллежского регистратора. Это было 16 февраля 1908 года.

Чин коллежского регистратора был самой нижней ступенькой в грандиозной чиновной лестнице старой России. Но шагнувшему на нее открывались определенные возможности, и не последнюю роль при этом играли личные способности.

Итак, двадцатишестилетний коллежский регистратор, с женой и детьми, с благодатного юга переезжает в Сибирь.

— Работая в городе Омске, в кадетском корпусе,— записывает дальше следователь,— я получил чин коллежского секретаря. Таким образом, через каждые три года повышался чин. В 1916 году мне был присвоен чин титулярного советника, а следовательно, получил и звание личного дворянина. В кадетском корпусе, в общем итоге, я работал с 1902 года по 1919-й, начиная с письмоводителя и кончая преподавателем черчения...

О жизни семьи Федоренко в Омске известно чрезвычайно мало. Несомненно только, что это был самый благополучный период для всех.

Но тут пришел 1917 год. Затем — кровавая гражданская война. В 1919 году, при наступлении красных на город Омск, весь кадетский корпус был эвакуирован на Дальний Восток. Вместе с корпусом, где он продолжал работать, где учились два его сына, выехал и Митрофан Павлович. Белое движение было обречено. Кадетский корпус был переправлен в Манчжурию. Сам Митрофан Павлович родину покидать не пожелал и остался во Владивостоке. Было ему в ту пору 37 лет.

Окончилась гражданская война. По всей огромной стране установилась советская власть. Надо было где-то обосноваться, чтобы пытаться заново налаживать разрушенную жизнь. На Украине, на родине, у Федоренко никого не осталось. Возвращаться в Омск было рискованно. На счастье ли или на беду, в неведомом захолустном городишке Щегловске обнаружились

родственники со стороны жены. Здесь Митрофан Павлович собрал и свою поредевшую семью.

Никаких сведений о первых годах жизни семьи Федоренко в Щегловске (будущем Кемерове) мне разыскать не удалось. Надо полагать, легкими они не были. М. П. Федоренко не скрывал своей биографии. И хотя офицером он не был и преподавал кадетам всего лишь черчение, не думаю, что ему так уж просто было найти работу. Так или иначе, но где-то в двадцатые годы Митрофан Павлович устроился в Щегловскую среднюю школу преподавать труд.

Что касается сада, то позднее, в газете «Ленинский путь» (гор. Топки) в номере за 29 декабря 1936 года Федоренко писал:

«Начало моему плодовому саду в г. Кемерово положено в 1928 году. Тогда я впервые посадил на небольшом усадебном участке пять яблонь, выписанных из Минусинска. Были сорта «Сибирское золото» и «Сибирская багрянка» проф. Кащенко — по два дерева, и «Желтый челдон». Эти пять яблонь были получены двухлетками. «Сибирская багрянка» и «Желтый челдон» уже на третий год после посадки дали первые плоды. К сожалению, подряд три года у «Сибирского золота» подмерзали однолетние побеги и совершенно замерзали плодовые почки, на четвертый год у обоих растений померзли верхушки. Кроме того, оба растения ежегодно подвергались солнечным ожогам. Все же в последние три года обе яблони давали от 30 до 100 плодов, которые в основном задерживались на нижних ветках. Это навело меня на мысль, что этот сорт яблони надо выращивать не в штамбовой форме, а в форме куста. Такой эксперимент с этим сортом яблони показал, что она не только не подмерзает, не подвергается солнечным ожогам, но и хорошо плодоносит. Я изучил ее, хорошо ознакомившись с методами Мичурина, по которым работаю.

Одновременно с посадкой выписанных пяти яблонь я посадил дикую и китайскую яблони. Через два года уже имел свой посадочный материал — сибирку и китайку, которые и явились хорошей основой для дальнейшей моей работы по садоводству. В 1930 году приступил к массовому размножению плодовых деревьев. Помимо диких яблонь я высевал семена культурных яблонь — апорт, белый налив, боровинка и другие, семена смородины, малины, крыжовника, вишен».

Митрофан Павлович об этом не пишет, но легко догадаться, какой громадный труд стоял за всеми этими начинаниями. На участке не было даже водопровода. Никаких механизмов, кроме лопаты, тачки да садовых ножниц. Нельзя сбрасывать со счетов и недоверие, а то и открытое недоброжелательство, с которыми у нас встречают любое новшество. Мужицкое трудолюбие, соединенное с высокой культурой образованного человека, и еще — помощь и поддержка семьи, в первую очередь жены Надежды Михайловны — позволили Федоренко в столь короткий срок создать сад, о котором заговорили.

Теперь все стали садоводами и нет нужды доказывать, что результаты всегда зависят от вложенного труда. Посадки, прививки, рыхление и удобрение почвы, защита от вредителей летом, зимой — от морозов, в какой нормированный день можно уложить весь этот труд? Не по той ли причине так и не прижились в Сибири никакие колхозно-совхозные сады, и всякие фрукты по-прежнему привозятся к нам из теплых краев?

У Митрофана Павловича, когда он создавал и лелеял свой сад, тоже была личная заинтересованность. Но не та, или не совсем та, что движет обыч-

ным сегодняшним дачником — дать подспорье к заработку или к пенсии. Федоренко не был простым садовником, он был опытником, естествоиспытателем. Его главной целью было культивирование и выведение таких сортов плодовоягодников, которые и в условиях Западной Сибири, с ее суровыми зимами, затяжными веснами, ранними заморозками, могли бы давать богатые и устойчивые урожаи.

Учительская зарплата была невелика. А сад, прежде чем он начал кормить семью, требовал затрат.

Выписка из протокола № 10-63
заседания Президиума Щегловского
городского Совета IV созыва

17 июля 1930 г.

СЛУШАЛИ: Ходатайство Федоренко М. П. о сложении с него платы по земельной ренте, взимаемой с плодового сада (докл. тов. Екимов).

ПОСТАНОВИЛИ: Принимая во внимание, что сад тов. Федоренко М. П. имеет опытно-показательное значение, земренту, взимаемую с площади сада, сложить.

Верно: делопроизводитель горсовета (Атаманов)

Сейчас трудно установить, насколько опыты Кемеровского садовода были самостоятельны. В те годы официальная пропаганда усиленно превозносила достижения ученого-самоучки из города Козлова И. В. Мичурина. Все остальные обязаны были быть его последователями.

В сентябре 1934 года отмечался юбилей Мичурина. К этому событию была приурочена Всесоюзная конференция садоводов-опытников, проходившая в городе Мичуринске. Делегатом от кемеровских садоводов в работе конференции принимал участие Митрофан Павлович.

Федоренко использовал методы Мичурина. Однако метод — это всего лишь инструмент для исследования. Совершенно очевидно, что Митрофану Павловичу приходилось самому искать и находить решения. Помимо страсти естествоиспытателя в нем обнаружился несомненный талант пропагандиста. Своим примером он доказывал, что и в сибирских условиях могут расти все ягодные и плодовые культуры. Доброжелательность и открытость характера привлекали к нему людей. В сад Федоренко приходили и приезжали издалека, чтобы своими глазами увидеть «сибирское чудо», как любили красиво изъясняться газетчики.

Сад — садом, но и сам Митрофан Павлович был личностью незаурядной. Разговаривать с ним было интересно и простому горожанину, и писателю. Его идеи озеленения города, закладки колхозных плодовых садов увлекали.

Сибирский писатель Георгий Павлов, проведя накануне целый день в саду Федоренко, вдоволь наговорившись, назавтра счел необходимым написать ему:

«Дорогой Митрофан Павлович! Вчера, уйдя из вашего чудесного уголка, я мечтал о чудесном большом будущем г. Кемерово. Я вдруг уверился, что этот город будет поражать не только своими заводами, представляющими высшие достижения творческой человеческой мысли, но и цветущими, воистину южными садами. Так должно быть! Человек покоряет природу для того, чтобы сделать ее более прекрасной, более культурной, жизнетворящей. Вы, Митрофан Павлович, один из совершенно немногих таких чудесных покорителей природы».

Читателю может показаться излишней восторженность, с которой пишут о... яблонях, выросших в сибирском городе, это же обычная культура для любого горожанина, имеющего клочок земли. Обычная — сегодня. Когда же М. П. Федоренко начинал свою опыт-

ческую работу, многие щегловские жители, прожив жизнь, так и умирали, ни разу не отведав южного фрукта. И потом то, чего достиг в своем саду за обидно короткий отпущенный ему срок Федоренко, и до сего дня не стало повседневностью для кемеровских садоводов.

М. П. Федоренко при всяком удобном случае выступает в печати, пропагандируя плодовое садоводство. В письме к редактору газеты «Ленинский шахтер» (город Ленинск-Кузнецкий), опубликованном 15 марта 1936 года, Федоренко доказывает, что плодово-ягодное хозяйство имеет большие перспективы, что продукты сада кроме ценного дополнительного питания — это еще и источник дохода, один из способов достижения сытой и зажиточной жизни колхозников. Спорит с теми, кто все еще считает плодоводство в условиях сибирского климата невозможным.

«Победитель природы великий садовод И. В. Мичурин,— пишет он,— дал путевку в Сибирь плодово-ягодным растениям, о которых десяток лет тому назад нельзя было и мечтать... В моем опытно-показательном саду,— продолжает М. П. Федоренко,— растут, плодоносят и чувствуют себя хорошо такие неженки, как апорт, белый налив, сибирское золото, груши, сливы, смородина и крыжовник хороших сортов, вишня «Краса севера» (мичуринская), дающая ягоды не хуже южных. Кроме того, имеется ряд мичуринских сортов яблонь, груш, малины «Техас», ежевика изобильная. В последние два года изучаются абрикосовые растения и виноград. Один сорт винограда летом прошлого года дал плоды. Думаю, что и абрикосы будут у нас».

— К сожалению, садом Федоренко городские организации совершенно не интересуются, — сетовал писатель Г. Павлов.—Райзо—на том основании, что он находится в черте города, а не за городом. Горзо — неизвестно почему. Агроном горзо заявил, что у них нет денег: «Отпустили четыре тысячи, а нам надо 44. На четыре тысячи лучше не начинать». Сад Федоренко находится на расстоянии трех минут ходьбы от горзо, но агроном до этого сада еще не дошел.

Отношения Федоренко с городскими властями складывались не столь безоблачно, как следовало бы ожидать. Уж как-то не очень по-советски звучало — личный сад. Личный — то же самое, что единоличный .А это слово в период всеобщей коллективизации стало почти что синонимом слову враг. Сбивало с толку бескорыстие садовода. Федоренко охотно снабжал начинающих садоводов семенами, посадочным материалом, принимал экскурсии, выступал с лекциями в окрестных колхозах. М. С. Извекова, преподаватель педучилища, пришла к Федоренко с просьбой взять на себя практические занятия ботанического кружка. И в течение двух лет на Кузбасскую, 3 регулярно приходила стайка будущих учительниц.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОРСОВЕТА

Уважаемый товарищ Лобанов!

Трудящиеся г. Кемерово отлично знают, какие большие усилия прилагает горсовет и, в частности, лично Вы к благоустройству. (...) Мне, литератору, написавшему книгу о Мичурине, верится, что в самом недалеком будущем Кемерово станет городом белых, светлых, красивых домов, выстроившихся фронтоном к быстрой, широкой Томи и утопающих в зелени садов и бульваров. Именно эта мечта о будущем Кемерова заставляет меня обратиться к Вам с таким предложением.

В Кемерове, как Вы знаете, живет

и работает мичуринец Митрофан Павлович Федоренко. Вы неоднократно посещали его садик. Вы расширили этот садик, предоставив Митрофану Павловичу дополнительный участок. Мне кажется, что это еще не все. Горсовет может предоставить Федоренко большой пустырь, находящийся позади его садика, для организации на территории этого пустыря, заваленного сейчас строительным мусором, большого репродукционного питомника.

Вы знаете, что М. П. Федоренко достаточно опытный и сведущий в своем деле человек. Он, стало быть, вполне может руководить этим питомником, который уже через несколько лет даст городу весь тот посадочный материал, который необходим для озеленения Кемерова.

Мих. Никитин.

И горсовет немедленно отреагировал: печать тогда уважали. На другой же день после публикации «Открытого письма», 9 января 1936 года, Президиум горсовета, «заслушав и обсудив», постановил... «расширить земельный участок мичуринца М. П. Федоренко на 0,63 га».

Федоренко пошел седьмой десяток. Он оставил работу в школе и целиком сосредоточился на работе в саду. Начала сбываться его мечта об озеленении города, о распространении плодово-ягодного садоводства.

Озеленением города в тридцатые годы занимался «Зелентрест», но высаживались в основном дикие ягодные кустарники и деревья. Плодового питомника не было. Садоводы-любители посадочный материал добывали кто как мог. И Федоренко, получив приусадебную землю, горит желанием использовать ее для выращивания посадочного материала.

«Горсовет,— пишет он в очередной статье для газеты,— увеличил мне количество земли для сада. Это дает возможность развести цветы. Цветы должны быть в квартирах рабочих. Они украшают комнату и делают ее уютней. Десятки прекрасных цветочных клумб в моем саду будут ответом на заботу городского Совета о мичуринцах». Он призывает: «Чтобы сделать город культурным, благоустроенным, необходимо самим трудящимся быть патриотами своего города и заботиться о его благоустройстве. К пролетарскому празднику — Первого Мая — необходимо развернуть большую работу по озеленению города. Начинать надо с вывозки навоза на грядки, клумбы».

Большинство горожан жило в своих домах, имело огороды, держало скот. Зелени в городе было мало. Лишь у некоторых домов в палисадниках росли черемуха или березки.

Работа не трудная,— призывает Федоренко,— каждый может в своем огороде, перед окнами посадить 20—30 кустов малины или несколько плодово-ягодных деревьев».

Его огорчает, что в колхозе им. Мичурина бывшего Суховского сельсовета развели сад, но плохо за ним ухаживают. Зимой он ездит туда, в колхозной хате-лаборатории проводит занятия по садоводству.

Председатель колхоза им. Реввоенсовета в октябре 1933 года, возвратившись из Топок, с совещания, где выступал М. П. Федоренко, собрал колхозников и рассказал им об успехах сибирских садоводов. «Крепко задумались мы,— писали потом колхозники в своем коллективном письме в газету.— Что же, мы хуже других, что ли? Ведь за 35 километров от нас, в Кемерове, у садовода Федоренко растут яблоки, разные ягоды. Так почему же мы не можем вырастить их у себя? Порешили заложить сад в своем колхозе. С осени приступили к обра-

ботке земли. А весной 1934 года посадили 510 яблонь, 700 кустов малины, 50 кустов вишни. На этом мы не остановились. На другой год увеличили колхозный сад более чем вдвое. (...). Но не так-то легко мы сад вырастили. Надо прямо сказать, что вначале многие колхозники были неверами. С насмешкой относились к этому делу, а на садовода смотрели как на чудака. «Вот погодите, придет зима, она покажет дело вашим садам»,— говорили они. Но вот прошла первая зима, а яблони все растут да растут, зеленеют как ни в чем не бывало. Прошла и вторая зима. «И что за чудо,— говорили неверы,— сады ведь растут!» В 1935 году мы получили на наших яблоньках первые плоды. Убедились тогда наши неверы, что действительно растут и в сибирском саду настоящие яблоки. Есть на что труд положить».

Летом 1936 года в Новосибирском краевом издательстве вышла книга «Опыт сибирских мичуринцев». В ней помещена богато иллюстрированная статья М. П. Федоренко об опыте работы кемеровских садоводов. Писатель Никитин считает книгу ценнейшим учебником для сибирских садоводов.

Западно-Сибирское краевое земельное управление осенью 1936 года приглашает Митрофана Павловича принять участие в совещании по садоводству, овощеводству и табаководству в Новосибирск. Просят захватить с собой экспонаты своих достижений по садоводству.

Выставком за работу по созданию в Кемерове опытно-показательного сада и пропаганду садоводства среди колхозников и городского населения наградил Митрофана Павловича «фотоаппаратом с принадлежностями».

Не прошло и месяца — новая телеграмма из Новосибирска: «Кемерово, горзо, садоводу Федоренко. Выезжайте на межкраевое совещание садоводов Новосибирск 27 декабря. Крайзу Фомин.» И Митрофан Павлович едет, выступает, показывает свои экспонаты.

Я пересматриваю старые газетные вырезки, рассматриваю фотографию, где Митрофан Павлович снят сидящим с блокнотом, и думаю, что было на душе у этого человека? Только что наркомзем РСФСР Лисицын вручил ему денежную премию за разведение садов. А за две недели до этого совещания был арестован как шпион его сын Николай. И это был не первый визит всесильных органов в его дом.

В 1933 году Митрофана Павловича внезапно арестовало ОГПУ и обвинило в скрытии местонахождения сына, проживающего за границей. О каком из двух сыновей шла речь, я не нашел ответа в документах. Ведь в 1919 году при разгроме Колчака в Манчжурию с кадетским корпусом ушли двое его сыновей. Думаю все-таки, что имелся в виду Борис, который к тому времени покинул Харбин и таким образом исчез из поля зрения агентов советской внешней разведки. Через месяц Митрофана Павловича выпустили. А в 1935 году случилась радость — из Харбина возвратился Николай. В доме появилась сноха Люба и внучка Иришка. Николай устроился киномехаником в клуб ГРЭС и преподавал английский язык в школе. Все вроде налаживалось. Болела только душа за старшего. Николай сказал, что тот какое-то время жил в Шанхае, а потом след его затерялся. И вдруг этот арест...

Только что принята Конституция СССР, Сталинская конституция, как ее гордо именует официальная пропаганда. «Мы живем в исключительно счастливое время, в такое время, когда трудящимся нашей великой Страны Советов прочно обеспечена зажиточная и культурная жизнь»,— писал

в эти же дни М. П. Федоренко в своей статье «Наши задачи».

В двадцатые и начале тридцатых годов в Кемерове образовался заметный культурный слой из «бывших людей», как скажет потом на допросе в НКВД преподаватель Кемеровского стройтехникума, бывший дворянин, бывший поручик русской армии Н. М. Зеликман. Одни осели здесь после гражданской войны, другие были административно сосланы властями. Среди них — бывшие офицеры, чиновники, инженеры, юристы. Опрометчиво было бы утверждать, что все они любили советскую власть. Но большинство из них, будучи людьми порядочными, добросовестно служили новому строю. Со многими из них Митрофан Павлович был знаком. С некоторыми состоял в родстве. Его шурин И. М. Фисаков служил священником в местной церкви...

Шел 1937 год. «Отец народов» решил, что пришло время окончательно очистить одну шестую часть суши от «социально-чуждого элемента». На февральско-мартовском Пленуме ЦК партии Сталин выдвинул тезис: по мере успехов социалистического строительства сопротивление классового врага будет усиливаться, а классовая борьба — обостряться. М. П. Федоренко — бывший преподаватель кадетского корпуса, «из дворян», сын которого арестован как шпион — был обречен.

«Весной 1937 года мой сад так пышно расцветал, что урожай должен превзойти все ожидания. К осени будет выращено посадочного материала различных пород и сортов растений 6000 штук, а к осени 1938 года — 18 000 штук»,— писал М. П. Федоренко.

Его арестовали 29 июня 1937 года. От дома по Кузбасской, 3 до горотдела НКВД по Трудовой, 59 несколько минут ходьбы. Что он должен был передумать за эти минуты? Лихорадочный поиск причины — за что? Опять в связи с сыном? С которым? С Николаем? С Борисом? Первый полгода как арестован, второй — неизвестно где. Но в любом случае, не зная за собой никакой вины, он, очевидно, надеялся, что недоразумение быстро разъяснится и он обязательно вернется к семье, к прерванной работе.

Но то, что ему предъявили, не могло, думаю, присниться ни в каком кошмарном сне. Вот как это изложено в Постановлении об избрании меры пресечения:

«Федоренко Митрофан Павлович, 1876 года рождения (рукой М. П. шестерка в конце даты исправлена на цифру два), 1872 года рождения, по национальности русский (М. П. везде писался украинцем, но здесь он не нашел нужным исправлять), беспартийный, происходит из дворян, бывший преподаватель кадетского корпуса в г. Омске, имеет высшее образование (М. П. зачеркнул слово «высшее», поставил «среднее»), преподаватель средней школы в г. Кемерово.

Достаточно изобличается в том, что является активным участником контрреволюционной организации, созданной закордонным белогвардейским, так наз. «Российским общевойсковым союзом» в блоке с эсерами. К/р организация по указанию японских развед. органов, на территории СССР вела практическую работу по созданию боевых соединений из числа бывших белогвардейцев, карателей, кулацкого и проч. к/р элемента, с задачей осуществления вооруженного свержения сов. власти в момент нападения Японии на Советский Союз...»

Постановление было объявлено М. П. Федоренко 3-го июля. А до этого, 1-го, 2-го июля его допрашивал сержант ГБ Васильев. Ему зачитывались выдержки из показаний Н. М. Зеликмана и Л. И. Алыпова.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО ЗЕЛИКМАНА НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА

...Вопрос. Имеющимися в распоряжении следствия материалами вы изобличаетесь как участник к/р повстанческой организации. Вы признаете себя в этом виновным?

Ответ. Да, признаю. Я действительно состою членом к/р повстанческой организации и завербован в нее Кутеповым Сергеем Павловичем[1], братом генерала Кутепова, известного антисоветского деятеля за рубежом.

Вопрос. Дайте показания, каким образом вы были завербованы в к/р организацию?

Ответ. Я — дворянин и офицер русской армии, активно боролся против красных войск в 1918—19 годах. За годы существования советской власти я не погасил в себе злобы против рабочих, пришедших к власти, и ненавидел большевиков. Я искал постоянно себе такое общество, среди которого можно было говорить открыто и искать сочувствия. В Кемерово я такое общество нашел. Это оказались тоже бывшие люди, все — сторонники монархии, постоянно лелеющие мечту уничтожить Советский Союз».

В числе участников организации Зеликман назвал Федоренко М. П. и его сына Николая. Разумеется, не это послужило причиной ареста Митрофана Павловича. Как мы помним, справка на его арест была подписана еще 28 июня. Следствию нужны были свидетельские показания против Федоренко. И оно их постаралось получить.

Вопрос. Ваша организация вела шпионскую работу, это следствию известно. Дайте об этом показания.

Ответ. Участники нашей организации Федоренко, отец и сын, являлись агентами японской разведки, о чем я сначала узнал от Кутепова, а потом и от самого Федоренко Николая Митрофановича. Последний имел специальные поручения и был непосредственно связан с японскими развед. органами. По их указаниям и через имевшихся у него агентов, и всякими путями сам собирал сведения о политических настроениях населения, сведения об оборонных химических предприятиях в г. Кемерово. Я знаю, что Федоренко произвел ряд снимков предприятий г. Кемерово, вооружение и расположение 71-й дивизии, находящейся в военном городке в Кемерове. Все эти сведения Федоренко возил в Новосибирск для передачи их в японские разведорганы через имеющиеся у него связи.

Подобные же показания были получены от Алыпова Л. И. и Брудинского Н. М. Федоренко на допросах виновным себя не признал. 1-го августа ему устроили очную ставку с Алыповым.

Лазарь Иванович Алыпов, бывший вахмистр Томского жандармского управления, был знаком с Федоренко, бывал у него дома. Допрошенный 30 июня, он дал подробные показания относительно своей к/р деятельности, назвал более десятка своих знакомых, также якобы состоявших членами к/р организации. К сожалению, из протокола невозможно понять — в результате каких воздействий делал он (да и другие) эти «признания». На бумаге все выглядит как добровольное желание «помочь следствию». Вот образчик такого охотного признания:

---

[1] Кутепов С. П., брат белоэмигранта генерала Кутепова А. П., деятеля заграничного Российского общевоинского союза (РОВСа), действительно жил в Кемерове в 20—30-е годы, работал бухгалтером городской аптеки, жил на квартире своего родственника Брудинского Н. М., бывшего помещика Уфимской губ., в Кемерове работавшего преподавателем на рабфаке. В 1937 г. Кутепов С. П. был арестован, так же как Рывкин — заведующий аптекой, Брудинской Н. М. и другие по делу РОВСа.

Следователь. Следствие имеет данные, что Кутепов, Брудинский, Писарев и другие являются членами к/р повстанческой организации, членом которой также были и вы. Вы это подтверждаете?

Алыпов. Вижу, что следствию все известно, поэтому прошу разрешить мне сделать заявление.

Следователь. Какое заявление?

Алыпов. Я хочу рассказать следствию, что я являюсь членом к/р организации, и о той к/р деятельности, которую я вел вместе с другими членами к/р организации.

На очной ставке, которую проводил сам начальник горотдела НКВД Голубев, Алыпов подтвердил свое показание относительно причастности М. П. Федоренко к к/р организации. На правой части листа протокола напротив этих показаний записано:

Вопрос. Вы подтверждаете показания Алыпова Лазаря Ивановича?

Федоренко. Нет. С Алыповым я неоднократно встречался, он бывал у меня на квартире, но разговоров о контрреволюционной организации я не вел, и участником контрреволюционной организации я не являюсь.

На допросе 10 августа, когда ему снова были предъявлены все те же показания против него, Федоренко продолжал стоять на своем: «Я даю откровенные показания и принадлежность свою к к/р организации отрицаю».

Это не помешало, однако, чекистам составить «Обвинительное заключение» от 23 августа, подписанное начальниками отделений Майоровым и Белобородовым. В нем, в частности, говорится:

«...Обвиняется в том, что:

1. Являлся активным участником монархической повстанческой организации в гор. Кемерово и Кемеровском районе;

2. Принимал участие с руководящим составом к/р организации в обсуждении планов и контрреволюционной работы данной организации;

3. Знал о проводимой его сыном Николаем Федоренко шпионской работе в пользу Японии, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 2—4—11 УК РСФСР.

Виновным себя не признал.

Изобличается показаниями обвиняемых Зеликман Н. М., Алыпова Л. И. и Брудинского Н. М., а потому Федоренко М. П. подлежит преданию суду».

Но никакого суда не было. Федоренко так и продолжал находиться в Кемеровской тюрьме, а в Новосибирске через два дня был подписан очередной протокол (№ 17/13) заседания тройки Управления НКВД Запсибкрая, где под № 59 против фамилии М. П. Федоренко было записано: «Расстрелять. Принадлежащее ему лично имущество конфисковать. Дело сдать в архив».

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки УНКВД Запсибкрая от 25 августа месяца 1937 г. о расстреле Федоренко Митрофана Павловича приведено в исполнение 5 сентября 1937 г. в 24 часа.

Верно: сотрудник оперштаба (подпись неразборчива).

А пятью днями раньше — 31 августа — был расстрелян Николай Федоренко. Дом и сад были конфискованы. Жена Надежда Михайловна — выслана из Кемерова. Имя М. П. Федоренко — первого в городе садовода — забыто.

На этом можно было бы поставить точку, но я не могу этого сделать. У читателя — в сознании ли, в подсознании — может остаться: но все-таки что-то же было? Дыма без огня не бывает... Это не дым: туман. Густой туман, на долгие десятилетия окутавший страну. Имя ему известно — сталинщина. Несчетное число людей по-

страдало безвинно. Среди них — семья Федоренко.

В 1959 году проведено дополнительное расследование. В результате его выяснилось:

— К моменту ареста Федоренко в органах НКВД каких-либо материалов, свидетельствующих о его к/р деятельности, не было.

— Зеликман, Брудинский, Алыпов, расстрелянные по решению Тройки как участники к/р организации РОВС, были репрессированы необоснованно. Они полностью реабилитированы.

— Кутепов С. П. был арестован органами НКВД в 1937 г. за антисоветскую деятельность, но на допросах виновным себя не признал и покончил жизнь самоубийством.

— Федоренко Николай показаний о принадлежности своего отца к японской разведке не давал, как не давал показаний и об его осведомленности по этому вопросу. Более того: по трофейным документам японской военной разведки, хранящимся в УКГБ по Хабаровскому краю, Федоренко Николай Митрофанович, по данным за 1935 год, проходит как агент советской разведки.

— Допрошенные в процессе проверки бывшие оперативные работники Кемеровского ГО НКВД Майоров и Белобородов, принимавшие непосредственное участие в расследовании дела Федоренко, а также Клюев, Зенченко, Монтримович и Герасимов дали показания о фактах массовых необоснованных арестов, произведенных Кемеровским ГО НКВД в период 1937—1938 годов, доказательства, по которым процессы фальсифицировались при их непосредственном участии.

Определением военного трибунала Сибирского военного округа от 26 июня 1959 года Постановление тройки УНКВД Запсибкрая от 25 августа 1937 года в отношении Федоренко Митрофана Павловича отменено и дело о нем прекращено за отсутствием состава преступления.

28 октября 1959 года был посмертно реабилитирован его сын Николай Федоренко.

Справедливость восторжествовала? Можно считать и так.

В заключение мне хотелось бы привести отрывок из письма Л. А. Хадеевой, внучки Митрофана Павловича, проживающей в Ташкенте.

«...Сейчас из всей многочисленной семьи осталась одна мама. Судьба старшего сына, Николая Митрофановича, вам известна. Второй сын, Виктор, погиб на фронте в восемнадцатилетнем возрасте. Средний сын, Василий Митрофанович, всю войну работал в стройорганизациях Свердловска, а затем Ташкента. Восстанавливал город после известного землетрясения. Здесь он и умер несколько лет назад. Моя бабушка Надежда Михайловна после гибели на фронте сына и смерти дочери была перевезена моей мамой из Бийска, где она жила, снова в Кемерово, где и умерла в 1950 году.

Вот и все, что я могу вам сообщить. Обыкновенная скромная семья, и очень жаль, что она кому-то помешала. Ведь сколько еще полезного успел бы сделать мой бедный дед! Ведь это был удивительно способный человек, на все руки мастер, а не только в области садоводства».

Б. Антонов

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА СТАЛИНСКИХ ВРЕМЕН

Прокопьевск ликовал: в город прибыл сам Председатель Совнаркома СССР Вячеслав Михайлович Молотов.

Шахты, артели и конторы прислали на вокзал своих лучших, проверенных тружеников. Молотов помахал приветственно рукой, хотел пройти к машине, но охваченная энтузиазмом толпа требовала СЛОВА. К слову привыкли, как привыкают к табаку и наркотикам. Говорили помногу, тщательно перемалывая простейшие истины: «работать надо лучше», «жить честно», «прежде думать о Родине...» и тому подобное.

Вот и сейчас предсовнаркома, разводя руками, в тысячный раз толковал о святой необходимости активнее бороться за социализм, для чего на первых порах нужно быстрее покончить с расхлябанностью и соцразгильдяйством.

Народ слушал. Народ энергично хлопал.

И только бестолковые ребятишки не понимали исторической сути происходящего. Они толкались, фыркали, шныряли сквозь цепи чекистов и выныривали прямо у стола, с которого вещал высокий гость.

Мальчишки оставались мальчишками: они были пока вне политики. Политика казалась им игрой для взрослых.

С вокзала Молотова повезли по городу, сколоченному из шахтерских поселков. Руль доверили Валентину Арнольду, местному завгару. Машины он знал до последнего винтика, характером спокоен, с людьми обходителен, политически, как сообщили органы, выдержан. В общем, руководителю правительства ничего не должно угрожать. Правда, на всякий случай сзади следовал грузовик с охраной: жизнь вождей принадлежит не им, а государству.

Копры и дымящиеся трубы радовали Молотова: вот оно — громадьё планов! Огорчало лишь то, что город не торопится расти и расширяться. Редко встречаются добротные дома — все больше халупы да землянки. Ну, ничего: придет время и за город возьмемся. Как следует, по-большевистски!

Вдруг машину резко тряхнуло, Молотов вздрогнул, но ни один мускул не дернулся на лице. Лишь руку поднес к очкам, словно проверяя, на месте ли они.

К машине подскочили испуганные чекисты. Все что-то невнятно кричали, размахивая руками, двое пытались выдернуть шофера из-за руля, но тот крепко держался за баранку, вцепившись в нее мертвой хваткой.

— Оставьте нас в покое,— тихо сказал Молотов.

Чекисты вернулись к своему грузовику.

Несмотря на происшествие, Молотов не позволил изменить программу, расписанную по минутам. Согласно намеченному, он должен был зайти в две-три квартиры рядовых рабочих, чтобы поговорить по душам, поинтересоваться их думами и в случае необходимости проявить отеческую заботу. Судьбе было угодно, чтобы Молотов зашел в дом, где жил злополучный водитель. Там его встретили блинами. Он поблагодарил, погладил подвернувшихся под руку мальчишек по головкам, спросил:

— Кто здесь живет?

— Арнольд,— услужливо ответили сопровождающие.— Тот самый, который вас тряхнул.

Они преданно смотрели в глаза Молотову, ожидая команды: «Взять его!»,

но тот, поправив очки своими тонкими пальцами, тихо сказал:

— Он ненарочно... Он больше не будет так возить гостей...

Гости ушли.

...Забрали Арнольда в 36-м. Судили в Москве в 37-м. Вместе с Пятаковым, Радеком, Серебряковым, Сокольниковым, Мураловым и другими деятелями так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». Тринадцать из семнадцати приговорили к расстрелу. Арнольду, обвиненному в покушении на Молотова, повезло: дали всего 10 лет. Говорят, сам Сталин заступился: понравились его ответы на суде.

Но камень брошен — пошли круги.

Осенью 37-го забрали жену. Детей, как и положено, определили в казенный дом.

И вот у меня в руках пожелтевшие от времени письма. По старой школьной привычке я мысленно исправляю грамматические ошибки, расставляю недостающие запятые.

Юра и Толя — матери

Здравствуй, милая мамочка.

Как ты живешь? Мы живем ничего. Одевают хорошо, но кормят плохо. Мы похудели. Толю ты, наверно, не узнала бы. Уж очень он похудел.

Мама, если бы ты знала, как нам тут не нравится. Река мутная, мелкая, даже негде поплавать. Я думаю, что недолго нам жить в разделе. Скоро опять будем жить дружно и весело.

Мама, напиши, как ты себя чувствуешь. Не болела ли? У нас тут много разных ягод и грибов. Мама, я здесь сильно расшатался, но сейчас я исправлюсь. У нас есть мастерские. Я работаю в слесарной.

Мама, я даю слово, что этот год буду учиться на «хорошо» и «отлично». Когда мы приехали, меня поставили в четвертый класс, а Толю в первый. В четвертом я учился отлично. Меня премировали, и я перешел в пятый, а Толя перешел во 2 класс. В 5 я начал учиться хорошо, но один раз мне по истории поставили «плохо», и я как-то неуверенно стал подвигаться и не перешел. Мама, ты уж прости меня, а то мне стыдно будет, когда увидимся.

Шлем горячий привет.

Мама, целуем тебя крепко.

Арнольд Юра. Арнольд Толя.

Но недолго братья были вместе. Вскоре их разлучили: СИСТЕМА дробила семьи на мелкие частички.

Юра — матери

Добрый день, милая мамочка!

Шлю тебе свой горячий привет и желаю всего хорошего.

Мама, я в первых своих строках сообщаю, что меня перевезли в Тагил на трудоустройство. Мы здесь находимся в Д.З.У. Мама, мы здесь уже начали учиться. Мы учимся за пятый, за шестой и седьмой класс. Будем учиться десять месяцев, а потом, смотря на успеваемость, направят в Ф.З.У. Мама, ты не волнуйся, мы с Толей все время переписываемся. Только тут дело плохо пока из-за бумаги. Тетрадей в школе не дают. Приходится писать на газете. Мама, ты напиши, как ты себя чувствуешь. Болела ли? Мама, я сколько раз писал папе письма, но ответа не получал...

Валентин Арнольд — родственникам

Уведомляю, что я жив и здоров, нахожусь в городе Орле. Вот пошел уже 4-й год, как я не имею писем от моей жены, а поэтому не знаю, где находится мое семейство.

Ровно год тому назад я получил перевод на сумму 20 рублей, но адреса мне тогда не дали, и я так и не знал до последнего момента, от кого посланы деньги. Благодарю премного. Кроме этого, я получил сообщение, что

конфисковано прибывшее на мое имя письмо. От кого, тоже до сего времени не знаю.

Прошу сразу написать мне ответ и сообщить о здоровье моего семейства. Где оно находится и т. д.

Родители искали детей, дети — родителей, шла круговерть. В ответ на запросы получали короткие справки-отписки, подобные вот этой:

«В ответ на Ваше письмо сообщаем, что Арнольд Ю. В. передан из Ремесленного училища № 2 в распоряжение отдела кадров Уралвагонзавода.»

Живой человек передан, как вещь, по описи. Потом мы будем восхищаться бойкими мальчишками из «ремесленок», которые, бросив ящик под ноги, чтобы стоять повыше, по нескольку часов не выходили из-за станка.

«Всё для фронта, всё для победы!» — этот лозунг был и для них. Но большинство страдало не только от усталости и недоедания. Большинство страдало от неизвестности: где их родители? чьи они?

Валентин Арнольд — родственникам

...Физически я здоров, но психически страдаю, думаю очень много, есть о чем думать, когда жизнь — как разбитое корыто. Но и унывать нельзя. Что было, то прошло и уже не воротится. Но еще жизнь впереди — жена, ребята — все же сердце болит о них, о их судьбе. Как хочется быть с ними!..

Передайте привет моей жене и ребятам, т. е. моему милому дорогому семейству.

Юра — родственникам

Во первых строках своего письма я сообщаю, что нахожусь на Вагонстрое недалеко от Нижнего Тагила. Не охота мне тут жить. Хоть бы город был, а то какие-то стандартные дома, щекотурка обитая. Трудно было расставаться с Толей. Нас здесь кормят два раза в день и больше не кормят.

Юра — матери (продолжение)

...Мне Толя прислал четыре листа бумаги, я и пишу письмо на этой бумаге. Мама, ты напиши, отпускают вас в город или нет. Нам дают 90 рублей на месяц. Мама, я прошу, не волнуйся за меня. Я приложу... (зачеркнуто цензором.— Б. А.) перейти в Ф.З.У., а там мы обратно будем жить вместе. Мама, ты, наверное, от Толи давно не получала писем. Он мне пишет, что писал. Мама, нам, когда нас увозили, выдали по смене старого и по смене нового, и я там сказал, чтобы он берег багаж, который у нас из дому.

Целую много-много раз.

Твой сын Юра.

Из рассказа Александры Васильевны

Я два года не знала, где мои дети. Сколько ни писала, не знала. Другие как-то быстро получали... Потом уж узнала... Меня забрали через год и допросили всего лишь раз. Вызвали, спросили: «Вы знали, что муж ваш делал?» Отвечаю: «Нет, не знала». На этом и кончилось. Когда меня взяли, детей сразу в детдом определили...

Юра — матери

Здравствуй, милая мамочка!

Шлю тебе свой привет и желаю всего хорошего. Мама, я сейчас живу на заводе имени Дзержинского. Мама, мы учимся в ремесленном училище. Мы будем учиться два года.

(Две строчки зачеркнуто цензором.—Б. А.).

Мама, напиши, как ты себя чувствуешь. Не болела ли? Получаешь ли письма от Толи?.. Мама, ты не сердись на меня, что я так долго не писал. Я

не знал адреса. Я случайно потерял его. Мама, я получил от тебя деньги, за которые большое спасибо. Мама, мы с первого декабря будем ходить на теорию и практику. А сейчас дают 90 рублей на месяц, но с первого декабря нам будет бесплатное обмундирование и питание, и деньги выдавать не будут. Мама, у меня специальность слесарь-сборщик. Мама, ты не волнуйся. Выйду из завода, будем жить вместе. Мама, получаешь ли ты письма от папы? Я сколько ни писал, ни одного письма не получил.

Валентин Арнольд — родственникам

...Иногда я думаю, что ребята мои находятся с вами, т. к. полагаю, что возможно, что Шура не с вами и мне не разрешают получить письма от нее. Конечно, это только предположение. Если Юра и Толя с вами, то пусть пишут в одном же с вами письме. Если есть фото, пошлите с кого есть.

Из рассказа Александры Васильевны

Когда его осудили, ему разрешили писать два письма в месяц. Полгода мы переписывались, а когда меня взяли, все уж прекратилось. И он уже не ждал. Ну, по догадкам, наверно, знал, потому что слухи шли, что жен забирают. Он думал, что меня нет, а дети, надеялся, что у сестры остались.

Юра — матери. (Окончание.)

...Мама, напиши, отпускают вас в город или вообще на прогулку и есть ли у вас какие-нибудь развлечения?

Из рассказа Александры Васильевны

Томск... Нарым... Яя... Мне жить никак не давали. Пять лет отсидела — хорошо. Дали вольноссыльных... Два года отработала: ни квартиры, ничего не давали — ужас! Теперь на шахту — грузчиком. Отработала. А потом дали 24 часа — куда хочешь, туда и поезжай.

Не знаю, как еще живу и как еще сил хватает... Все было...

Толя — матери

Мама, ты спрашиваешь, хорошо ли в столярной мастерской? Мне нравится в ней работать. Я уже сделал две табуретки, за которые заработал 1 руб. 25 коп., 2 винтовки, 3 сидения, санки, вешалку для полотенца, которую у меня сломали ребята. Сейчас я делаю тумбочку.

Мама, мне пришло письмо от ребят. Они пишут, что Юра заболел. У него получилось засорение слепой кишки, и он умер...

Официальная справка

Отдел кадров Уралвагонзавода сообщает, что Арнольд Юрий Валентинович умер 7-го марта 1941 г. от заражения брюшины. Его мать прислала в отдел кадров телеграмму с запросом о сыне, но адрес свой не написала, поэтому мы не знаем, куда давать телеграмму на ее имя.

Толя — матери

...Я живу плохо. Хлеба нам дают досыта, но кашу дают без масла, на воде. Суп я вовсе не ем. Чай без заварки — просто вода кипяченая. Мама, ты не сердись, что я так долго не писал писем. Я уже писал, но не знаю, пришли к тебе или нет, а может, они и дошли, так как я писал без марки, так как нету денег.

Мама, скоро ли мы будем жить вместе?

На этом письме, одном из немногих, стоит дата — 11 октября 1941 года.

Немцы у самой Москвы. А месяцем раньше — ровно месяцем—они стояли под Орлом. Власти не знали, что делать с заключенными, которыми до предела была забита местная тюрьма.

Решили: с «политическими» не миндальничать. По приговору, вынесенному заочно Военной коллегией Верховного суда СССР без возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования на основании статьи 58-10 ч. 2 УК РСФСР Валентина Арнольда расстреляли.

Из рассказа Александры Васильевны

Когда дали 10 лет, была надежда. Я думала, через 10 лет я все равно встречу, а уж когда меня посадили, когда началась война, я уже сразу поняла, что он оттуда живой не выйдет... И детей вот нет. Юра еще тогда умер, а Анатолий недавно. Не было у него настоящей жизни. Не в себе был, беспокойный какой-то. Как жить? Как хочешь, так и живи. Мне жизни никак не давали...

Н. Галкин

СУДЬБА РАБОЧЕГО В «РАБОЧЕМ» ГОСУДАРСТВЕ

Передо мною небольшое архивное дело. Затертые корочки, склеенные из листов какого-то бухгалтерского отчета. Бумага пожухла от времени. Это личное дело Я. Ю. Тедера, лишенного избирательных прав в 1927 году. Одно из многих тысяч дел, недавно рассекреченных в государственном архиве Кемеровской области (ГАКО).

Один за другим перелистываю документы со старинными вензелями, печатями с двухглавыми орлами. Удостоверения, свидетельства, обязательства, аттестат. Всего 15 документов, относящихся к десятым годам нашего столетия. В текстах мелькают слова: «Балтийский судостроительный и механический завод», «военные суда», «подводные лодки».

Эти документы скупо рассказывают мне о судьбе выходца из прибалтийских крестьян Яна Юрьевича Тедера. Это один из тех людей, чьими трудовыми руками закладывался российский подводный флот, кто выводил в открытое море первые субмарины под российским флагом. Лучшие годы, лучшую часть своей жизни прожил Ян Тедер в этом предгрозовом времени и, несомненно, до конца своих дней пронес в душе любовь к великому морю, к стальным чудо-кораблям, бороздящим его глубины. Субмарины в море — вот цель жизни молодого рабочего Я. Тедера, появившегося в Санкт-Петербурге в начале 1912 года. Сохранившиеся документы позволяют нам хотя бы пунктирно проследить жизненный путь этого человека вплоть до 1918 года.

Итак, последние годы существования старой Российской империи. Зимой или весной 1912 года в «северную Пальмиру» приезжает никому не известный молодой человек, 23 лет от роду, недавно демобилизовавшийся из армии. В кармане у него следующий документ:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие от команды Штаба 1-го Сибирского Тяжелого Артиллерийского дивизиона старшему мастеровому Яну Юрьеву Теддер в том, что он за все время состояния на действительной военной службе отличался трезвостью, отличным поведением и вполне знающим слесарное дело, а потому заслуживает рекомендаций при поступлении как на казенную, так и на

частную службу, в чем и выдано ему, Яну Теддер, настоящее свидетельство за надлежащею подписью и приложением казенной печати.

28 октября 1911 года. Ур. Антипиха, близ гор. Читы.

Печать подпись

К сожалению, нам почти ничего не известно о жизни Я. Тедера до прохождения военной службы. Не исключено, что рекомендации, полученные им в армии, сыграли свою роль при трудоустройстве. Как бы там ни было, в мае 1912 года Ян Тедер поступает слесарем на Санкт-Петербургский металлический завод, о чем сообщает документ.

Очевидно, Я. Тедер показал себя высококвалифицированным и умелым рабочим, потому что на следующий же день после увольнения с металлического завода, 29 апреля 1914 года, его принимают слесарем на Балтийский судостроительный и механический завод, относившийся к Морскому ведомству. Начались годы напряженного подвижнического труда, совпавшие с первой мировой войной. Судя по всему Я. Тедер пользуется авторитетом на Балтийском заводе за свои золотые руки. Он принимает непосредственное участие в строительстве подводных судов и регулярно выезжает в командировки, связанные с перегоном и испытаниями грозных субмарин. (Грозных, потому что первые же сражения на морях показали резко возросшую роль подводного флота). Обратимся к некоторым сохранившимся документам.

В начале лета 1915 года Тедер получает на руки бумагу следующего содержания:

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

Тысяча девятьсот пятнадцатого года, июня 9-го дня, дано сие обязательство Балтийским Судостроительным и Механическим заводом Морского Ведомства слесарю Отдела Подводного Плавания, крестьянину Лифляндской губернии, Юрьевского уезда, Ковелехтской волости, им. Ковелехтской Яну Юрьеву Тедеру в том, что если во время испытаний подводных лодок «Барс» и «Гепард» с ним, Тедером, произойдет несчастный случай, последствием коего будет утрата трудоспособности, то Балтийский Судостроительный и Механический завод обязуется выплатить ему вознаграждение:

1. При полной утрате трудоспособности — шестнадцать тысяч сто пятьдесят четыре (16154) рубля (десятигодовое жалованье, исчисленное с наградными и сверхшабашными).

2. В случае неполной утраты трудоспособности размер вознаграждения исчисляется по предыдущему расчету, но согласно признанного заводскими врачами процента утраты трудоспособности, применительно к действующему положению по фабричному законодательству.

В случае смерти Тедера вследствие несчастного случая во время испытаний лодок, Балтийский Судостроительный и Механический завод обязуется выдать вознаграждение в исчисленном по пункту 1 размере, как бы при полной утрате трудоспособности, законным наследникам Тедера.

Настоящее удостоверение имеет силу лишь на период испытаний подводных лодок «Барс» и «Гепард» на предмет вознаграждения за несчастные случаи, происшедшие на лодках во время этих испытаний.

Печать подпись

Примерно через месяц, после соответствующих приготовлений, Ян Тедер вместе с другими специалистами отбывает в командировку в Ревель (ныне Таллинн), возможно, даже на борту указанных подлодок, хотя из тек-

ста документов это не вполне ясно. Вот командировочный документ:

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие мастеровому Балтийского судостроительного и Механического завода Морского Ведомства № 1024 Тедеру Яну Юрьеву, зап. ст. маст. 1 Сиб. пол. тяж. арт. дивиз. с/с. 1909 г., крестьянину Лифляндской губернии, Юрьевского уезда, Ковелехтской волости, им. Ковелехтской (холост) в том, что он действительно служит на вышеозначенном заводе в Петрограде и в настоящее время командирован в г. Ревель для работ на военных судах.

По сему Балтийский Судостроительный и Механический завод просит не чинить ему, Тедеру, никаких препятствий к проживанию в Ревеле на время его там пребывания по службе, каковую просьбу подписью и приложением казенной заводской печати удостоверяю.

Июля 2 дня 1915 г. подпись

Несколько слов о том, что за подводные лодки испытывались тогда в Финском заливе. Речь, несомненно, идет о знаменитом «Барсе», заложенном еще в 1912 году замечательным корабельным инженером И. Г. Бубновым. С тех пор все строившиеся на Балтийском заводе субмарины относились к типу подводных лодок «Барс», только назывались по-разному. Это были грозные создания рук человеческих. Дизель-электрические подлодки типа «Барс» обладали по тем временам самым мощным вооружением, даже по сравнению с западными аналогами. На борту каждой такой субмарины имелись 12 торпедных аппаратов, две пушки и один пулемет.

Судя по всему испытания «Барса» и «Гепарда» прошли успешно, а уже через месяц, как известно из литературы, «Гепард» принял первое боевое крещение. Сразу же после завершения указанных испытаний наступила очередь следующей субмарины—«Вепря». 13 августа того же года Тедер получил от администрации завода страховое обязательство на сумму 15189 рублей, 25 августа оформил командировочное свидетельство и уехал в Кронштадт, а затем и в Ревель. На обороте данного свидетельства имеется отметка пристава о том, что Я. Тедер прибыл в Кронштадт, в управление второго участка Купеческой части, 28 августа 1915 года и поселился в гостинице «Лондон». Новые испытания завершились осенью того же года, и уже в следующем году «Вепрь» принимал активное участие в боевых действиях.

В самом конце 1915 года наступил черед еще одной подводной лодки — «Волка». 24 ноября Ян Тедер получил от администрации завода обязательство на ту же самую сумму, что и в августе, но проведение испытаний новой субмарины задержалось на 2—3 месяца, очевидно, по техническим причинам или по условиям погоды. Кроме того, в этот промежуток времени— осенью или зимой 1915 года — произошло одно немаловажное событие в жизни нашего героя, мимо которого обычно не проходит ни один биограф: Ян Тедер женился. Кто была его избранница, мы не знаем. Но факт тот, что отправляясь на испытания «Волка» в Ревель, Тедер получил 26 февраля 1916 года командировочное свидетельство, где впервые было помечено: «женат». Кроме этого, в верхнем левом углу данного документа кем-то была сделана карандашная приписка: «Правосл., 28 лет. Женат. Слесарь». В Ревель Ян Тедер прибыл, если верить отметке пристава, 4 марта и поселился на Гранитной улице, в доме 14а, в кв. 6. Не исключено, что жена поехала вместе с ним.

Между тем приближалась весна.

Время года, благоприятное не только для дел сердечных, но и для завершения испытаний подводного флота. 18 марта Ян Тедер получает страховое обязательство на сумму 20103 руб.; из текста документа видно, что имелось в виду провести окончательные испытания всех четырех построенных субмарин (которые, добавим, постоянно модернизировались) — «Барса», «Волка», «Вепря» и «Гепарда». Испытания прошли весной 1916 года, и Тедер, без сомнения, в них участвовал, хотя никаких командировочных документов на этот счет в его деле не сохранилось.

Но строительство подводных лодок продолжалось, как продолжалась и война. К концу 1916 года к испытаниям были готовы новые субмарины — «Змея», «Единорог» и «Угорь». В связи с этим 9 ноября Ян Тедер получает от администрации Балтийского завода обязательство на сумму 19810 рублей, в тот же день оформляет командировочное свидетельство и отбывает из Петрограда в Ревель. В Ревеле, согласно отметке пристава, он появляется только 29 ноября (!) и поселяется в Завокзальной части города по уже знакомому нам адресу: Гранитная улица, дом 14а, кв. 6. В жизни человеческой всякое случается. К тому времени у Тедера уже не было семьи, и поэтому в его командировочном свидетельстве вновь появляется знакомая пометка: «холост». Медовый период в жизни молодого рабочего оказался недолгим.

Наступил грозный 1917 год. Старая империя рухнула в одночасье. Железной поступью вошла в Россию ее величество Революция, и началась долгая череда социальных переворотов и кровавой смуты. Как отнесся Ян Тедер к происходящему, нам неизвестно.

Война по-прежнему собирала свою кровавую жатву, и со стапелей Балтийского завода продолжали сходить подводные лодки. Тревожной осенью 1917 года начались испытания очередной субмарины — «Ерша» (впоследствии, как известно, переделанного в минный заградитель). Накануне, 21 сентября, Ян Тедер получает страховое обязательство на рекордную сумму — 37034 руб. 70 коп. Что поделать, кризис экономики был налицо, а вместе с ним и инфляция. В России наступили новые времена, и это видно хотя бы по тому, что вместо генерал-лейтенанта или генерал-майора начальником Балтийского судостроительного и механического завода становится инженер, лицо сугубо штатское. Это можно понять по подписям на документах Тедера. После соответствующих приготовлений, 16 октября 1917 года Ян Тедер оформляет командировочное свидетельство и вместе с другими специалистами отбывает в Гельсингфорс. На этот раз с известной долей уверенности можно сказать, что плывут они именно на том самом судне, которое проходит испытания. Это подтверждает приписка в нижней части командировочного свидетельства, гласящая: «Ввиду перехода подводной лодки «Ерш» из Гельсингфорса в Ревель настоящее удостоверение действительно в г. Ревеле». Приписка заверена печатью и подписью комиссара Народной Милиции судоверфи акционерного общества «Петровская Верфь».

Почему в ходе испытаний возникла необходимость переброски субмарины в Ревель? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Плавание «Ерша» явно затягивалось, и в Ревеле Ян Тедер появился, если верить отметке начальника 1-го милицейского участка города, только 9 декабря 1917 года. Может быть, это было связано с тяжелыми погодными условиями (все-таки начало зимы), но скорее всего — с известными политическими событиями. Ведь как-никак, а пока «Ерш» по-

корял глубины Финского залива, пока проходили его испытания, в стране произошел Октябрьский переворот. И поскольку финские власти с самого начала взяли твердый курс на достижение государственной независимости (что, кстати, уже в середине декабря было признано большевиками), то можно предположить, что российские подводники, подчиняясь, быть может, воле Центробалта, решили перегнать лодку «поближе к родным берегам», в Ревель, где уже давно была установлена советская власть.

Известно, что в Ревеле к тому времени оказались все 13 подводных лодок типа «Барс», действовавших в составе Балтийского флота России. При переходе в Кронштадт зимой 1918 года, во время героического «Ледового похода», одна из них — «Единорог» — погибла. Остальные субмарины, достигшие пункта назначения, впоследствии более или менее успешно использовались в борьбе с интервентами. И это несмотря на то, что большая часть стальных гигантов, построенных, как это принято говорить, в «дореволюционный период», уже давно находилась в весьма плачевном состоянии, да и по некоторым конструкционным особенностям явно устарела.

Как воспринял Ян Тедер октябрьские события, нам не известно. На Балтийском заводе он проработал еще несколько месяцев, вплоть до весны 1918 года. Страна вступала в период смутного времени. Начиналась гражданская война. Многие заводы и фабрики свертывали производство или закрывались. На горизонте замаячил голод. Нарастала и военная угроза Петрограду. Политический ураган, смявший судьбы стольких людей, подхватил питерского рабочего Яна Тедера. Закончился петербургский период жизни нашего героя.

14 марта 1918 года Ян Тедер получил расчет и несколько позднее покинул Петроград, о чем свидетельствует сохранившийся документ.

Более чем на десять лет исчезает Ян Тедер из поля нашего зрения. Никаких документов за этот период в его личном деле нет. Между тем в стране происходили грандиозные преобразования. Старая Россия исчезла, на ее обломках начинала складываться иная жизнь.

К концу первого десятилетия «народной власти» постепенно набирает обороты маховик массовых репрессий, начинается коллективизация, а с нею и кризис в экономике. Где же в это тяжелое время находится кадровый питерский рабочий Ян Тедер, чьи искусные руки, казалось бы, должны были пригодиться новой «рабочей» власти? Мы находим его в далекой сибирской глуши, на севере нынешнего Кузбасса, в небольшой деревушке Азановке, что в Ижморском районе. Еще в начале 20-х годов Ян Тедер, превратившийся в Ивана Юрьевича Тедера, восстановил вместе с Иннокентием Ивановым старую сельскую мельницу, за что очень скоро и поплатился. В 1927 году его лишают избирательных прав, как совладельца мельницы. Собственно, с этого и начинаются все коллизии «дела Тедера», все его почти двухлетние мытарства, отраженные в документах советского периода.

Самые первые документы относятся к концу 1928 года. Вот перед нами выписка из протокола № 16 заседания Ижморской районной налоговой комиссии от 19 ноября 1928 года. Рассмотрев «результаты обследований уполномоченных по довыявлению кулацких хозяйств на предмет привлечения в индивидуальном порядке к обложению ЕСХН на 1928/29 год», комиссия постановила Тедера И. Ю. «привлечь к индивидуальному обложению, увеличив доход на 150 рублей, налог увеличивается на 41 руб. 28 коп.» Мотивировка при этом вполне стандарт-

ная: «Имеет половину водяной мукомольной мельницы и куколеотборник, живет за счет эксплуатации мельницы». Разумеется, «индивидуальное обложение», свалившееся на голову Тедера в 1928 году, следовало рассматривать как естественный результат лишения права голоса в предыдущем году. Так Я. Тедер, сам формально не являясь крестьянином, вступил на обычный по тем временам крестный путь многих сотен тысяч ограбленных русских крестьян.

Я. Тедер начинает добиваться справедливости и шлет прошения по инстанциям. Первое свое заявление Тедер пишет Азановской сельской избирательной комиссии.

ЗАЯВЛЕНИЕ

...Я и моя жена лишены гражданских избирательных прав в январе месяце 1927 года, (так) как имею участие в половинной доходности от незначительной, ветхой, необорудованной мельницы, с которой я с семьей еле существую, т. к. я безземельный, не имею своего клочка земли. Мы происходим из рабочих Ленинградского Балтийского механического и судостроительного завода, где работали 7 лет, а в 1918 году оттуда я выехал по эвакуации завода.

[Я] неоднократно обращался в Азановское земельное общество о принятии меня в земельное общество, таковое отказало за неимением излишков земли, а также [обращался] в ОкрЗУ о наделении земли, от... которого я не получил никакого ответа.

И безземельному рабочему тоже надо кое-как существовать по этому [своему] незначительному предприятию и домашнему хозяйству, [так] как имею одну корову и жеребенка. Я никаким наемным трудом не пользовался и не пользуюсь, т. к. я [с] женой легко управляюсь с работой. В своем имуществе мне вовсе нет надобности держать наемный труд. На основании изложенного я считаю лишение меня указанных прав неправильным, а потому прошу восстановить меня в правах.

29 ноября 1928 г.

Проситель Иван Юрьевич Тедер».

Из текста заявления можно понять, что Тедер привез свою жену из Питера. Ничего более определенного сказать по этому поводу нельзя. Семья Тедеров в Сибири состояла из трех человек. Очевидно, у них был ребенок. Во всяком случае, в стандартной «Карточке лишенного избирательных прав», заведенной на Тедера 6 декабря 1928 года, значится общее количество едоков —3, из них в возрасте с 18 лет —2. Кстати сказать, эта карточка, подписанная председателем сельсовета П. И. Швайбовичем, секретарем сельсовета Курганом и секретарем райисполкома [подпись неразборчива], содержит и некоторые любопытные сведения о хозяйстве Тедера. У Тедеров имелось, если верить официальным данным, 0,1 десятины посева, 7 голов скота, один триер и водяная мельница. Производился наем сезонных рабочих, общее количество дней найма в году достигало 28. Общая сумма доходности хозяйства (по налоговым данным) составляла 624 рубля. В глазах властей это было вполне достаточным основанием для применения репрессий. Дважды, в ноябре и декабре 1928 года, собиралась Азановская сельская избирательная комиссия под председательством все того же Швайбовича, обсуждала и прошение Тедера и оба раза выносила стандартное отрицательное заключение. Тедеру было отказано в восстановлении в правах, поскольку-де он «живет на нетрудовой доход с мельницы».

Еще более идиотское [иначе не на-

зовешь] решение приняла Ижморская районная избирательная комиссия, рассматривавшая заявление Тедера в январе 1929 года: «Отказать, т. к. Тедер имеет водяную мельницу и куколеотборник, от которых на нетрудовой доход исключительно живет, почти не занимаясь сельским хозяйством, т. е. эксплуататорские элементы имеются налицо». Одни формулировки чего стоят! Оригинально толковали тогда понятие: «нетрудовой доход». Через полторы недели Тедеры уже знали о постановлении районной комиссии.

Весной и летом 1929 года тучи продолжали сгущаться над Яном Тедером. За неуплату непосильного налога он привлекался к судебной ответственности. Осенью того же года Тедер решил избавиться от злополучной мельницы и согласился на безвозмездную передачу ее местным властям. Он искренне надеялся, что теперь-то ему вернут все его законные права.

И Тедер пишет второе заявление в Ижморский районный исполнительный комитет:

«В прошлые избирательные кампании в Советы я лишался избирательных прав, как владелец водяной мельницы.

Придя к тому убеждению, что я гораздо принесу больше пользы Советской стране путем участия своим личным трудом, я от этой мельницы отказался, передав ее в бесплатное пользование Азановскому ККОВ, а сам в данное время работаю механиком на мельнице Почитанского кустового объединения «Верный путь».

Из прилагаемых 15 документов видно, что я имею солидную специальность и большой практический опыт, которые желаю использовать в деле индустриализации страны и реконструкции сельского хозяйства. Поэтому, порвав раз и навсегда с эксплуатацией рабочей силы, в каком бы виде она ни проявлялась, прошу райисполком восстановить меня в избирательных правах.

3 декабря 1929 г. И. Тедер».

Только через два с лишним месяца райисполком вспомнил о Тедере и в духе традиций советской бюрократии вернул [!] его заявление обратно в Азановку, на рассмотрение сельсовета. Ситуация еще более усугубилась после решения Тедера продать свой скот. Решение вполне естественное, если учесть, что он хотел как можно скорее покончить с «эксплуататорским» прошлым, да и недобрые предчувствия терзали душу. Теперь он рассчитывал лишь на свои рабочие руки. Заработок механика машинного отделения, очевидно, еще позволял сводить концы с концами. Но похоже, что продажа скота была расценена теми, кто зарился на чужое имущество, как покушение на потенциальную государственную собственность. И в марте 1930 года Ян Тедер был вновь привлечен к судебной ответственности, на этот раз по ст. 16—79 ч. II УК. Чем кончился этот суд, скорый и неправый? Да тем же, чем и сотни тысяч других аналогичных расправ периода коллективизации. В составленной 14 марта 1930 года новой карточке на «лишенца» Тедера находим короткую, но исчерпывающую информацию: «Имущество конфисковано». Между прочим, размер посева семьи Тедеров в этом документе определяется в 0,75 десятины, скот не указан, общая сумма доходности хозяйства [по налоговым данным] оценивается в 545 рублей, годовое количество дней найма сезонных рабочих составляет 5, а сумма уплачиваемого налога по индивидуальному обложению в 1928 и 1929 годах показана в размере 154 рубля. В довершение всех бед Ижморская районная избирательная комиссия в начале мая 1930 года вторично отклонила

прошение Тедера. Причем формулировка выглядела следующим образом: «Отказать как имеющему [с] мельницы доход 545 рублей. Доход от с/х 81 рубль 88 копеек при трех едоках. Сам осужден по 79 ст. УК».

Отчаявшийся и разоренный, Ян Тедер вновь и вновь берется за перо. Теперь он пишет в Томск, в окружные органы. [Напомним, что северные районы Кузбасса относились тогда к Томскому округу]. Вот третье [и последнее] прошение Тедера, сохранившееся в его личном деле и оформленное в виде жалобы. Вчитаемся в эти горькие строки:

«Я, Тедер Иван Юрьевич, был лишен избирательных прав как мельник [эксплуатация]. В сентябре 1929 года эту мельницу [половина, а вторая половина принадлежала нашему совладельцу Иванову] передали в бесплатное пользование комитету взаимопомощи, а я работал на мукомольной мельнице в коммуне «Красный путиловец» механиком до марта 1930 года [тогда меня судили по ст. 16—79 ч. II УК за расхищение якобы скота]. Мной было подано заявление в Ижморский райисполком, в котором мы просили восстановить в избирательных правах по тем основаниям:

1. Я в прошлом рабочий Балтийского судостроительного завода, имеющий квалификацию слесаря I разряда.

2. Переехал в Сибирь в 1918 году ввиду эвакуации завода и т. к. хозяйство страны переживало разруху, был недостаток продовольствия. И не зная, куда приспособить свое знание, купили с компаньонами в полуразвалившемся виде мельницу, которая моими силами в течение трех лет была приведена в порядок и с 1921 года пущена в ход.

Отремонтировав эту мельницу, мы не применяли наемный труд, а наоборот, сами поденно работали у крестьян в страдное время, зарабатывая хлеб.

Райисполком, рассмотрев наше ходатайство, в просьбе отказал.

Мне кажется, что РИК к рассмотрению данного дела подошел формально. Он не учел прошлое — [я] рабочий, слесарь, который в данное время... мог бы все свои силы отдать на индустриализацию страны, что мельницу я имел не с целью эксплуататорских тенденций, а лишь для своего существования, что в реакцию Колчака я не раз подвергался поркам, что в силу изложенного нас нельзя считать врагами того класса, к которому я и семья принадлежали.

На основании изложенного прошу постановление РИКа отменить и нас в избирательных правах восстановить.
12 мая 1930 г. И. Тедер».

Нетрудно заметить, что у бывшего питерского рабочего Яна Тедера сохранялись весьма определенные иллюзии в отношении страны, где он жил, и особенно в отношении ее правителей. Он еще на что-то надеялся, как надеется человек, пока живет. Однако надежды с каждым днем убывали, а иллюзии рассеивались. В середине июня 1930 года пришел официальный ответ из Томска. Томская окружная избирательная комиссия, рассмотрев на своем заседании жалобу Тедера, постановила в восстановлении прав отказать и пр. и пр. Мотивировка носила трафаретный характер. Это был последний, роковой удар, переполнивший чашу. Рухнуло все. Казалось, что Тедер потерял и веру, и силы. Он уже не знал, что предпринять, и на все махнул рукой. В этот тяжелый момент жена Тедера, Лидия Мартыновна, сделала последнюю попытку что-либо изменить. Дело в том, что оставалась еще одна, самая высокая в Западной Сибири инстанция, куда они не обращались — Сибкрайисполком. И вот

эта энергичная и, как мы убедимся, вполне грамотная женщина пишет прошение следующего содержания:

«В Сибирский краевой
исполнительный комитет
(комиссия по восстановлению
в избирательных правах)

[от] Тедер Лидии Мартыновны,
живущей в деревне Азановке
Ижморского района Томского округа

ЖАЛОБА

Мною было возбуждено ходатайство о восстановлении меня в избирательных правах. В моем ходатайстве как районная, а затем [и] Томская окружная комиссии — отказали.

Постановление этих комиссий и лишение меня и моего мужа избирательных прав я считаю неправильным и подход к этому «лишению» чисто формальным, а именно:

1. Мой муж, Тедер Иван Юрьевич, по происхождению — рабочий: с 1912 года по 1918 год работал на различных заводах в городе Ленинграде. [Документы об этом к моим ходатайствам были приложены]. В последнее время до выезда в Сибирь муж работал слесарем в Балтийском судостроительном заводе, и по эвакуации последнего в 1918 году [мы] вынуждены были переехать в Сибирь, а в силу отсутствия в месте нашего поселения промышленных предприятий мы для существования нашего купили половину развалившейся мельницы в деревне Азановке, которую своим трудом в течение трех лет ремонтировали и затем пустили в ход.

2. Во время работы на мельнице мы никогда не прибегали к найму рабочей силы, за исключением лишь тех случаев, когда во время весеннего половодья нужно было запруживать плотину, для чего единовременно требовалось 20—30 человек рабочих. [Эта работа продолжалась не более одного дня].

При этих условиях наша мельница давала нам доход не более 300—400 рублей в год и поэтому не могла служить нам [с] целью наживы, а лишь давала нам средства к сносному существованию.

3. Осенью 1929 года мы свою половину подарили местному ККОВ, а муж перешел на работу механиком на мельницу коммуны «Красный путиловец», где и работал до марта 1930 года.

Таким образом, для лишения нас избирательных прав имелись не фактические, а лишь формальные признаки. Поэтому я прошу принять изложенное во внимание, дать возможность мужу моему использовать свои знания как квалифицированного рабочего на индустриализацию страны, [а для этого], отменив обжалуемые постановления, восстановить нас в избирательных правах.

О результате поставить меня в известность.

17 июня 1930 г. Лидия Тедер»

Ах, Лидия Мартыновна, Лидия Мартыновна... Возмущенные слова ее, вполне разумные доводы потонули в общем многоголосом хоре крестьянских стенаний о помощи. И последнее прошение Тедеров навеки затерялось где-то в коридорах власти «народного» государства. Не дождавшись ответа и не питая уже иллюзий, они поступили как сотни тысяч других «лишенцев». Тихо и незаметно собрали Тедеры нехитрые свои пожитки и в один прекрасный день выехали в неизвестном направлении. Сделано это было быстро и неожиданно для местных властей, так что никто ничего не успел предпринять. Исчезновение Тедеров произошло, скорее всего, в августе или сентябре 1930 года. И только в середине октября в Азановский сельсовет

пришло извещение о результатах рассмотрения их дела в Сибирской краевой комиссии. Как нетрудно догадаться, приговор был один: отказать.

Вот и все, что нам известно о жизненном пути «мастерового Отдела подводного плавания» Яна Тедера. В жизни его четко прослеживаются два периода: когда он был Человеком при деле, при большом настоящем деле, и когда оказался недочеловеком, «лишенцем», вынужденным бороться за кусок хлеба, чтобы просто не помереть с голоду.

P.S. Совсем недавно я узнал, что семья Тедеров нашла прибежище в Якутии, что их сын Леонид стал заслуженным металлургом республики, автором многих книг. Умер Ян Юрьевич в декабре 1969 года.

Р. Круссер

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КРУССЕР — МОЙ ОТЕЦ

После окончания гражданской войны в общественной и культурной жизни Сибири происходят крупные изменения. В науке, искусстве, литературе появляются новые имена, идет формирование новой советской интеллигенции. В сложном и противоречивом процессе ее становления особенная роль принадлежала тем, кто искренне верил в возможность создания нового справедливого общества и всеми силами, часто с оружием в руках, боролся за его победу.

Одним из видных участников этой борьбы и культурной жизни Сибири 20—начала 30-х годов был Георгий Владимирович Круссер.

Г. В. Круссер родился 8(21) декабря 1893 года в Омске в семье мелкого чиновника.

По своим традициям и взглядам семья была близка к демократической интеллигенции того времени. Сейчас, после всего пережитого, трудно восстановить историю прошедших поколений. Но некоторые письма, документы и другие свидетельства прошлого все-таки дошли до наших дней.

Так, поистине чудом, сохранился аттестат, выданный в 1864 году Академией Художеств Александру Петровичу Круссеру — деду Георгия Владимировича по отцовской линии. Занимаясь архитектурой и живописью, Александр Петрович интересовался и историей Сибири, сотрудничал в Западно-Сибирском отделении Русского Географического общества. В 1884 году им был опубликован реферат, посвященный анализу одного из рукописных источников по истории Сибири[1].

Незаурядной личностью был дед Георгия Владимировича по материнской линии — Георгий Васильевич Кремянский. Окончив в 1859 году историко-филологический факультет Киевского университета, он отказался от ученой карьеры и в начале 60-х годов уехал в Сибирь, где более 30 лет преподавал словесность в учебных заведениях Томска и Омска. «На этом поприще,— писала омская газета в 1911 году, отмечая десятилетие со дня смерти Георгия Васильевича,— он завоевал себе симпатии и как идеальный педагог

[1] Круссер А. П. Записная книга о Сибири, переписанная с рукописной, находящейся с давнего времени в Тобольской архиерейской ризнице. Реферат. Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества. Т. XV.— Омск, 1884.

и как человек в широком и лучшем значении этого слова. В душе Георгия Васильевича находили отклики все глубокие вопросы. Обладая громадной эрудицией, он мог с интересом вести философские, литературные и религиозные споры... Его личность всегда тесно была связана с юношами, желающими слушать слова одобрения и надежды, чтобы безбоязненно смотреть вперед».

Кроме Георгия Владимировича в семье были еще две его младшие сестры. Одна из них, Зоя Владимировна Круссер, после окончания медицинского института стала одним из первых детских врачей Кемерова.

Семья рано осталась без отца, и воспитанием детей занималась мать— Антонина Георгиевна. Не имея специального образования, Антонина Георгиевна тем не менее была женщиной высококультурной. Она интересовалась вопросами воспитания, философии, литературы и умела создать соответствующую обстановку в своей семье. Глубокое уважение и любовь к матери Г. В. Круссер сохранял всю жизнь. Я живо помню небольшие открытки, начинающиеся словами «Дорогая мамочка», которые изредка доходили к нам из лагерей «Воркутауголь», где отбывал заключение Георгий Владимирович. Адресованные моей бабушке, они были той ниточкой, которая долгие годы связывала отца с его родными и близкими.

В 1913 году Г. В. Круссер окончил Омскую мужскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета, где проучился три года. Для студента, приехавшего в Москву из далекой Сибири, эти годы имели большое значение.

Старейший университет России продолжал оставаться крупнейшим научным и культурным центром страны. На юридическом факультете здесь читали лекции А. А. Мануйлов, А. А. Кизеветтер, С. А. Котляровский и другие видные ученые тех лет.

Но не только наука привлекала молодежь в аудитории университета. Значительная часть студентов и в годы войны продолжала жить общественными интересами. В острых дискуссиях здесь отстаивали свои взгляды эсеры и социал-демократы, кадеты и октябристы. Горячо обсуждались вопросы войны и мира, революции и будущего устройства России. В октябре 1914 года в университете распространялась листовка, выпущенная «Группой социалистически настроенной молодежи». Утверждая идеи демократии, листовка протестовала против шовинистических лозунгов начала войны[1]. На протяжении всех лет войны в университете действовала тайная большевистская группа под руководством профессора П. К. Штернберга.

Вся эта обстановка не могла не сказаться на формировании характера Г. В. Круссера, его убеждений и отношения к действительности.

Немалую роль сыграла Москва и в личной жизни Георгия Владимировича. Здесь он познакомился со своей будущей женой — Евгенией Иосифовной (урожденной Соколовской), приехавшей в Москву после окончания Томской женской гимназии. Вспоминая впоследствии об этом времени, она записывала: «В 1914 году я уехала в Москву и поступила на Высшие женские курсы Герье на историко-философический факультет. В то время существовали землячества у студентов. Сибиряки из Томска, Омска, Иркутска — их было немного — собирались в комнате одного из них, часто у Георгия Владимировича. Он приносил литературу, листовки, читали их, обсуждали, лепили пельмени, пели, танцевали... Георгий Владимирович был

[1] История Московского университета. Т. 1.— М., 1955. С. 548—549, 553.

в Москве второй год, настоящий москвич — студент юридического факультета Московского университета.

Так я встретилась в землячестве со своим будущим мужем.

В Москве не чувствовалось начала войны с Германией — ходили в театры, слушали Шаляпина...»

Но окончить курс в Москве не удалось. Война продолжалась, жить становилось все труднее и в 1915 году Г. В. Круссер подал прошение о переводе его на юридический факультет Томского университета. Вскоре уехала в Томск и Евгения Иосифовна.

Томск в это время был не только единственным университетским городом Сибири (в 1915 году здесь был открыт второй вуз Сибири — Томский политехнический институт), но и одним из важнейших общественно-политических центров страны к востоку от Урала. Город имел старые революционные традиции. Судьба многих политических ссыльных, начиная от декабристов и кончая социал-демократами, была в той или иной степени связана с Томском.

В 1915—1917 годах в общественной жизни Томска участвовали люди самых различных политических убеждений, представлявшие практически все основные партии России.

Крупную роль в дальнейших событиях в Западной Сибири сыграли солдаты и офицеры Томского гарнизона, находившиеся под влиянием «Военно-социалистического союза». Организованный Н. Н. Яковлевым и В. М. Косаревым в конце 1916 года, «Союз» создавался на широкой демократической основе. В него вошли все, кто готов был вести борьбу против войны и самодержавия, в том числе и та часть меньшевиков и эсеров, которая стояла на антивоенных позициях[1].

В обстановке общественного возбуждения прошли последние годы учебы Г. В. Круссера. Он участвовал в нелегальных студенческих кружках, сблизился с партией левых эсеров-интернационалистов, вошел в редакцию журнала «Сибирский студент».

В июне 1917 года Г. В. Круссер с отличием окончил юридический факультет и был оставлен при кафедре политэкономии для подготовки к научной деятельности. Но обстановка в стране становилась все более сложной, и он возвратился в Омск, где его ждали мать и младшие сестры, оставшиеся фактически без средств существования.

Известие об Октябрьском восстании было получено в Омске уже на следующий день. Георгий Владимирович с удовлетворением встретил принятые Вторым съездом Советов декреты о земле и мире и считал своим долгом бороться за их осуществление. Он вступает в ряды омских красногвардейцев, а с начала 1918 года начинает работать следователем Омского ревтрибунала, председателем которого был большевик А. А. Звездов, один из делегатов Второго съезда Советов. В это же время (с марта 1918 года, согласно документам партийного архива Новосибирского обкома КПСС) Г. В. Круссер становится членом Коммунистической партии.

Но период относительно мирного становления Советской власти в Сибири оказался непродолжительным. С мая 1918 года начался мятеж чехословацкого корпуса, поддержанный всеми антисоветскими силами Сибири. Под ударами сил контрреволюции пали Мариинск, Томск, Новониколаевск... Под угрозой окружения оказался Омск. Большевики Западной Сибири решили принять все меры для обороны Омска и организации здесь отпора мятежникам.

На Омск чехословаки наступали и с запада, и с востока... Особенно ожe-

[1] История Сибири. Т. III.—Л., 1968. С. 452.

сточенные бои развернулись под Марьяновкой, к западу от Омска, где красногвардейскими отрядами руководили А. А. Звездов, А. Григорьев и А. Диановы[1]. В одном из этих отрядов сражался и Г. В. Круссер.

Бои под Марьяновкой продолжались несколько суток. Обе стороны несли большие потери, но отстоять город не удалось. Седьмого июня в Омск вошли части чехословацкого корпуса. Начались репрессии. Г. В. Круссер был арестован и заключен в тюрьму. После освобождения он жил некоторое время в Томске, затем в Ачинске, где поддерживал связь с партизанским отрядом П. Е. Щетинкина.

В июне 1919 года, после освобождения Ачинска от колчаковцев, Г. В. Круссер был назначен председателем уголовно-следственной комиссии Ачинского ревкома, а с марта 1920 года— заведующим карательным отделом Сибирского отделения юстиции, где принимал участие в подготовке материалов к суду над колчаковским правительством.

В это же время Г. В. Круссеру пришлось возглавить комиссию, которая вела работу по отделению церкви от государства. Помимо советских работников в комиссию вошло несколько священников и омский архиерей. «Георгий Владимирович,— вспоминала в своих записках его жена,— рассказывал мне об архиерее. Его фамилия была Ухтомский, он был бывший князь, человек интеллигентный и культурный.

Участники комиссии умели находить общий язык, несмотря на всю сложность и деликатность своей работы. И вот однажды архиерей решил нанести председателю комиссии что-то вроде официального визита. «Как-то раз,— пишет Евгения Иосифовна,— обедаем мы у себя дома — на столе картошка в кожуре — и видим в окно, как подъезжает к воротам черная закрытая карета с парой лошадей. Выходит из кареты монах в длинной черной рясе, на голове белая митра с крестом и вуалью на белой материи и идет к нашему крыльцу. Мы были в затруднении, как встретить его? Архиерею ведь целуют руку и он благословляет людей. Но он вошел просто, поздоровался обычно, назвав Георгия Владимировича по имени, отчеству. И Георгий Владимирович тоже назвал его по имени, отчеству. Предложили ему картошку. Он взял ее холеной рукой и говорит: «Давно не ел я такой вкусной картошки»—засмеялись, и скованность прошла».

Не менее оригинальной была и та обстановка, в которой происходила эта сцена. «Стол был кухонный, покрыт газетой, даже клеенки не было,— вспоминает Евгения Иосифовна.— На столе глиняная тарелка с картошкой, соль на газете, чайник с кипятком.

В комнате две табуретки, убогая железная кровать, покрытая солдатским сукном, взятым по ордеру, много книг, которые лежали на полу у стены.

Архиерей вскоре уехал в Москву, и монах (служитель) принес нам прощальное письмо, где Ухтомский благодарил Георгия Владимировича за помощь.

Запомнилась мне эта черная фигура возле дома на белом снегу с митрой на голове и посохом».

После окончания гражданской войны Г. В. Круссер работал в различных областях советского и хозяйственного строительства сначала в Омске, а с 1927 года в Новосибирске. Работников с высшим образованием, преданных Советской власти, в Сибири было немного, и Г. В. Круссера использовали прежде всего там, где требовались люди высокой культуры и

[1] История Сибири. Т. IV— Л., 1968. С. 93.

больших знаний. Заведующий Губернским отделом по делам национальностей, заведующий биржевым комитетом, председатель товарной биржи и товарищ управляющего отделением Госбанка, заместитель председателя Сибкрайиздата, заместитель директора Планового института, а затем зам. директора Краевого института промышленных и экономических исследований — таков далеко не полный перечень мест его работы в 1920—1933 годах.

В эти же годы Г. В. Круссер становится одним из важнейших участников культурной жизни Сибири. Вместе с В. Д. Вегманом, А. А. Ансоном, П. Л. Дравертом и некоторыми другими представителями сибирской интеллигенции он стремился использовать достижения науки и культуры того времени в строительстве новой Сибири, развитии ее культурного и хозяйственного потенциала.

В 1921 году Г. В. Круссер был избран профессором кафедры политэкономии Омского земельного института, в дальнейшем был профессором медицинского института и ряда других вузов Омска и Новосибирска.

Совершенно очевидно, что в своих лекционных курсах Г. В. Круссеру приходилось обращаться и к конкретным экономическим проблемам того времени, особенностям и характеру развития страны. В начале 30-х годов он даже заведовал кафедрой советского хозяйства и планирования в Новосибирском плановом институте. Однако доминирующего значения в его исследовательской работе эти проблемы не получили. Может быть, он считал, что для глубокого анализа их еще не наступило время. Но скорее всего он понимал несвоевременность такого анализа в условиях свертывания нэпа и перехода центра к командно-административным методам руководства. Обладая значительным опытом в области теории и практики народного хозяйства, Г. В. Круссер не мог не видеть негативных последствий подобной политики и относился к ней отрицательно.

В этих условиях научные интересы Г. В. Круссера оказались сосредоточенными на изучении областнического движения и гражданской войны в Сибири.

Надо сказать, что к истории областнического движения Г. В. Круссер обратился несколько неожиданно для него самого, при весьма любопытных обстоятельствах, которые сами по себе, может быть, лучше всего характеризуют обстановку того времени.

Рассказывая об этом в послесловии к работе Г. В. Круссера, автор послесловия — В. Семенов описывает неожиданный визит к нему в кабинет в январе 1923 года заведующего Западно-Сибирским краевым музеем Ф. В. Мелехина, приехавшего в Омск по своим делам. «В руках его,— пишет В. Семенов,— была солидная пачка дел архивного типа. Мелехин сказал, что он был в Губпросвете, куда при нем один учитель принес эти дела с базара, где нашел их у какого-то торговца, выменяв на равное по весу количество оберточной бумаги».

Так были обнаружены документы следственной комиссии по делу «сибирских сепаратистов», которые легли в основу первых исследований Г. В. Круссера. Сам он писал об этом в начале своей работы: «Публикуемые документы случайно найдены и случайно попали ко мне. Имея в своем распоряжении немного свободного времени, я снял копии с наиболее для меня интересных протоколов следственной комиссии. В настоящее время я не знаю, где находятся эти документы, важно одно — они не разрабатываются и широкая читающая публика их не знает. Между тем по существу дела, то, что долго скрывалось за жан-

дармскими замками, о чем умалчивали сами сепаратисты,— теперь может быть достоянием каждого изучающего историческую жизнь Сибири»[1].

Сложное и, на начальном этапе своего развития, противоречивое движение, стремившееся к ускорению экономического и культурного развития Сибири, областничество до Октябрьской революции рассматривалось в основном лишь публицистами. Г. В. Круссер первым привлек к разработке этой проблемы значительный круг архивных источников, положив тем самым начало новому этапу в ее изучении[2].

В советскую историографию Г. В. Круссер вошел и как один из первых историков Октябрьской революции и гражданской войны, заложивших основы изучения этой темы[3]. К десятилетию Октябрьской революции им был подготовлен очерк «Колчаковщина» (Новосибирск, 1927), посвященный истории одной из самых драматичных страниц гражданской войны в Сибири.

С середины 20-х годов, когда возникла необходимость создания справочного пособия по вопросам сибиреведения, Г. В. Круссер вел активную работу по подготовке к изданию Сибирской советской энциклопедии, являясь одним из членов ее редакции.

Наряду со всей этой многосторонней деятельностью важное место в жизни Г. В. Круссера продолжала занимать журналистика. Наверно, именно поэтому его характеристика в Сибирской советской энциклопедии начиналась словами: «Журналист и научно-общественный деятель»[4].

Сотрудничая в тех или иных сибирских изданиях, Г. В. Круссер нередко входил и в состав их редакторских коллективов. В 1922—1923 годах он являлся редактором журнала «Сибирская природа», а затем в течение года редактировал «Известия Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества».

Но журналом особенно ему близким стал «Сибирские огни». В наиболее трудные годы становления «Сибирских огней» Г. В. Круссер не только входил в состав редакции журнала, но и по мере своих возможностей воздействовал на его направление. Он резко возражал против стремления некоторых руководителей пролеткульта подчинить сибирскую литературу своему влиянию. В острой полемике, вспыхнувшей на этой почве с одним из лидеров пролеткульта — А. Курсом, Г. В. Круссер выступил против левацких призывов А. Курса к уничтожению классической русской литературы. «Статья Курса — это полное идейное разоружение пролетариата, механическое по-

---

[1] Круссер Г. В. Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г. // Известия Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества. Т. IV; Вып. 1.— Омск, 1924. С. 83.

Разумеется, все это не значит, что до 1923 г. Г. В. Круссер не интересовался областническим движением. Интерес к областничеству мог зародиться у него еще в годы студенчества или гражданской войны, а также при подготовке материалов к суду над колчаковским правительством, в которое, как известно, входили и представители позднего областничества. Следует отметить, однако, что этот интерес, если и был, не носил исследовательского характера и, в силу обстоятельств, был связан прежде всего с поздним областничеством, а не с его начальным этапом.

[2] Сибирскому областничеству Г. В. Круссер посвятил две работы. Первая вышла в свет в середине 20-х годов под названием «Сибирское областничество по данным следственной комиссии 1865 г.» // Известия Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества. Т. IV; Вып. 1.— Омск, 1924; Т. V.— Омск, 1925—1926. Вторая работа под названием «Сибирские областники» была издана в Новосибирске в 1931 г.

[3] Первые историки Октябрьской революции и гражданской войны: Библиографический указатель.— Новосибирск: Наука, 1988.—С. 55—56.

[4] Сибирская советская энциклопедия. Т. II.— Новосибирск, 1931. СТБ. 1057.

нимание нашей действительности, борьба не за культуру, а за бескультурье»,— писал Г. В. Круссер, отстаивая реалистические традиции русской культуры[1].

В декабре 1933 года Г. В. Круссеру исполнилось 40 лет. Он увлеченно работал в различных областях хозяйства и культуры, успешно сочетая обязанности профессора и практика, исследователя и публициста. Можно сказать, что он находился в расцвете сил — слова, которые обычно говорят о человеке, переступающем какую-то черту своей жизни, подводя итоги его деятельности. Для Г. В. Круссера такой чертой стал январь 1934 года.

«В январе 1934 года,— записывала в своих воспоминаниях жена Г. В. Круссера,— возвращаясь с прогулки со Славой,[2]— я застала у крыльца нашей квартиры незнакомую машину, а в квартире незнакомых людей и Георгия Владимировича. Стояли у стеллажа с книгами. «Обыск» — объявил Георгий Владимирович».

Сразу же после ареста Г. В. Круссер был отправлен в Новосибирск. Вскоре туда же выехала его жена вместе с сыном. После долгих хлопот ей удалось получить разрешение на свидание с мужем. Свидание проходило в кабинете следователя. «Георгий Владимирович изменился неузнаваемо,— писала, вспоминая об этом свидании уже много лет спустя, его жена,— постарел, похудел, поседел. Говорить было трудно. Он сказал: «Я ни в чем не виноват. Береги Славу». Стали прощаться, он поцеловал меня и я чувствую, что он толкает мне в рот какой-то комочек. Не чувствуя ног шла по бесконечному коридору, держа за руку Славу. Наконец отошли подальше, я вынула комочек бумаги, развернула. До сих пор эти слова, написанные там, стоят у меня в глазах: «Принеси мне яд!» — и с восклицательным знаком. Но я не решилась это сделать».

После окончания следствия, осенью 1934 года, Г. В. Круссер был приговорен к трем годам лишения свободы и отправлен в Уральский политизолятор. «На вокзале,— вспоминала Евгения Иосифовна,— было разрешено свидание с Георгием Владимировичем, без охраны сидели с ним и Славой на скамеечке. У него состояние было бодрее, появилась надежда, что через три года он вернется... После его отъезда мы переехали в Кемерово».

Но надежды эти не оправдались. В начале 1937 года срок заключения был продлен на пять лет, и Г. В. Круссер переведен на север Коми АССР, в лагеря «Воркутауголь».

Страна переживала разгул террора, невиданного еще в истории. Поезда с заключенными шли на север один за другим. В одном из них, замедлившем ход около небольшой станции, вспоминал впоследствии отец о запомнившемся ему эпизоде во время этого пути, вдруг зазвучали слова популярной в то время песни «Широка страна моя родная... Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»,— пели сотни мужских голосов. Конвой молчал.

Прошло еще пять лет, но положение Г. В. Круссера не изменилось. В 1941 году вместе с группой товарищей он пытался добиться отправки на фронт, но получил отказ. С началом войны, по существу, прекратилась и та еле теплившаяся связь с семьей, которая как-то поддерживала его все эти годы.

Жена Георгия Владимировича делала все, что могла, чтобы обеспечить сносные условия жизни своему сыну. Она много работала, сначала в поликлинике Рудничного района, затем в тубдиспансере. Ей удалось сохранить

---

[1] Круссер Г. В. О новом проекте идеологического разоружения // Сибирские огни. 1928. № 4. С. 224.

[2] Сын Г. В. и Е. М. Круссер, которому было в то время семь лет.

сына, он учился, окончил школу. Но это была уже другая семья — семья репрессированного, «врага народа», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В конце 30—начале 40-х годов Е. И. Круссер вместе с С. А. Ипполитовой стала организатором противотуберкулезной помощи в Кемерове. В июне 1941 года Евгения Иосифовна была призвана в армию и работала в качестве военного врача в госпиталях Кемерова. После демобилизации она вернулась в Рудничный тубдиспансер, где долгое время работала главврачом.

В январе 1946 года начался тринадцатый год после ареста Г. В. Круссера и семья стала терять надежду на его возвращение. Поэтому телеграмма, полученная в мае 1946 года из Кирова, была для родных Георгия Владимировича совершенно неожиданной. «Снят с поезда. Стенокардия» — сообщал отец. Евгения Иосифовна выехала в Киров.

Георгий Владимирович был освобожден по болезни, «сактирован», по терминологии того времени, но доехать домой не смог.

Вспоминая о встрече с мужем в Кирове, Евгения Иосифовна писала: «Поезд пришел в Киров рано утром, трамваи еще не ходили, и я пошла пешком. Нашла больницу, где лежал Георгий Владимирович. Еще дежурила ночная медсестра. Она впустила меня в палату и показала жестом, где он лежит. Я подошла и не могу узнать его. Лежит старик, совсем седой, с белой бородой, а ему было 52 года, так слаб, что не поднимается с постели...»

Евгении Иосифовне удалось на носилках перевезти мужа в Кемерово и с большим трудом добиться здесь его прописки. Постепенно Георгий Владимирович стал вставать с постели, ходить по комнате и даже выходить на улицу. Но передвигался он с трудом. На улице ходил всегда с палочкой. О какой-либо работе по специальности для человека, осужденного по 58 статье, не могло быть речи.

Умер Георгий Владимирович в Кемерове 16 июля 1953 года.

Похоронены рядом с Георгием Владимировичем его мать и две сестры. Здесь же в 1989 году была похоронена и его жена — Евгения Иосифовна Круссер.

В октябре 1963 года дело, по которому был осужден Г. В. Круссер, с протестом зам. Генерального Прокурора СССР было направлено на рассмотрение Верховного суда РСФСР. В декабре того же года я получил определение Верховного суда РСФСР, которое извещало об отмене постановления Особого Совещания при коллегии ОГПУ в отношении Круссера Георгия Владимировича и его реабилитации «за отсутствием в его действиях состава преступления».

● Из истории Московско-Иркутского тракта, Красноярский этап.

● Политические ссыльные в Красноярской тюрьме

● Федоренко Михаил Павлович (1872—1937)

● Семейная фотография М. П. Федоренко. Надежда Михайловна — жена Михаила Павловича (сидит крайняя слева)

● Ян Тедер — питерский рабочий

● Инженер Ван дер Эсс — в молодости жил и работал в АИК «Кузбасс»

● М. П. Федоренко на фоне своих экспонатов. Снимок сделан на выставке в 1936 году

● Роберт Львович Гаус (1885—1937), создатель горно-геологического музея в Прокопьевске

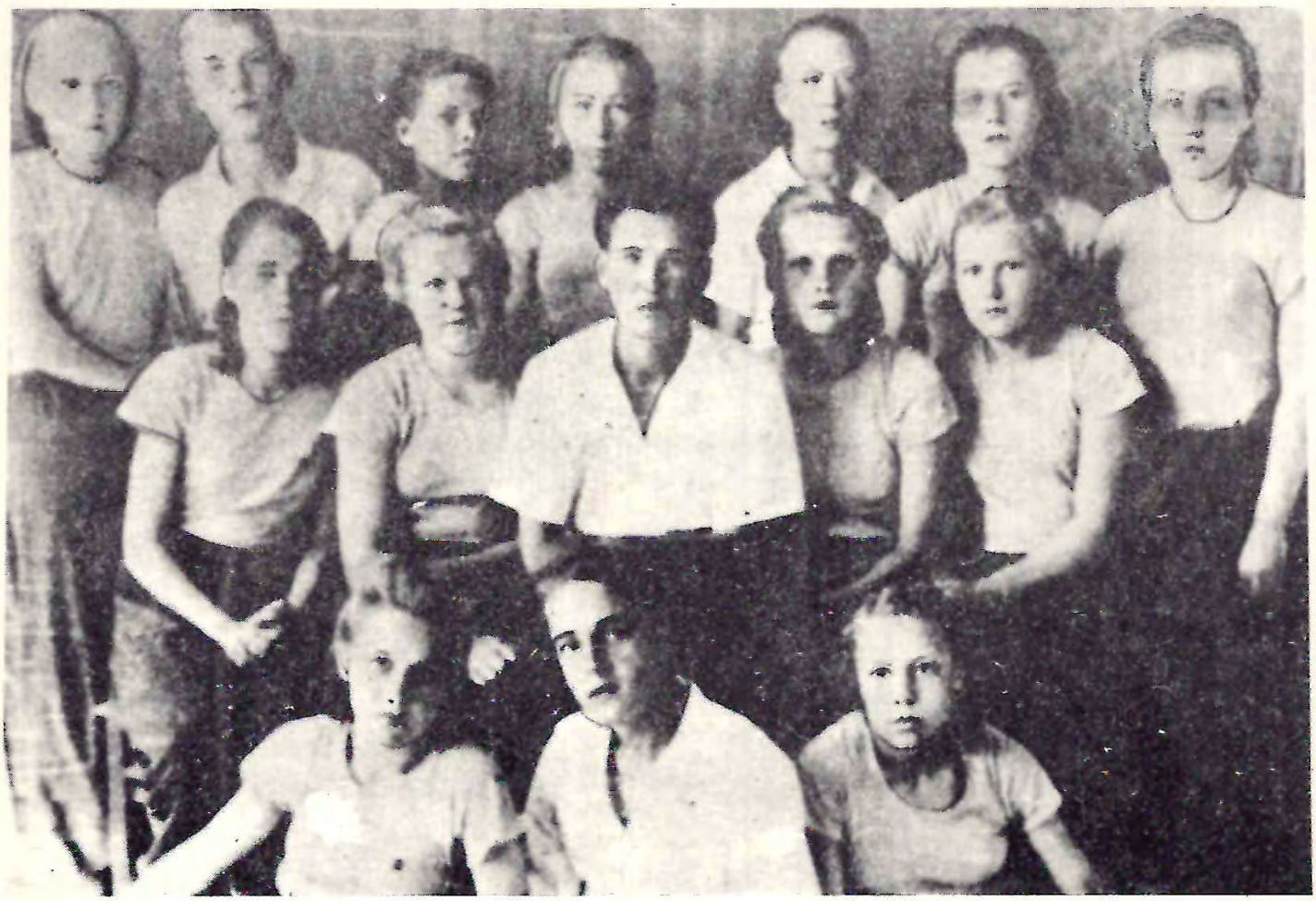

● Сестры Стрелковы — воспитанницы детского дома № 3 г. Прокопьевска. Фотография из фондов Кемеровского областного музея.

● На фото 1950 года дети войны, выросшие в детдоме № 3 г. Прокопьевска

● Фото 1938 года. Анжеро-Судженский аэроклуб. Начальник штаба Прядин (справа), Алексей Фламанович Косарев (в центре), Михаил Иванович Сащенко.

● Лето 1942 г. Экипаж Михаила Григорьевича Махнева

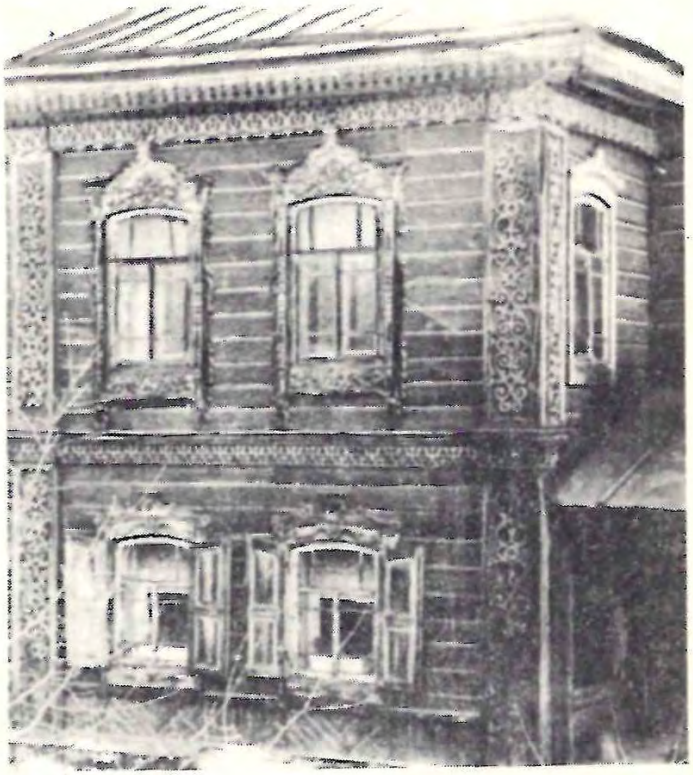

● Осень 1944 г. Заполярье. Офицеры и бойцы 69-й морской стрелковой бригады

● Ветераны 69-й бригады встречались в 1990 году на месте боев у реки Свирь

● Мариинск начала века. Цыганская улица и здание Управы

● Один из старых домов, сохранившихся до наших дней

● Мариинск. Базарная улица

● Надвратная церковь Кузнецкой крепости

● Кузнецк. Гравюра XVIII в.

Э. Алексеева

«ЭВАКУАЦИЯ, БЕЖЕНЦЫ» — СЛОВА ВОЕННОЙ ПОРЫ

С тревогой и болью всматриваюсь в лица детей, попавших в беду. Они глядят на меня с экрана телевизора, со страниц газет и журналов. Детские лица, в которых тоска и растерянность. «Эвакуация», «беженцы»... эти слова вошли в нашу современную жизнь. Но нельзя, чтобы они стали обыденными. Потому что они из времени Великой Отечественной.

...Перебираю письма в эвакуационный пункт города Кемерова, пытаюсь представить себе детей войны, которые их писали, и что они чувствовали, когда получали ответ с лаконичной пометкой: «в списках эвакосовета не значится». Таких писем гораздо больше, чем тех, которые несли с собой радость встречи.

В декабре 1941 года начальнику Кемеровского эвакопункта пришло письмо от Саши Потапенко из детского дома далекого Казахстана. Он просил помочь разыскать отца, шахтера из Сталинска, эвакуировавшегося с семьей в Кузбасс. Вот как описывает мальчик свою беду: «...У станции Целина Ростовской области из-за тесноты в вагоне, где ехала наша семья, я перебрался в другой — продуктовый. Когда поезд тронулся, я упал на полотно железной дороги, а эшелон ушел. Так я отстал от родителей. Доехал до города Красный Кут Саратовской области, откуда меня отправили в село Шендорф, в Казахский детский дом»[1]. На треугольнике письма почерком взрослого человека сделана пометка: «Отец, Потапенко Антон Иванович проживает в Кемерове по адресу: ул. Заречная, 12, кв. 2. Ему сообщено». Нет ни даты, ни подписи. Документов, по которым можно было бы проследить судьбу этих людей, тоже нет, но так хочется верить, что отец и сын встретились.

Повезло старшему лейтенанту Н. Ф. Копорикову из города Новомосковка, которому учетчик эвакобюро Кравцова помогла разыскать жену и двух детей. Сколько писем и телеграмм послал Николай Копориков, прежде чем из Кемерова получил долгожданный ответ: «Ул. Железнодорожная, 54»[2]. Жив ли старший лейтенант, как сложилась судьба его жены и детей?

Долгие годы собираю материалы о тех, кто был эвакуирован в Кузбасс в годы войны. В длинном списке нашла адрес супругов Семеновых из Ногинска. Они вместе с маленьким сыном Юрием поселились в Кемерове, в Базарном переулке, работали на эвакуированных предприятиях. Фотография жены Семенова, молодой работницы завода № 606, хранится в фондах нашего музея.

Для взрослых война была большой бедой, для детей трагедией, особенно для тех, кто видел ее своими глазами и ощутил на себе. По разным городам

---

[1] ПАКО, Ф.Р-338, оп. 1, д. 7, л. 50.
[2] ГАКО, Ф.Р-338, оп. 1, д. 7, л. 44.

Кузбасса разбросала судьба ребятишек из блокадного Ленинграда. Известно лишь, что их поселили в детские дома Прокопьевска, Крапивино, Ленинска-Кузнецкого. На обложке одного из дел обнаружила данные о ленинградцах, эвакуированных в Кемерово. Их разместили в Центральном районе города. Всего — 102 человека[1]. Может быть, кто-то из них положил в День Победы на витрину с ленинградским хлебом букет тюльпанов в 1985 году. Мне не удалось тогда поговорить с этими людьми. На вопрос: «Кто они?» — ответ был коротким: «Дети блокадного Ленинграда».

У хлеба блокадного Ленинграда есть своя история. В 1983 году ветеран Великой Отечественной войны А. М. Ермошкина принесла в музей кусочки хлеба. По ее просьбе лаборанты Кемеровского техникума пищевой промышленности выпекли его по специальному рецепту: 20 кг жмыха, четверть килограмма сметок и сушеной травы, 5 кг отрубей и 25 кг опилок. На вкус хлеб был горьким, малосъедобным.

Но даже такого хлеба не хватило детям. У младшего лейтенанта медицинской службы Анны Михайловны Ермошкиной дети умерли в блокаду. В память о них и о тех шестистах тысячах ленинградцев храним в музее блокадный хлеб.

По Дороге жизни на Ладоге вывозили детей из города на Неве. Эшелоны шли на восток, в том числе и в Кузбасс. О том, как сложилась судьба детей, эвакуированных из прифронтовой полосы, рассказывают документы, газеты, письма. Автор одной из газетных публикаций, Астапова Г. М.[2], помогла мне собрать интересные материалы по истории прокопьевского детского дома № 3. Среди них письмо Валентины Михайловны Стрелковой.

На основе этих материалов можно воссоздать картину далекого прошлого, как создавался и жил детский дом, кто там работал.

В июле 1943 года председатель горисполкома г. Прокопьевска П. П. Курмачев сообщил заведующей горздравотделом, что в ближайшие дни в Прокопьевск прибудет эшелон с эвакуированными детьми, среди них, возможно, будут раненые и больные. Чтобы не допустить эпидемии, решено было разместить детей за городом в специальных приемных пунктах. Их оборудовали в Керлегеше, Сафоново, Белом Камне, доме отдыха «Турист». Наконец эшелон прибыл, в нем приехало 250 детей. Десять из них прямо на платформе взяли в свои семьи жители города, остальных отправили в пригород. Прежде чем расселить, ребятишек осмотрела врач Л. П. Дурыманова. Она обнаружила больных паротитом и корью, скарлатиной и коклюшем, трахомой и чесоткой. Врачи и медсестры работали день и ночь — только противокоревых прививок сделали более четырехсот. Для больных чесоткой нужна была специальная баня, но строить ее было некогда. Тогда прямо на поляне ставили варить древесную золу и зольной водой мыли детей в тазиках. Лекарств не хватало, врачи готовили их сами, торопясь облегчить страдания детей. Ребятишкам становилось легче, и они рассказывали обо всем, что пришлось им пережить. До сих пор не изгладилось из памяти Л. П. Дурымановой впечатление от рассказа 12-летней Оли из Витебска, которой чудом удалось вырваться из еврейского гетто. На ее глазах умер маленький братик и погибла мать.

Самых слабых и больных детей ра-

---

[1] ГАКО, ф. Р-57, оп. 1, д. 22.

[2] Астапова Г. М. // Шахтерская правда. 1986. 9 мая.

зобрали в свои семьи врачи и учителя. Абрамова В. Н., заслуженный учитель РСФСР, взяла девочку Галю. На руках она принесла ребенка домой, где ее ждали трое своих сыновей, отпоила молоком. Горчакова Нина Константиновна усыновила мальчика Диму. Ошерова Бася Осиповна, директор детского дома, взяла в семью мальчика, заменила ему мать, сейчас он работает на заводе «Электромашина».

В детском доме делали все, чтобы спасти детей. Время было голодное, чтобы прокормить такую большую семью, О. Ошерова с помощью городских властей добилась выделения земли для подсобного хозяйства. Работали все, от нянечек до директора, помогали и старшие воспитанники. Тех, кто помладше, на лето вывозили в пионерские лагеря. Стараясь скрасить тяжелую жизнь, устраивали карнавалы, праздники, душой их была Н. С. Синицина. Для самых маленьких медсестра А. Г. Завьялова шила кукол и делала лодочки из коры — малыши радовались каждой новой игрушке.

В нашем музее хранятся фотографии сестер и брата Стрелковых тех лет. Они приехали в Прокопьевск из Новокашинского детприемника Калининской области с июльским эшелоном. Я попросила Валентину Михайловну Стрелкову рассказать о том, как сложилась ее жизнь после того, как она покинула детский дом. Вот что она написала: «Воспитываясь в детском доме, я закончила горный техникум. В числе первых в 1950 году меня выпустили в жизнь со средним специальным образованием. Большинство воспитанников закончили фабрично-заводские училища. По распределению я попала в «Дальстрой МВД». Все необходимое мне дали с собой из детского дома. До Находки ехали поездом, а потом пароходом пять суток до порта Ногаево. В отделе кадров «Дальстроя» мне дали направление в плановый отдел геологоразведочной экспедиции. Север — это суровый край. Много было лагерей, спецпереселенцев. Со мной часто беседовали работники политотдела, так сказать, знакомили с окружающей обстановкой. Коллектив меня принял тепло. Первое время жила в семье директора школы, потом дали комнату. Я забрала к себе сестру Зою из Прокопьевского детского дома, шестиклассницу. Первое время я очень скучала по детскому дому, особенно по Басе Осиповне Ошеровой, которая много сделала для нас, была родной и близкой. Думала, что отработаю три года и уеду. Но вышла замуж, родились дети. Прошло 37 лет с тех пор, как я приехала в Магаданскую область. Зоя закончила педагогическое училище и работает воспитательницей в детском саду поселка Олечуг. Ваня, мой брат, закончил училище и долгие годы работает в Прокопьевске. Этот город стал для него родным. В 1964 году мы ездили к брату. Ходили в детский дом, там был ремонт. На фоне многоэтажных построек наш домик совсем маленький. В этом же году встретились с родными, которых не видели с начала войны. В 1941 году растерялись и жили кто где. Дедушка помнил меня совсем маленькой, такой, какой в то время была моя дочка». В своем письме Валентина Михайловна передает слова благодарности нашим землякам, память сохранила все самое хорошее.

180 тысяч эвакуированных приняли и обогрели кузбассовцы[1].

Война стала проклятием и для представителей репрессированных народов, объявленных врагами своей Родины. Их детям пришлось испытать горечь отчуждения окружающих их сверстников, разделить судьбу своих родителей.

---

[1] Кузбасс. 1975. 7 мая.

Особенно тяжело приходилось немцам. В селах Тараданово и Каменка Крапивинского района и по сей день живут немцы, выселенные с Поволжья в далеком сорок первом году. Когда мы были в экспедиции (1991 г.) в селе Каменка, я собрала материалы о трагической судьбе семьи Унгефуг.

Федосья Даниловна по мужу Гергерт родилась в 1938 году в небольшой деревеньке Саратовской области в семье Унгефуг. Она была маленькой и помнит, что отец и мать с четырьмя детьми за несколько часов вынуждены были собрать все самое необходимое и покинуть село только потому, что они немцы по национальности. 5 сентября их погрузили на баржу и повезли по Волге. Потом были теплушки поездов. Дети плакали, просились домой. До Каменки добрались 22 сентября. Отец стал работать в лесхозе, как мобилизованный в трудармию. Мы целыми днями были одни. Соседям, под присмотр которых нас оставляла мать, хватало дел и в своем доме. Подростков, старшего брата Костю и сестру Лизу, тоже мобилизовали в трудармию. Лизу отправили на Урал, а Костя заболел, простудился на делянке Крапивинского лесхоза, болезнь оказалась серьезной, в 1944 году Костя умер».

Я убеждала Федосью Даниловну, что смогу рассказать подробнее об их семье и других немецких семьях посетителям музея, если она нам поможет. Хозяйка пригласила в дом, показала семейные фотографии, среди них одна привлекла мое внимание — группа ребят-школьников в пионерских галстуках. Среди них был Костя. Снимок довоенный, сделан еще в Поволжье. Федосья Даниловна, немного поколебавшись, вынула его из альбома, потом еще несколько фотографий отдала мне. Хозяйка дома достала из серванта сливочник — семейную реликвию — и протянула мне: «Возьмите и его. От наших прапрабабушек, еще из Германии, был привезен в Россию как память, а родители взяли его с собой, когда ехали сюда...»

В экспедиции нам пришлось встретиться с немцами, латышами, эстонцами, они живут в Кузбассе уже полвека, но хранят память о своих традициях, пытаются сохранить обычаи и культуру, учат родному языку детей и внуков. Они для нас пример уважительного отношения к своему прошлому.

Трудностей в военные годы было так много, что все те, кто с детства помнят войну, воспринимают их как обыденность и много об этом не говорят. Но все подчеркивают: для того чтобы выжить, надо было много работать. Поток эвакуированных резко ухудшил жилищные условия старожилов, вынужденных потесниться для приехавших. Но приехавшие и местные дети быстро привыкли друг к другу и жили одной дружной семьей. В школах учились, но там было тесно. Тем более, что многие школьные здания были заняты эвакогоспиталями и ребят переводили в неприспособленные помещения. Особенно трудно было зимой. В одном из отчетов Сталинского гороно тех лет читаем: «Учащиеся практикуют катание по школьным коридорам в морозные дни, когда в школе лопнули трубы и промерз пол»[1].

Учились в три смены, не хватало школьных принадлежностей, учебников, перьев, карандашей. Не во что было одеть и обуть ребенка, чтобы послать в школу. Очень красноречивый документ хранится в Кемеровском государственном архиве «Отчет о работе школ Яшкинского района»; читаем: «Учтено по району детей школьного возраста 7017 человек. К концу года в школах осталось 5695. Отсея-

[1] ГАКО, Ф.Р-323, оп. 1, л. 15, л. 25.

лось 1440 детей. Причины отсева: 1. Отсутствие одежды и обуви — 229 человек; 2. Домашняя работа — 81 человек; 3. Длительная болезнь — 130; 4. Работа в колхозах — 183; 5. Выбыли в ФЗО — 254 человека; 6. Выезд за пределы района — 563. 7. Было не охвачено всеобучем — 108. Всего школ по Яшкинскому району — 105»[1]. Такая же картина была и в других районах.

Кончался учебный год и начиналась подготовка к сельхозработам. О том, какое значение им придавалось, рассказывает любопытный документ: «Инструкция для учителей, сопровождающих детей на полевые работы». Он настолько хорошо отражает официальную точку зрения на детский труд, что процитирую, сохраняя стиль:

«...Повседневно и неустанно боритесь за повышение бдительности. Решительно разоблачайте шептунов, провокаторов, диверсантов, воров, которые будут пытаться уничтожить, растащить его. Повседневно разъясняйте колхозникам, что враг коварен и способен на любую подлость, воспитывайте у колхозников чувство настороженности, повышайте их революционную бдительность.

Ваша священная обязанность возглавить руководство работой учащихся на полях. Надо сделать все, чтобы учащийся был как следует организован и давал бы наибольший эффект. Наша учащаяся молодежь любит работать и готова отдать все свои силы на помощь колхозам и совхозам в уборке урожая. Надо лишь правильно организовать ее, и сделать это должны вы.

Обком ВКП(б) и облисполком твердо уверены в том, что Вы сделаете все возможное, чтобы помочь колхозам и совхозам как можно быстрее и без потерь убрать урожай, досрочно рассчитаться по всем поставкам с государством и этим самым поможем Красной Армии в выполнении первомайского приказа товарища Сталина о разгроме немецко-фашистских войск в 1942 году.

Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М. Кулагин
Председатель Новосибирского облисполкома И. Гришин
15 августа 1942 года г. Новосибирск».

На основании этой инструкции заведующий гороно Кыков издал приказ от 13 мая 1943 года, в котором говорилось о том,что директора школ должны организовать при школах мастерские для первоочередной починки обуви для учащихся и учителей, уезжающих на полевые работы. Провести медосмотр учащихся, а классные руководители «обязаны немедленно приступить к массовой разъяснительной работе в условиях второго военного года»[2].

Ребята радовались возможности уехать в село, там получше кормили, хоть и работать приходилось много. К сожалению, я не располагаю данными о том, сколько трудодней выработали за годы войны школьники нашего края, но удалось отыскать цифры в целом по стране: «За четыре военных года в сельхозработах (по неполным, в силу военного времени, данным приняло участие свыше 14,5 млн. учащихся и более 500 тысяч учителей»[3].

В селе, куда привозили детей, старались позаботиться о них получше. В газете «Большевистская сталь» тех лет помещена заметка, в которой сообщалось, что директор совхоза «Куйбышево» создал хорошие бытовые условия для ребят и премировал особо отличившихся «стахановцев полей, выполнивших нормы от 150 до 200 про-

[1] ГАКО, Ф.Р-323, оп. 1, д. 16, л. 8.

[2] ГАКО, Ф. Р-2, оп. 2, д. 34, л. 128.

[3] «Подростки в годы Великой Отечественной войны». М., 1982.

центов. Это были учащиеся железнодорожной школы № 140 Шура Овсянникова, Саша Рожкин, Маша и Тася Гущановы и другие»[1].

Дети войны трудились на полях и грузили эшелоны с углем, шефствовали над госпиталями и сдавали заработанные деньги в фонд обороны, они верили в победу и по мере детских своих сил приближали ее. Спасибо им. Не забыть бы об этом сейчас, когда у них стали седыми головы.

С. Базанова

МЕСТО РОЖДЕНИЯ — АНЖЕРО-СУДЖЕНСК

О боевом пути 69-й морской стрелковой бригады

В городе Анжеро-Судженске в ноябре—декабре 1941 года была сформирована 69-я морская стрелковая бригада из курсантов военно-морских училищ, моряков Тихоокеанского флота, сибиряков, призванных из запаса и выздоравливающих воинов. Командиром бригады был назначен капитан 1-го ранга Верховский С.

С благодарностью вспоминают ветераны бригады жителей маленького сибирского городка, где их так тепло встретили, разместили в своих квартирах в то далекое трудное время, проводили на фронт и впоследствии не теряли связи с бригадой, посылали письма, посылки с продуктами и теплыми вещами.

В середине декабря бригада выехала в Москву, но в пути пришел приказ— следовать в составе 17-й отдельной армии для укрепления обороны на реке Свирь. Как вспоминает рядовой Карпунькин, враг на этом участке построил шестиполосную линию укреплений, которая по мощности превосходила линию Маннергейма на Карельском перешейке.

Капитан второго ранга в отставке М. Ф. Ткаченко рассказывает: «Нашему артдивизиону 76-миллиметровых пушек ставилась задача — после часовой артподготовки поддержать огнем наступательные стрелковые подразделения бригады. Тяжелые бои развернулись на участке сопка «Лысая», обороняемой финскими частями. Несмотря на отчаянное сопротивление врага, рота автоматчиков под командой лейтенанта Алексея Вахонина в рукопашной схватке выбила противника и заняла важный узел обороны. Финны открыли по сопке ураганный огонь. Погиб лейтенант Вахонин, а рота была вынуждена отойти с захваченной позиции. Требовалась незамедлительная поддержка нашей артиллерией, но связи с батареями не было. И здесь по моему предложению пришел на выручку «морской семафор»— используя вместо флажков шапки, нам удалось вызвать на связь находившегося в зоне прямой видимости командира третьей батареи Михаила Гилева и передать приказ командира дивизии. Огонь прямой наводкой заставил отойти наседавшего противника и закрепиться на сопке нашим автоматчикам. Сопка стала нейтральной зоной.

Развернулась контрбатарейная борьба, продолжавшаяся несколько суток. Сопка обстреливалась с обеих сторон, потери были большие.

Командир стрелкового батальона Шевченко приказал разведчикам во главе с тихоокеанцем лейтенантом Василием Кирюшовым вынести с сопки

[1] Газета «Большевистская сталь» от 3 июля 1943 года.

штурмовое знамя и погибших автоматчиков. Приказ был выполнен. В кармане убитого Алексея Вахонина нашли письмо матери. Она писала: «Дорогой сыночек! Я хотела тебя встретить, когда вы ехали на фронт, но мне сказали, что ваш эшелон уже прошел. Долго я плакала, что не смогла тебя увидеть. Все же не теряю надежды встретиться с тобой после победы над фашистами!» К большому горю матери, встречи этой не суждено было состояться. Алексей Вахонин посмертно награжден орденом Ленина.

Не имея достаточных сил, наступление советских войск захлебнулось, но немецко-финские части вынуждены были отказаться от попыток создать второе кольцо окружения вокруг Ленинграда и перейти к укреплению обороны.

В течение 1943 года бригада занимала вторую линию обороны, вела строительство оборонительных сооружений и дорог.

В марте 1944 года седьмая отдельная армия вошла в состав Карельского фронта.

В июле—августе 1944 года 69-я морская стрелковая бригада под командованием полковника Запирича приняла активное участие в Свирско-Петрозаводской операции. Находясь в первом эшелоне армии бригада вела бои по ликвидации вражеского плацдарма на левом берегу Свири в районе поселка Свирь-3.

За прорыв обороны противника в районе реки Свирь личный состав бригады был удостоен благодарности в приказе Верховного Главнокомандующего, а указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1944 года бригада была награждена орденом Красного Знамени.

После завершения Свирско-Петрозаводской операции в середине сентября 1944 года бригада была переброшена в Запорожье на Мурманское направление. Здесь в начале октября она в составе 127-го легкового стрелкового корпуса приняла участие в Петсамо-Киркинесской наступательной операции. Командовал бригадой в этот период подполковник Евменов. Воины бригады, участвуя в обходных маневрах на горно-болотистой тундре, способствовали успешному наступлению главных сил 14-й армии.

После этого 127-й стрелковый корпус получил задачу совершить обходной маневр на горно-лесистой местности и овладеть рудниками и поселком Никель. В течение дня 21 октября на Никеле шли ожесточенные бои. В два часа ночи 69 МСБ ворвалась на юго-западную окраину Никеля и к утру совместно с другими частями выбила сопротивляющегося противника. По воспоминаниям ветерана бригады И. Уварова, двухдневные ожесточенные бои за Никель были нелегкими. Успех достигнут дорогой ценой. Только один из батальонов бригады потерял убитыми и ранеными более 40 процентов личного состава. В братской могиле у дороги на Сальмиярви было захоронено 100 бойцов.

Только за октябрь 1944 года бригадой с боями было пройдено 250 километров, занято более 10 населенных пунктов, в том числе Луостари и Никель.

За освобождение Печенегской области от немецко-фашистских захватчиков бригада награждена орденом Красной Звезды и удостоена почетного наименования «Печенегская».

Боевой путь бригады закончился 20 мая 1945 года в г. Пардубице в окрестностях Праги. В июле 1945 года бригада возвратилась на Родину, где и была расформирована.

Три боевых ордена на знамени бригады, почетное наименование «Печенегская» и 8 благодарностей личному составу — так оценила Родина вклад бойцов и командиров в общее

дело победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Ветераны бригады не теряют связи между собой. За последние годы несколько лет регулярно собираются на свои встречи. Они побывали в г. Лодейное Поле, в Запорожье, Подпорожье. Они совершают поездки по местам боев, посещают мемориальные и воинские захоронения, где возлагают венки и цветы на могилы своих однополчан, рассказывают молодежи о войне, которую знают не по фильмам. Они — наша живая память.

В. Козубовский

ДОМ С МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКОЙ

В Кемерове есть места, где вдруг вспыхивает щемящее чувство причастности каждого человека к событиям далеких лет. Это места, где установлены мемориальные доски.

Когда пройдешь мимо здания школы на Кузнецком проспекте и прочитаешь: здесь в годы Великой Отечественной войны размещался эвакуационный госпиталь № 2495, невольно вспомнишь о военных годах в твоей судьбе, о судьбе тех, кто лечился от ран за этими окнами тогда, более 40 лет назад...

Госпиталь, развернутый кемеровским горздравом в первый месяц войны, принял раненых уже в августе 1941 года. На первых порах госпиталь возглавил военврач К. И. Корниенко, а позднее кемеровский врач-терапевт В. И. Кондратьев, ведущим хирургом госпиталя назначили Елизавету Павловну Еланцеву. Призванные на военную службу А. М. Лукьянец и А. Н. Литвинцева возглавляли лечебные отделения.

Доктор Еланцева в Кемерово приехала в 1936 году после окончания Томского медицинского института. Работать начала в поликлинике Рудничного района под руководством С. В. Беляева. Своим учителем в хирургии она считает М. А. Подгорбунского. В 1939 году ей предложили заведовать пунктом переливания крови. Такой пункт открывался в Кемерове впервые, и молодой доктор Еланцева успешно справилась с организацией заготовки и консервирования крови для переливания больным. Этот опыт был особенно ценным в годы войны. В апреле 1941 года Елизавету Павловну направили на специализацию по военно-полевой хирургии в Москву. Однако закончить курсы не удалось. Ведущий хирург госпиталя № 2495 Е. П. Еланцева взяла на себя самый трудный и ответственный участок работы. Прежде всего ей пришлось учить хирургии врачей других специальностей. Ей же приходилось проводить и все сложные операции, т. е. работать и днем, и ночью.

Опытным и знающим хирургом в госпитале была Александра Николаевна Литвинцева. Она окончила медицинский факультет Иркутского университета и после трехлетней работы в сельской больнице в Красноярском крае в 1933 году приехала в Кемерово. С 1936 года работала с М. А. Подгорбунским. С первых дней войны ее призвали в эвакуационный госпиталь, где она возглавляла медицинскую часть. В воспоминаниях она запишет: «В августе 1941 года госпиталь принял первых раненых. Большинство из них были тяжелые, так как проходили многоэтапную эвакуацию и поступали на 15—20-е сутки уже с развившимися гнойными осложнениями. Тре-

бовалось проведение повторных операций».

Через год Александру Николаевну назначили ведущим хирургом госпиталя, под ее началом работали 38 хирургов. Специалистом доктор Литвинцева была не просто добросовестным, но самоотверженным и творческим. В 1944 году госпиталь перебросили в Оршу. После демобилизации Александра Николаевна вернулась в Кемерово и продолжала заведовать травматологическим отделением областной больницы.

С работой в госпитале связана деятельность и профессора П. А. Миньовича, эвакуированного из Харькова. Его усилиями в госпиталях Кемерова обеспечивалась неврологическая помощь раненым и больным.

В 1943 году в госпитале стали применять пенициллин. При помощи антибиотиков удалось снизить число гнойных осложнений у раненых.

Скорейшему возвращению в строй способствовала и самоотверженная работа девушек-медсестер и санитарок. Особую признательность и глубокую благодарность защитников Родины заслужили операционные сестры М. А. Щеглова, А. С. Журавлева, Маша Жернова.

Прошли годы, но в памяти людей, переживших войну, не сглаживаются трагические и суровые воспоминания. Помнят раненые и медики начальника госпиталя В. И. Кондратьева, который приехал в Щегловск в 1929 году и возглавил только что созданный окружной врачебный диспансер. Его жена, Екатерина Антоновна Скорик, была первым специалистом-офтальмологом. В 1934 году ее усилиями было открыто глазное отделение на 20 коек в городской больнице. В годы войны она возглавляла глазное отделение эвакуационного госпиталя № 1243.

Вячеслав Иванович Кондратьев оставил в памяти людей неизгладимый след. О нем вспоминает бывшая в ту пору санитаркой А. П. Трусевич: «Кондратьев пользовался исключительным авторитетом среди населения. Умер в 1944 году, можно сказать, на рабочем месте. Хоронили его с воинскими почестями».

Так дом с мемориальной доской напомнил о тех, чей труд, здоровье, собственное благополучие были отданы нам, людям.

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

Д. Кацюба

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

На встрече с молодежью на вопрос: почему он стал учителем, Михаил Георгиевич Елькин ответил: «Я был уверен, что самые хорошие люди на свете — это мои учителя Анисия Николаевна Офина, Евдокия Александровна Гаус, Валентин Алексеевич Попов. Я видел в них большую человечность, любовь к детям, преданность учительскому делу, любовь к знаниям. Это люди с большой буквы, очень обаятельные, скромные. Я всю жизнь стремился им подражать, поэтому и выбрал профессию учителя».

Морозным февральским утром 1930 года ученик 8-го класса прокопьевской школы-девятилетки спешит обучать чтению и письму взрослых неграмотных людей в деревне Керлегеш. Занимались по вечерам, на занятия приходили молодые парни, девушки и пожилые люди. Через месяц 70 старательных учеников умели читать по слогам, а окрыленного успехом Мишу Елькина послали на курсы учителей. 13 октября 1930 года ему исполнилось 16 лет и он стал народным учителем.

Так начиналась трудовая жизнь Михаила Георгиевича Елькина, заслуженного учителя школы РСФСР, награжденного орденом Ленина и медалью Н. К. Крупской.

Более полувека М. Г. Елькин служил народному образованию, культуре, изучению истории края и родного города Прокопьевска. Немного найдется в нашей стране школьных научных организаций, которые бы так плодотворно работали свыше тридцати лет, как общество «Юный историк» под руководством Михаила Георгиевича Елькина в школе № 1 г. Прокопьевска. Секрет долговечности общества прежде всего в том, что сам Михаил Георгиевич по-настоящему знал и любил свой родной край, город, его прошлое и настоящее, глубоко интересовался археологией и историей, палеонтологией и геологией, экономикой и природой. Но пожалуй, самым важным являлось то, что учитель, ставя учащихся в положение исследователей, сам вместе с ними на протяжении десятков лет принимал непосредственное участие в изучении родного края, города. Это был учитель-исследователь, ученый, который имел и свои труды, и свои открытия, и свою школу. Тот, кто прошел школу Елькина, поступал на исторический факультет любого вуза страны. И еще. Ничто так не сплачивает, не дисциплинирует и учащихся, и учителя, как традиции. Они же украшают и жизнь ребят. Поэтому воспитать и сохранить традиции чрезвычайно важная задача в работе учителя.

По установившейся традиции члены общества на протяжении многих лет проводили экспедиции, традиционными были и осенние конференции, их ожидали учащиеся. Жизненная сила научного общества определялась всем содержанием и всей системой истори-

ко-краеведческой работы в нем, разнообразием форм и методов, которые использовались учителем. Здесь и радость открытий в археологической экспедиции, и удовлетворение от самостоятельно подготовленного доклада, реферата, очерка, и выступление с ним на конференции, семинаре или факультативе.

Глубокие знания Михаилом Георгиевичем истории и археологии, палеонтологии и геологии, овладение в совершенстве методикой краеведческой работы и особенно методикой археологических раскопок, умение заинтересовать и организовать учащихся, романтика экспедиционной жизни и поисково-исследовательский характер в работе общества — вот причина того, что любовь к обществу, к его работе передавалась от одних учащихся к другим на протяжении десятилетий. Поэтому в обществе многие учащиеся занимались от трех до шести лет, были в нем и свои «династии». Одна из них — династия Ермаковых, представителями которой в обществе были четыре брата: Владимир, Михаил, Александр и Юрий. Такая же династия Подлипных: Елена передавала эстафету брату Валентину, а он сестре Алле. Все они были активными членами общества и полюбили историю на всю жизнь, избрав ее своей профессией. Поэтому в экспедициях общества нередко принимали участие бывшие юные историки, ставшие рабочими, служащими родного города, студентами вузов.

Важное значение имело и то, что за многие годы педагогической деятельности у Михаила Георгиевича сложилась своя система работы с учащимися, которая прошла проверку временем. У него была своя методика развития интереса у школьников к исторической науке: основы интереса закладывались на уроке, проверялись и развивались в экспедициях, формировались и закреплялись на факультативных занятиях и, наконец, прочно определялись последующей работой в обществе «Юный историк». В итоге многие учащиеся, пройдя школу юного историка, вырабатывали в себе интерес к самостоятельному поиску знаний, к творческому труду.

У Михаила Георгиевича краеведческая работа велась круглый год. В летнее время юные историки принимали активное участие в работе различных экспедиций, во время занятий в школе они собирали материал и работали над рукописными книгами, составляли хронику событий, проводили историко-краеведческие вечера, экскурсии на предприятия, встречи со знатными людьми, выступали с докладами в школах и на предприятиях. В этот же период проводились конференции и выпускалась газета «Вестник общества «Юный историк» по итогам летних экспедиций, велась обработка экспедиционных находок.

Начало краеведческой работы закладывалось на уроке, а продолжалась она на экскурсиях, в походах, экспедициях. Но внеклассная и внешкольная работа — это не простое продолжение урока истории иными методами и в других условиях. Это неотъемлемая и обязательная часть единого учебно-воспитательного процесса. У Михаила Георгиевича не мыслился учебный процесс без внеклассной работы. Они друг друга дополняли и обогащали.

Выход учащихся за стены школы в мир большой жизни с поисково-исследовательской целью объективно привел к мысли, к необходимости организации краеведческого музея, ибо он создает материальную базу для учебной и научной работы и развивает детский интерес, творчество и самостоятельность. Но создание музея не было самоцелью. Михаил Георгиевич понимал, что для этого необходимы

не только знания, опыт руководителя, но и такая форма краеведческой работы, которая служила бы для ребят стержневым интересом, приобщала бы их к творческой деятельности и способствовала накоплению вещественного материала — памятников истории и культуры для будущего музея. И такая форма работы была найдена — экспедиции исторические, археологические, палеонтологические и геологические.

Собранный вещественный материал в ходе одной из экспедиций в 1951 году позволил организовать выставку, из материалов которой в сентябре того же года был открыт в школе № 1 краеведческий уголок, насчитывающий всего 17 экспонатов, разместившихся на двух витринах. Вряд ли кто тогда думал и верил, кроме Михаила Георгиевича, что из этого уголка вырастет за каких-нибудь десять лет государственный краеведческий музей, насчитывающий в своих фондах около десяти тысяч единиц хранения. Но после следующих двух экспедиций было собрано такое количество экспонатов, что в 1953 году был открыт школьный музей, чем стала вписана новая страница в работу общества «Юный историк».

В августе 1961 года в соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР и приказа министра культуры Российской Федерации исполком Прокопьевского городского Совета депутатов трудящихся принял решение на базе школьного музея открыть городской государственный краеведческий музей.

При жизни Михаила Георгиевича Прокопьевский краеведческий музей не обычный был музей, где основным содержанием работы является подготовка экспозиций и экскурсионная деятельность. Он оставался детищем общества «Юный историк» и являлся его творческим учреждением по изучению истории родного края. В эти годы Михаил Георгиевич неоднократно мне говорил: «Когда я работал только в школе, то был учителем одной школы, а с переходом в музей я стал учителем всех школ города Прокопьевска, частично Киселевска и других городов и сел края».

Обратимся к фактам. Средняя посещаемость музея в 70-е годы составляла 40 тысяч за год.

Борис Петрушанский в школе не отличался прилежанием и дисциплиной. Но благодаря Михаилу Георгиевичу история и археология стали его любимыми предметами. Борис стал помощником и опорой учителя и в экспедициях, и в школе.

Борис увлекался рисованием и тогда же написал портрет любимого учителя истории. В настоящее время Борис Петрушанский — художник тюза в Санкт-Петербурге.

Исключительно большой интерес юные историки проявляли к поискам костных остатков фауны давно прошедших веков. Михаил Георгиевич неоднократно говорил своим юным помощникам, что река в этом отношении является союзником. И ребята метр за метром исследовали реку Ур. Именно здесь их и ожидала удача. Они вытащили из воды кусок бивня мамонта.

Затем у самой деревни Ур-Бедари в размытой части берега нашли часть черепа бизона и рога ископаемого быка. А возле деревни Красный Яр из воды ребята извлекли бедренную кость и почти все позвонки бизона и зуб мамонта, весивший 7 килограммов. Так река Ур увлекла юных историков своим кладом, помогла им заглянуть в глубь веков, узнать о давно вымершем животном мире на территории Кузбасса. Прошло еще несколько лет, и в коллекции музея появились кости

шерстистого носорога и ископаемой лошади.

В 1961 году прокопьевские шахтеры при размыве поверхностного слоя земли на 8-м угольном разрезе на шестнадцатиметровой глубине наткнулись на крупные кости, о чем немедленно сообщили в музей Михаилу Георгиевичу. Оказалось, что это хорошо сохранившийся скелет молодого мамонта. Не одно лето юные палеонтологи проводили раскопки. Была вынута не одна сотня кубометров земли. Непреклонное желание раскопать костяк мамонта и восстановить все кости — а их около 200 штук — в анатомическом порядке сбылось. Мамонт занял свое место в одном из залов музея. Это первый полный скелет мамонта в Кузбассе.

Самое большое место в работе юных историков заняла археология. Их заразила влюбленность в эту науку самого учителя, который в свое время получил прекрасную подготовку по этой специальности в вузе у таких крупных ученых, как академик Ю. В. Готье, доктора В. А. Городцов, Б. Е. Греков, Г. Ф. Дебец, этнографы С. П. Толстов и А. М. Золотарев и др.

Исследования реки Ур продолжались многие годы. Поиски шли вдоль правого и левого берегов реки. Пройдено 25 километров — и никаких результатов. На 29 километре внимание юных историков привлекла узкая темная полоска в береговой линии. Со всей осторожностью с помощью ножей начали ее расчищать. Под ножи попадались дробленые кости, древесный уголь, куски орнаментированной керамики. Так была открыта первая на Кузнецкой земле стоянка человека новокаменного века.

В полевом дневнике юных историков появилась важная для науки запись: «9 июля 1952 года, около полудня, в Кемеровской области, Гурьевский район, около 54 градусов 25 минут северной широты и 85 градусов 56 минут восточной долготы на левом берегу реки Ур в 1,5 км к востоку от селения Дегтяревка обнаружена неолитическая стоянка, которую по близлежащему селению мы решили назвать Дегтяревской».

На секции палеолита и неолита института истории, археологии и этнографии Академии наук СССР в 1954 году по предложению академика Алексея Павловича Окладникова членам общества юных историков и его руководителю была объявлена благодарность за вклад в науку, в исследование Кузнецкой земли.

Давно юные историки со своим учителем вынашивали желание сделать археологическое открытие вблизи родного Прокопьевска. Поиски длились годами. Было проложено 714 траншей, вынуты сотни кубометров грунта — и никаких результатов. Казалось, что ребятам все это надоест и они бросят лопаты.

И вот награда — первый долгожданный кремневый скол и первый кусочек керамики. Ребячьим восторгам не было предела. Они победили! Было вынуто 670 кубометров грунта, найдено более 3,5 тысячи фрагментов керамики, обнаружена неолитическая мастерская, кремневые наконечники и около 4 тысяч сколов. Открытое поселение древнего человека находилось вдали от реки.

Неолитическая стоянка была открыта в последнюю субботу сентября 1961 года, а на второй день после открытия исполнилось 70 лет большому другу общества юных историков доктору исторических наук Александру Яковлевичу Брюсову, брату поэта Валерия Брюсова. Здесь же единогласно ребята решили открытой стоянке дать имя А. Я. Брюсова, о чем юбиляра известили телеграммой, в которой сообщали, что в 18 км от Прокопьевска

юными историками открыта неолитическая стоянка и названа «Школьной имени А. Я. Брюсова».

В июне 1964 года на левом берегу реки Ур, недалеко от Дегтяревской неолитической стоянки, были начаты раскопки открытого могильника. И когда ребята извлекли из могилы глиняный сосуд гребенчатой орнаментировки, то, казалось, не будет конца их радости. Пожалуй, еще никогда не был так счастлив и их неутомимый учитель. Михаил Георгиевич рассказывал ребятам об оседлых племенах, которые занимались земледелием и скотоводством и были знакомы с бронзой. И подвел итог: открытие андроновской культуры в Гурьевском районе имеет большое научное значение не только для истории Кузбасса, но и для истории всей южной Сибири.

Юные археологи работали дальше с подъемом. Вот найдено 10 сосудов, но никто не собирается прекращать работу. Ребята под бурные аплодисменты заявили Михаилу Георгиевичу: «Вам 50 лет и мы должны найти 50 сосудов»—и свое слово они сдержали. В предпоследний день экспедиции юные историки нашли гигантский и совершенно целый сосуд, который был единодушно назван «археологическим счастьем» и преподнесен учителю в день 50-летия.

Важнейшим открытием был курганный могильник позднего железного века. За 18 лет было раскопано 125 курганов, в которых исследовано 375 могил. Выполнен гигантский физический труд силами юных историков. Ур-Бадарийский курганный могильник оказался крупнейшим археологическим памятником материальной и духовной культуры тюрков IX—XI веков не только в Кузбассе, но и на территории всей Западной Сибири. Материалы раскопок позволили определить торговые связи, особенности производства, основные черты культуры, религиозных верований и другие вопросы.

В письме к десятилетнему юбилею общества директор института этнографии Академии наук СССР член-корреспондент Сергей Павлович Толстов писал: «Особенно большое значение имеют раскопки средневекового кочевнического могильника... Добытый из этого могильника большой археологический материал позволяет нарисовать картину жизни населения Северного Алтая в эпоху на рубеже I—II тысячелетия нашей эры, а костные материалы — восстановить физический тип этого населения... Разработка полученных данных уже сейчас дает возможность внести значительный вклад в изучение этногенеза современного населения Кемеровской области и показать его историко-культурные связи».

И хотя материалы курганного могильника позволили разрешить многие проблемы, они не могли осветить все стороны жизни тюркского населения. Необходимо было найти и исследовать тюркское поселение. На помощь пришли гурьевские юные археологи, с которыми работал такой же неутомимый краевед, директор Гурьевского краеведческого музея Федор Ильич Александров. С их помощью в 1967 году была обнаружена территория древнего тюркского поселения на левом берегу реки Степной Бачат, на землях совхоза «Гурьевский».

В течение двух сезонов было вскрыто свыше четырех тысяч квадратных метров поверхности, обнаружены остатки многих жилищ, собрано большое количество костного материала, битой глиняной посуды, десятки очагов, костяные наконечники стрел. Кроме того, были найдены инструменты ювелира, остатки вагранки с шлаками цветного литья, большое количество железной руды, а также многие вещи, которые встречались в могильниках. Благодаря этим находкам

раскрывались новые стороны жизни тюркских племен в междуречье Ур и Степного Бачата.

К тому времени антропологи страны не имели в своем распоряжении ни одного черепа человека, который жил в первом тысячелетии нашей эры на территории Кузбасса. Юные историки оказали помощь ученым. В институт этнографии АН СССР было отправлено свыше 30 таких черепов отличной сохранности. Такому количеству открытий позавидует любой специалист-археолог. Благодаря этим открытиям в Прокопьевском краеведческом музее обстоятельно представлены три важных периода древней истории южного Кузбасса: неолит, бронзовый и поздний железный века. Этими материалами может воспользоваться любой учитель истории, научный работник и все, кто интересуется древней историей края.

К обществу юных историков проявляли глубокий интерес многие крупные ученые страны.

В работе М. Г. Елькин руководствовался золотым правилом педагогики — учитель учит до тех пор, пока сам учится.

Его личная библиотека насчитывала добрый десяток тысяч томов уникальной литературы, которая любовно собиралась всю жизнь. В его библиотеке были редкие книги по истории, археологии, искусству, «Колокол» Герцена и многое другое. Библиотека позволяла Михаилу Георгиевичу не только работать в школе на уровне современных требований к учителю, проводить большую и разнообразную внеклассную и внешкольную работу с учащимися, но и заниматься научной деятельностью, особенно по археологии и древней истории Кузбасса.

Квартиру Михаила Георгиевича узнавали по почтовому ящику. Он был необыкновенно больших размеров, так как выписываемая им периодическая литература не могла вместиться даже в два обычных почтовых ящика.

На уроках, на занятиях факультатива по археологии, краеведению и музееведению, в работе общества широко использовались технические средства обучения. В содружестве с работниками местной киностудии им были созданы кинофильмы: «В поисках исчезнувших тысячелетий» и «Путешествие в железный век», а также серии слайдов: «Неолитическое поселение вблизи г. Прокопьевска», «Бронзовый век на юге Кузбасса», «Поздние тюрки-кочевники в Кузбассе», «Юные историки исследуют родной край» и др. Его многотысячная фототека часто использовалась в учебных целях в школе. В созданном краеведческом музее был прекрасно оборудован кабинет юного историка. В нем были все технические средства, около тысячи томов по истории Кузбасса, не говоря о подлинных памятниках истории и культуры, которые всегда можно было посмотреть в музее.

У Михаила Георгиевича был особый интерес к внеклассной и внешкольной работе по изучению истории города Прокопьевска, края и сбора материала для музея. Его интерес к последнему определялся перспективой роста от школьного краеведческого уголка к школьному музею.

Работа заслуженного учителя школы РСФСР М. Г. Елькина является прекрасным примером рационального соединения научной и учебной, теоретической и практической деятельности на краеведческой основе. Созданный членами общества «Юный историк» под руководством М. Г. Елькина государственный краеведческий музей стал крупным культурно-просветительным учреждением города и области, центром учебно-воспитательной работы по краеведению для всех учебных заведений города и района, научной лабораторией для изыскатель-

ской деятельности по истории края, методическим центром краеведческой работы в городе.

К сожалению, после смерти Михаила Георгиевича далеко не все сохранилось в музее в том виде, как он хотел. Больше того, Прокопьевский городской государственный краеведческий музей по праву должен носить имя его создателя — М. Г. Елькина. Очевидно, об этом должны позаботиться нынешнее руководство музея и городские власти, чтобы по достоинству увековечить имя Михаила Георгиевича Елькина.

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ СТАРОГО МАРИИНСКА

Вспоминает Александр Емельянович Максимов, 1903 года рождения

Многие, наверное, знают, что название Мариинск город получил во второй половине 19 века. А почему так назван, знает не каждый. Инициаторами названий в царское время были попы, одним словом, священнослужители. Они являлись закоперщиками этих дел. Еще в детстве от местных старожилов мне пришлось узнать, что, когда строилась железная дорога через станцию нашего города и далее до Иркутска, царствующая императрица со своим наследным сыном Николаем, будущим царем всея Руси, решили дать турне по Сибири. Вот именно здесь, в Мариинске, именитое купечество решило отличиться, встретить этих царственных особ. От вокзала до самого Никольского собора на дороге были постланы ковры. Нечего говорить о самом приеме после богослужения. В это время наш город еще назывался Кийским, от названия реки.

Расчувствовавшаяся от такого приема императрица Мария и решила назвать город.

Мариинские базары

Примерно 60 процентов населения города составляли русские, 20— евреи, остальные поляки, татары, цыгане.

Надо сказать откровенно, что для евреев Мариинск был как место ссылки. Их высылали за политическую неблагонадежность и за все такое, к чему можно было в то время придраться. Вообще неудивительно, что большинство магазинов было у евреев. Например, магазины и торговые лавки Бличевского, Хейфица, Евсиовича, Черноловского, Стремнина, Юдалевича, Гуревича и многих других. Нужно отметить, что все эти трудовые евреи и стали позднее богатыми торговцами, а вернее сказать, купцами города Мариинска. Как не упомянуть добрым словом братьев Гершликович. Эти труженики сутками высиживали за своими портновскими верстаками, что называется, своим трудом добывали для житья. Портного Клейнштейна с кучей ребят, продолжателей рода своего. Его мастерская была отмечена вывеской с рисунком бравого офицера, в кителе, что давало понятие о его специальности как портного, способного шить для офицеров. Сам Клейнштейн жил с семьей в большом 5-стенном доме. Это были веселые остроумные парни.

Давно не стало одного очень известного в городе здания, называемого «собранием», состоявшего из половины кирпичной кладки и деревянного верха, рядом с бывшей электростанцией

по Береговой улице (ныне ул. Рабочая). Это здание было местом сбора знатных людей Мариинска. Тут ставили спектакли, играли в биллиард и карты и только ловкие на жульничество имели прибыль. Многие уходили с пустыми карманами и, может быть, судьба их заканчивалась печально.

Среди многочисленных купцов Мариинска Савельев выделялся почему-то особенно. Он имел свой магазин в Мариинске, а также в других городах, имел свой золотой прииск за Тисулью. Кстати, был миллионер. Сын Савельева, рыжий Кеша, по прибытии артистов в Мариинск, закупал все билеты и восседал в зале в кругу своих друзей. Без чудачеств не обходилось.

Очень необычно закончились похороны купца Савельева. Для похорон Кеша пригласил архиерея из Томска и других городов, попов не менее 25. Архиерей произнес заупокойную речь, превознося покойного как миротворца и любимца простых людей. Сзади катафалка следовала коляска, из которой разбрасывались мелкие монеты. Можно себе представить, что происходило среди людей, хвативших почти на лету монеты или выискивавших их на дороге.

Купец Миненко. Это был местный кулак из д. Святогорка. Сначала он закупал хлеб небольшими партиями и выгодно сбывал. Когда аппетит разгорелся и появилось много денег, тутто он и развернулся во всю ширь и стал отправлять хлеб целыми составами в Москву и Петербург. В этих городах он уже имел своих представителей, которым поручил заключать сделки на продажу хлеба, следил за изменениями цен и всегда с большой выгодой совершал свою продажу.

На улице Береговой в деревянном небольшом доме была лавчонка, которая была известна каждому мальчишке. В ней всегда можно было приобрести орехи и семечки, которыми торговал купец Малков. Сообразительности этого купца не было конца. Например, во время половодья реки Кии именно в его лавке можно было всего за 50 копеек взять напрокат лодку покататься по большой воде, которая подходила прямо к его лавке. Сама природа, да и его находчивость приносили ему небывалый доход. Скопив немалую сумму денег, Малков решил убрать маленькую лавку и вместо нее построил двухэтажный кирпичный магазин (теперь в нем магазин хозтоваров).

Уездный город Мариинск имел много волостей в своем подчинении. Когда-то здесь проходили известные во всей губернии базары. В базарные дни, среду и пятницу, приезжало много люду, особенно из деревней. Привозили сено, дрова, муку, мясо. А из города везли промтовары. Вся техника тогда состояла из живой тягловой силы. Понятно, что местные жители приспосабливались к этой обстановке, заводили у себя кожевенные, пимокатные, сапожные, маслобойные и другие мелкие кустарные предприятия. Эти люди изучали конъюнктуру рынка, потребности и строили жизнь на благоприятной основе. Ниже базара, если спуститься к реке Кии, зимой был конный базар и там же продавали скот.

Помимо купцов Мариинска в городе было немало богатых домовладельцев. Если сейчас подойти к магазину «Книги», с левой стороны стоит двухэтажный деревянный дом, который содержал домовладелец Колесников. На верхнем этаже Колесников содержал ресторан, биллиардную. Внизу одну половину этажа занимал Гордеев со своей парикмахерской, а в другой половине нижнего этажа своими кондитерскими изделиями собственного производства торговал Кривозятев. Предприимчивый и изворотливый Гордеев не гнушался даже тем, что выходил на улицу и уговаривал прохожих по-

сетить его парикмахерскую, обещая сделать человека неузнаваемым. Позднее он сумел на заработанные деньги построить двухэтажный кирпичный дом по улице Чердынцева (ранее Никольская).

Угол Ленинской и Советской улиц, в описываемое время здесь находилось почтово-телеграфное агентство. Внизу принимались посылки, телеграммы, заказные письма, продавались марки и конверты. Вверху был телеграф. Конечно, телеграммы наверх посетители не носили. Для этих целей был оборудован специальный желоб, который при помощи шестерни и веревки двигался по лотку вверх и вниз. К тому времени это считалось верхом совершенства, а сейчас вызвало бы смех.

Торговых точек действительно было в Мариинске очень много. Рядом с магазином Полуденцова стоял двухэтажный деревянный дом, принадлежавший Вишняку. Вверху он жил с семьей, а в нижнем этаже была своя парикмахерская, с наемными мастерами и обслугой. Особо важных клиентов Вишняк обслуживал сам, а мастер он был отменный и знал, у кого можно было заработать. Для этих клиентов он применял свои способности. Вишняк был большим конкурентом Гордееву, имея хороших мастеров, чистоту и опрятность в мастерской, чего у Гордеева не было. До смешного доходило, когда Гордеев выманивал клиентов у Вишняка, в этом помогал антисемитизм.

Не имея в кармане достаточно денег, мы всегда любили заходить в небольшой деревянный магазин, принадлежавший Бричковскому. В половине дома, выходившего на улицу, он имел магазин с продажей копченостей. Продавались колбасы разных сортов, окорока и многое другое. Приятно было зайти в этот магазин подышать ароматом этих изделий.

Школа № 2. В описываемое время там была женская гимназия, готовившая учителей. В этой прогимназии, как и в институте благородных девиц, готовили девушек к изяществу в обращении как в быту, так и при встречах с другими людьми. Вырабатывали осанку, как у манекенов, с расчетом на то, что их сверхкультурный разговор, поступь, прическа и многое другое, чего не было у простых людей, должно их выделить и дать право выйти замуж за более выгодного, состоятельного человека.

Защита от пожаров

Пожарное имущество и транспорт находились вместе с домом городской управы, в одноэтажном кирпичном доме в сторону Коммунистической улицы. Помнится, было 3 бочки с водой, две пожарные машины, работающие вручную, и еще одна повозка, в которой был войлок, скатанный из шерсти для того, чтобы накрывать находящийся рядом от горящего дома соседний дом. Этот войлок обливали водой, и он являлся вроде защитой. На этой повозке находились багры, пожарные лестницы. Пока запрягут лошадей, узнают на какой улице пожар да приедут, можно представить, что оставалось от строения. Пожары в городе были очень частым явлением и сгорало не одно строение, а несколько, а то и целые улицы.

Во дворе этих строений стояла знаменитая каланча, краса и гордость города. Это четырехугольное деревянное строение, у основания размером 4×3, сужающееся кверху, высотой 25 м. Недалеко от верха устроена площадка для круглого обхода, защищенная козырьком от дождя. Здесь же был прикреплен медный колокол. Все это устройство имело цель: дежурный на вышке при обнаружении пожара дергал веревку, на другом

конце которой закреплялся колокольчик уже в самой пожарной, пожарник выглядывал в окно и спрашивал, где пожар. Поднималась тревога и после запряжек выезжали на место происшествия. Иногда путали улицы. Иногда не было людей качать машины, подающие воду для пожарников.

Назначение медного колокола на самой каланче было... отбивать время. Дежурный пожарник на вышке по сигналу снизу должен был ударять в колокол...

Ударит один раз — значит, час, ударит два раза — выходит, два часа. Двенадцать часов ночи, били не 24 раза, как положено по московскому времени, а ударят 12, дескать, догадаются, что 12 часов ночи. Считают горожане удары колокола, сверяют часы, а какой-нибудь проказник удлинит удары на один или два удара сверх того, то есть 14, идут люди считают, недоумевают, а когда поймут, что неладно, плюнут и проходят дальше.

Культурная жизнь

Мало кто знает, что первый кинотеатр в Томской губернии появился именно в Мариинске. И назывался он «Фурор». Большие окна закрывались металлическими ставнями для затемнения помещения при показе картин. Может быть, некоторые подумают, что показ картин был звуковой, цветной с ярким показом. Ничуть не бывало. Даже не было электричества. Зал, где был показ картин, освещался керосиновыми лампами. Перед пуском картин они тушились. Механиками были в аппаратной Виктор Каратаев и Алеша Пузанков. Трудно сказать, каким путем подавался свет на экран. Этого света было довольно мало, поэтому показ картин был тусклый и требовал напряжения зрения. Конечно, картины были не цветные, при отсутствии звука, но люди были довольны. Кинолента в зале продвигалась вручную, поэтому для нормального показа механик должен был быть натренирован. Разъяснение хода картины давалось на самой ленте, где в печатном виде излагалась суть происходящего. В основном киноленты носили любовный характер, только в буржуазной среде, или же на религиозные темы. Помнится, шли картины под названием «Сим победиши», «Камо грядеши», «Хлысты». Показ кинокартины сопровождался игрой на рояле политического ссыльного поляка Савицкого. В свою игру он вкладывал душу. Видно, в игре он забывал свое горестное положение, и дивные звуки лились по залу, очаровывая присутствующих. На предварительном просмотре он подбирал ноты, которых у него было более чем достаточно.

С наступлением вечера молодые люди спешили на прогулку именно сюда, в центр города. Здесь они встречались с интересовавшими их людьми. Парами, не торопясь велись ими разговоры, думаю, что о любви. Видимо, эта традиция с гуляньем была создана много раньше, вошла в привычку и не нарушалась долгое время. Характерно, что и тротуары были построены более обширными, чтобы не мешать встречным парам пройти. Понятно, что владельцами тротуаров была городская знать, имевшая большие деньги и, видимо, поощрявшая эти прогулки.

Вот эта улица...

Я жил тогда на Алексеевской улице, еще раньше она называлась Цыганской, а сегодня это Коммунистическая. Переименования коснулись почти всех улиц. К. Маркса называлась Суворовской, Рабочая — Береговой, Социалистическая — Базарной, Пролетарская — Баимской, Чердынцева — Никольской, Советская — Гондатьевской. Список можно продолжить, но уже по приве-

денным примерам видно: раньше в названии улицы содержался определенный смысл, привязка к месту. Если Никольская, то само уже название говорило о том, что она брала начало от храма, Береговая тянулась по берегу реки.

В 30-е годы Мариинск был небольшим, компактным городком. За железнодорожной линией, не считая нескольких разрозненных строений, почти никаких построек не было. На территории нынешнего ДОЗа заканчивалась другая граница города, за которой кроме хуторов ничего не было. На месте Калининского находилось три хутора Калининых, от которых и пошло название поселка.

Городские улицы сильно разбивались в весеннюю распутицу и для прохода пешеходов стелились по одной стороне деревянные тротуары, но далеко не везде.

28 рублей за корову

Вернемся к началу 30-х годов. Процветала частная торговля. Множество магазинов и лавок торговали самой разнообразной продукцией. Будучи школьником, покупал себе на обед сочный пирожок с мясом. Обходился он мне в 5 копеек. Помню, в то же время отец купил корову и заплатил за нее 28 рублей. Конечно, и заработная плата была невысокой, что-то до ста рублей на хороших должностях.

Учился я в единой трудовой семилетней школе. Ныне в этом здании находится музыкальная школа. А в здании женской гимназии располагался уездный народный дом. На первом этаже был обширный историко-краеведческий музей, а на втором работали различные самодеятельные кружки. Когда семилетнюю школу перевели в УНД, он прекратил свое существование. Судьба музейных экспонатов мне не известна.

Пятница — базарный день

Вокруг Никольского храма раскинулся обширный мариинский базар. По пятницам съезжались сюда груженные доверху подводы с самым разнообразным товаром. Без преувеличения можно сказать: здесь можно было купить все. Зимой привозили на санях целые поленницы — дровами торговали. На территории бывшего хлебокомбината раскинулись обширные мясные и рыбные лавки. Не все торговцы помещались под железной крышей — многие пристраивались на крыльце, предлагая на выбор разнообразную рыбу в плетеных коробах. Евреи-предприниматели имели постоянные точки, их так и называли — лавка Стремнина, лавка Бличевского. Вообще евреев было много. Почти половина школьников (в классе нас было 36 человек) имели еврейскую национальность. Процветание мариинского базара длилось до 35-го года, а потом все разом исчезло и никогда уже не возрождалось.

Кирпич для мастерской

После закрытия Никольский храм долгое время пустовал, никаких служб в нем не проводилось. В 1940-м году МТС, в которой я работал главным агрономом, приобрела строение у горисполкома за 18 тысяч рублей. Требовался кирпич для постройки мастерской. Разборка началась летом и продолжалась около года. Никаких взрывов не проводилось, здание разбивали на блоки, ломали, растаскивали тракторами. Прочная кладка поддавалась плохо. Привлекали мальчишек, те за определенную плату очищали кирпичи от раствора. К тому времени основные колокола были уже сняты, оставшиеся мы спустили по плахам вниз и отправили в металлолом. Люди разобрали—поскольку вход был сво-

бодным—иконы. Жесть, рамы, косяки и битый кирпич распродали населению, выручив на этом 60 тысяч рублей. А через год построили из добытого кирпича мастерскую, находилась она на территории нынешнего райагросервиса и сегодня уже не существует.

Сухопутные бурлаки

Вспоминая 30-е, нельзя не сказать о репрессиях. В 37-м арестовали многих местных руководителей. Вызывали человека в Новосибирск, и он уже не возвращался. Так были арестованы первый секретарь Мариинского горкома партии Молотов, главный редактор газеты Козлов.

Случалось мне быть свидетелем тяжелейшего труда заключенных. В конце 20-х годов лесозавод находился за железнодорожным мостом на берегу Кии. Во время лесосплава бревна бились в опоры-быки, и решено было перевести завод выше по течению, на нынешнее место. На предприятии имелся локомобиль — массивная машина, работающая на пару и приводящая в движение пилы. Более ста человек заключенных тащили эту махину под конвоем на новое место. Это продолжалось несколько месяцев. В начале тридцатых в лагере Орлово-Розово тоже использовали заключенных как тягловую силу. Возили на них из Мариинска кирпич, фураж. Зимой в мороз, проваливаясь в снег, под крики конвойных и лай овчарок, люди тащили тяжелогруженые сани. Многие погибали. Потом это каким-то образом дошло до Москвы. Начальники лагеря были сняты с должностей, для лагеря приобрели лошадей.

Материалы подготовил к публикации
С. ШЕШУКОВ.

Н. Рыбакова

РЕАБИЛИТИРОВАННЫЙ ГОРНЫЙ

Прокопчане привыкли к неказистому культурному учреждению города — краеведческому музею.

Сколько же лет нашему музею? По документам — чуть больше тридцати. Решением исполкома музей был открыт в августе 1961 года. Немногие добавят, что образован он был на базе школьного музея, основанного юными историками под руководством М. Г. Елькина в 1953 году. И лишь единицы из числа старожилов припомнят, что еще до войны был в Прокопьевске музей.

В 1988 году, разбирая архив скончавшегося М. Г. Елькина, наткнулись на пухлую папку. Открыли — и ахнули! Анкета по учету музеев, заполнена 4 декабря 1932 года. «Прокопьевский районный музей. Год основания — 1923. Зав. музеем — Гаус Роберт Львович, геолог рудоуправления. Отделы музея — горнопроизводственный, сельскохозяйственный. Число экспонатов — около 500. Посещаемость — около 5000 человек в год».

Может, разгадка упорного умолчания в этой копии справки: «В отношении гр. Гаус Роберта Львовича, 1885 года рождения, осужденного 10 сентября 1937 г. по статье 5В-2, 9, 10 УК, постановлением от 8 июля 1957 г., приговор отменен, дело прекращено, он реабилитирован».

Да, за 20 лет между арестом и реабилитацией многое могло забыться. Репрессии, война, голод — до музея ли тут?! Или люди до того были запуга-

ны, что по инерции молчали? Хочется верить, что это не так. Во-первых, музей Гауса (будем называть его так) был особенным, с ярко выраженным горно-геологическим производственным уклоном. В этом легко убедиться, просмотрев структуру экспозиции и ряд других документов, написанных четким почерком Роберта Львовича. Вдумчиво разработаны сметы музея. В них включены посадка сада, приобретение оборудования для метеостанции, модельной мастерской, покупка эпидиаскопа и поляроидного микроскопа. При музее работали районное бюро краеведения и отделение Общества изучения производительных сил Сибири, а также школьный кружок краеведения и общественный актив.

Сам Роберт Львович — выпускник Томского технологического института, профессиональный геолог, мечтал о превращении прокопьевского музея в базовый угольный музей Кузбасса. Начало музею, по его словам, было положено находкой черепа ископаемого бизона. До 1932 года музей существовал благодаря энтузиазму своего создателя и небольшой группы активистов, куда входила супруга Роберта Львовича, замечательный педагог Евдокия Александровна Гаус. Именно она сохранила и передала Елькину документы музея.

Долгое время у музея не было хозяина, ютились в клубе им. Артема. В 1928 году потребовалась комната для библиотеки. Экспонаты сложили в ящики и перевезли в еще более неприспособленное помещение. Длительная борьба Гауса за строительство музейного здания заканчивается победой. Рудоуправление начало строить двухэтажный особняк площадью 760 квадратных метров. И когда стройка приблизилась к завершению, власти передумали и отдали помещение технической станции. Роберт Львович пишет отчаянное письмо в редакцию журнала «Советский музей», просит помощи. Идет декабрь 1934 года.

Бесчисленные циркулярные письма из крайоно (музеи тогда находились в ведении наробраза) требуют проводить в жизнь то ту, то другую директиву ЦК ВКП(б): то «пропагандировать технические знания», то «отражать весеннюю полевую кампанию», то «подтягивать транспорт».

Я понимаю, как трудно было Роберту Львовичу. Сама была в таком же положении, когда в 1980 году потребовалось «отразить» в экспозиции продовольственную программу.

В отличие от меня, у Роберта Львовича не было возможности иронизировать. Любое неосторожное слово могло стоить жизни, даже если не было произнесено. Из автобиографии Е. А. Гаус: «В 1937 г. мой муж, Гаус Р. Л., был взят органами НКВД и никаких сведений о нем с тех пор я не имею».

Создавая в 1989 году новую экспозицию, мы открыли ее портретом Роберта Львовича Гауса — в полный рост с геологическим молотком в натруженных руках. Любая экскурсия по музею начинается с рассказа об основоположнике нашего краеведения.

В. Н. СКАЛОН И ЕГО ЗАПИСКИ

Это необычное путешествие не по Амазонке или Конго, а по маленькой речке Ине, что протекает через Кузбасс и сливается с Обью в Новосибирской области, было предпринято молодым студентом Томского университета Василием и его братом Николаем, который приехал в Кузнецкую степь из Новосибирска. Василий Скалон все лето проработал на Станции защиты растений, занимаясь изучением сибирской кобылки и краснощекого суслика, проверяя методы борьбы с этими вредителями сельского хозяйства. В те двадцатые годы саранчовые и грызуны приносили значительный ущерб крестьянскому хозяйству.

Был конец августа, полевые работы на станции завершены, и В. Скалон осуществляет свою давнишнюю мечту — исследовать долину реки Иня. В пос. Камысла (теперь это поселок Промышленный) он купил лодку, простился с товарищами и местными крестьянами, которые никак не могли взять в толк, почему надо плыть по петляющей речке, когда проще и быстрее попасть в Новониколаевск по прямой дороге.

Но двое парней, загорелых, крепких, энергичных, 25 августа 1926 года на груженой лодке покинули пос. Камысла.

В дневниках, которые аккуратно вел В. Скалон, содержатся интересные записи экологического характера, дана характеристика биотопов и размещение комплексов видов зверей и птиц, экономические заметки по ведению хозяйства местными крестьянами.

Вернувшись в Томск после почти четырехмесячных полевых исследований, В. Скалон приступил к обработке большого коллекционного материала и записей в дневниках. Была собрана значительная коллекция грызунов, птиц, удалось провести интересные наблюдения амфибий и рептилий. Подготовлено к печати несколько статей.

В 1927 году в журнале Сибирского орнитологического общества «Урагус», издаваемого в Томске, выходит его работа «Птицы реки Ини»—первая работа о птицах Кузнецкой степи. В это же время в Берлине на немецком языке появляется статья В. Скалона о герпетофауне Кузнецкой степи. С тех пор прошло более шестидесяти лет и до сих пор почти нет работ по птицам этого региона, а о пресмыкающихся и земноводных не появилось ни одной.

В предлагаемом очерке профессора В. Н. Скалона описано путешествие по реке Иня, где автор с присущим ему легким юмором описывает встречи с местными жителями. Деревни, мимо которых приходилось проплывать и о которых пишет В. Скалон, сейчас для нас представляют большой исторический интерес. Уже нет тех плотин с прудами и мельницами, всюду наблюдается оскудение природы, разорение деревень. В 1990 году мне пришлось проехать через Кузнецкую степь и нигде не встретить ни одного журавля, в небе не видно ни луня, ни пустельги, ни тем более крупных хищников, как подорлики или орлы. Кое-где довольно многочисленными остаются только коршуны.

Река Иня — совсем узенькая речушка, заросшая по берегам тальником, превращена в сточную канаву промышленными предприятиями Ленинска-Кузнецкого.

— А где находится село Камысла?

Люди пожимают плечами.

Вид поселка Промышленная произвел на меня удручающее впечатление: пыль, грохочущие машины, извергающие клубы гари и копоти, раскиданные в беспорядке многоэтажные стандартные жилые дома. Сохранились и деревянные постройки, ча-

стично пришедшие уже в негодность. Где же та крепкая деревня с ее полями, выгонами и лугами, изобилующая живностью?

Путешествие, совершенное Скалоном в то лето 1926 года, явилось интересным исследованием, а за доклад, сделанный на конференции, он получил награду и хорошие отзывы и похвалу ведущих ученых-биологов Томского университета.

Нужно сказать, что в студенческие годы В. Н. Скалон не только учился, но много работал, так как помощи получать было неоткуда. Большая семья, а он как старший сын считал своим долгом по мере сил оказывать поддержку матери.

Однако учение в те годы проходило с большими сложностями для увлеченного наукой студента. В конце второго курса, весной 1924 года, Томский университет бурлил — проходили «чистки». Василий Скалон оказался недостойным быть в числе «пролетарского студенчества». Восстановили его только через два года.

Еще во время учебы в новосибирской Андреевской школе 2-й ступени взрослых он был тесно связан с работой в Краеведческом музее и пользовался расположением старых краеведов. Теперь ему предложили должность зоолога в Алтайской экспедиции, куда он и уехал на весь период полевых исследований. Следующее лето 1925 года он работает энтомологом на Станции защиты растений в степях Ордынского района Новосибирской области.

Восстановленный весной 1926 года, Василий Скалон активно включается в работу Сибирского орнитологического общества и принимает участие в редактировании журнала «Урагус». К нему благосклонно относятся профессора и многие сотрудники факультета. Остроумный и энергичный, лидер по природе, он собирает вокруг себя группу энтузиастов — молодых исследователей-студентов.

И вот новая возможность полевых исследований — теперь Кузнецкая степь. После окончания запланированных работ на Станции защиты растений Василий Скалон совершает путешествие на лодке по реке Иня от села Камысла до ее устья на Оби. Свое впечатление об этой поездке он записал, но этот его очерк остался неопубликованным.

На этом не закончились его путешествия в студенческие годы, а только начался большой и продолжительный цикл исследований животного мира, природы, экономики и быта населения тайги и тундры Сибири.

С большими трудностями и лишениями была проведена экспедиция в Нарымский край и Васюганье. Полученные крайне интересные материалы были представлены в виде отчетов и частично опубликованы. После четвертого курса он принимает участие в охотэкономическом обследовании бассейна рек Пура и Таза на крайнем севере Западной Сибири в бассейне нижней Оби. Экспедиция работала почти год.

Став известным специалистом и исследователем, В. Скалон на многие годы оставляет Западную Сибирь. Дальнейшие научные интересы его были направлены на изучение Таймыра и Восточной Сибири. Он исследует южный Таймыр и Якутию, Северное Приуралье и Алтай, Саяны и Туву. Большое внимание уделяет Юго-Восточному Забайкалью, работая в противочумной системе, а также проводит ряд исследований Приангарья и непосредственно Байкала. Призванный во время войны в армию, он попадает в Монголию, а по окончании войны заведует кафедрой зоологии Монгольского университета и организует экспедиции по этой стране. В шестидесятых годах работает в Казахстане.

В 1950 году он проявил огромную энергию и настойчивость в создании в Иркутском сельскохозяйственном институте факультета охотоведения. В 1960-х годах по его инициативе началась подготовка охотоведов и в Кирове.

Научные интересы В. Н. Скалона были обширны, энциклопедизм его знаний пора-

жал многих. Его вправе можно считать охотоведом и зоологом, этнографом и экономистом, историком и литератором. Но самое пристальное внимание на протяжении всей жизни он уделял вопросам охраны природы и комплексного правильного ее использования. Большую заботу вызывали у него малые народности Севера, их бесправие и грозящее вымирание.

Широкую известность получили его исторические труды: «Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века», «Речные бобры Северной Азии». В свое время наделала большого шума его книжка «Охраняйте природу», изданная в Иркутске в 1956 году, в ней он впервые критически высказался об академике Т. Д. Лысенко и И. Н. Мичурине. Всего им опубликовано более 400 научных статей и монографий.

В. Н. Скалон свободно владел тремя европейскими языками, знал некоторые славянские, а проводя много времени среди народов Сибири, общался с ними на их родном языке: эвенкийском, якутском, долганском и др.

Последние годы своей жизни Василий Николаевич Скалон посвятил Кузбассу, куда приехал летом 1975 года. Работая в Кемеровском университете, он развернул большую деятельность по комплексному изучению территории бассейна Томи, планируемой под затопление строящимся водохранилищем. Он не был согласен с постановкой многих вопросов и предлагал свой более щадящий вариант.

Профессор Василий Николаевич Скалон воспитал большую плеяду охотоведов и зоологов. Его ученики и последователи работают по всей стране.

Я, разбирая старые архивные материалы, случайно наткнулся на эту запись, сделанную в 1927 году. Она представляет несомненный интерес, на мой взгляд.

Т. ГАГИНА

В. Н. Скалон

ПЯТЬСОТ ВЕРСТ ПО ИНЕ ЗА ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Летом этого года мне удалось выполнить мою давнишнюю мечту — произвести исследование реки Ини, спустившись по ней на лодке на возможно большее расстояние.

Несмотря на кратковременность путешествия, оно оставило немало впечатлений и воспоминаний, которыми мне хотелось бы поделиться с любителями природы и спорта.

Река Иня, рождающаяся в отрогах Кузнецкого Алатау, проходит по степям Кузнецкого округа и, прорезав с востока на запад бывший Новосибирский уезд, впадает в реку Обь.

Несмотря на то, что берега ее довольно густо населены, а устье находится у самой «Сибстолицы», река Иня к стыду наших краеведов совсем не исследована.

Проработав лето в Кузнецкой степи, я решил воспользоваться случаем и вернуться в Новосибирск водным путем. Местом отправления послужило село Камысла, Красного района, где мы жили последнее время. Лежит оно в 200 верстах от Новосибирска, почти прямо на восток и я, согласуясь с картой переселенческого управления, полагал, что наш водный путь не превысит 300 верст. Увы! С первого же дня путешествия стала ясна неточность карты и ошибочность расчета.

Компанию мне составил мой брат, советский служащий Новосибирска, проводивший у меня свой месячный отпуск.

Слух о том, что «агрономы» хотят ехать в лодке в Новониколаевск, распространился по деревне и был встре-

чен общим удивлением и недоверием. Каждый из деревенских моих приятелей считал долгом проверить слух непосредственно и покачать недоверчиво головой. Практичному крестьянину была вполне очевидна экономическая несообразность такого путешествия.

— Сдурел ты, паря!— говорил мне 80-летний камышлинский весельчак, дедушка Лубей.— Пошто ты на лодке-то? Ты бы на машине, а то и на конях проще, надел вот короткие штаны и дуришь! (Дед очень не одобрял мои трусики).

Можно отметить, что из всех городских привычек, ничто так не изумляло и не обескураживало крестьян, как именно употребление трусов. Когда мы жили в заброшенном степном мордовском поселке Дивинском, то собирались целые толпы «женских» смотреть на неприличного «агронома», и в первое время наш проход по деревне превращался подчас в триумфальное шествие.

Лодку оказалось найти нелегко, владельцы-рыбаки или отказывались продать, или заламывали несуразные цены. Лишь после долгих поисков удалось нам приобрести неважную и небольшую дощатую лодку. Весла, уключины и «беседки» пришлось изготовить. Следует сказать, что крестьяне вообще очень слабо знают реку, нам удалось собрать лишь случайные данные о течении, количестве мельниц, извилистости и т. п.

Предшествующие поездке недели представляли сплошное ненастье и тем приятнее было видеть, как накануне отъезда черная стрелка анероида медленно, но верно поползла кверху.

Вот и утро назначенного дня. Забираем «манатки» и трогаемся на «пристань» — плотина за мельницей. Взято необходимое: постель, теплая одежда, ружья с припасами, ящик для шкурок, препаровальные инструменты... но увы! когда мы складываем все это на берегу, получается такая куча, что в голову приходят мрачные мысли. Однако начинаем погрузку. Понемногу все находит свое место, но когда садимся и мы, лодка нагружается так, что «запасу» остается не более вершка.

На берегу провожающие: остающиеся товарищи, чубач с женой, несколько крестьян и куча ребятишек... «Отталкивай!» Я на веслах, брат у руля, с берега советы: «Перегружено», «Нос загружен», «Корма низко», «Легче, легче!» «Ладно, Иня не Обь!»

Легкий ветерок чуть рябит воду, и мы ходко плывем мимо знакомых тальников и отмелей, за поворотом скрывается деревня, вот и поскотина! Прощай Камысла. Решено было грести по очереди, по 2 часа, а свободный сидел на корме, добывал птиц и занимался препаровкой.

Я забыл сказать, что кроме нас двоих, составляющих, так сказать, команду судна, был еще пассажир, мой ручной хорек «Черныш», помещавшийся на носу в стеклянном садке и вызывавший громадное любопытство всей встречающейся нам публики.

На протяжении всей Кузнецкой степи река Иня течет в невысоких берегах, среди непроходимых тальниковых зарослей в широкой пойме заливных лугов, усеянных озерами.

Весной она сильно разливается, покрывает луга, соединяет озера и большой бушующей рекой несется, срывая плотины и размывая берега. В этой стремительной массе мутной воды не узнать скромную, совершенно прозрачную летнюю Иню, на которой и течение-то можно подметить только ниже мельничных плотин.

Последнее обстоятельство не было нам на руку. Почти всю дорогу пришлось грести как по озеру; река переходит из пруда в пруд незаметно и благодаря слабому наклону русла

один пруд тянется на 10—15 верст и более.

Начали встречаться пернатые — речные обитатели. С заводей и прибрежных болот и из зарослей тростника постоянно срываются утки. В тальниках слышен свист певчих птиц. Зимородки — представители яркой фауны тропиков, блестя на солнце голубым своим оперением, то и дело проносятся над водой или, занятые рыболовством, сидят на веточке, зорко следя за плавающей рыбешкой.

Не дремлют и хищники, сокол чеглок проносится над кустами, лунь проплывает как бы нехотя в воздухе, орел налетает на нас... я спешу приветствовать его выстрелом, но дробь мелкая, и раненый разбойник отправляется восвояси.

Первую ночь мы провели в с. Лебеди. К нему правый берег значительно поднимается, переходя в высокий, покрытый лесом яр. За этот день мы проехали от Камысла всего лишь 14 верст, хотя ехали исправно и делали не менее сорока — сорока пяти верст. Это открытие нас изумило. Река Иня оказалась необычно извилистой, петля за петлей, извив за извивом, и мы часто проезжали за пять—десять сажен от только что проделанного нами пути.

Хозяин мельницы любезно предложил нам ночлег и ужин, и первую ночь мы пробудем под кровлей.

Поднимавшееся из-за горы солнце рвало густой туман, когда мы утром нагружали лодку. Заморозок давал себя чувствовать, скорее за весла!

Этим летом ранние заморозки дали себя знать крестьянину. Сколько раз я слышал жалобы на них — огурцы уничтожены, сильно досталось и другим овощам, на поле пострадала стоящая в полном цвету гречиха, хватило и просо.

По Кузнецкой степи часто слышны жалобы на повреждения зерновых хлебов, поля обследуются специальной комиссией.

Хорошо плыть в лодке ранним утром. Над неподвижной водой клочья тумана, который как будто движется, силясь оторваться от воды. Крики журавлей доносятся из «согры». Издали слышен шум просыпающейся деревни. Вздрагиваешь от налетевшего ветерка и сильнее налегаешь на весла.

Солнце лезет все выше и выше, вот и от тумана нет следа, если не считать крупных капель, которыми блестит густая прибрежная трава. Быстро согревается воздух, и невольно «разоблачаешься», снимая постепенно покровы, пока не остаешься в наряде столь легкомысленном, что становится понятным ужас и недумение поселян, не привыкших к ультраспортивным костюмам.

Река продолжает вилять, приходится отказываться от предполагавшихся остановок для экскурсий, и мы плывем и плывем, решив добраться до п. Титово к вечеру. Ночевать мы решили «на воле». Слишком неприятное впечатление оставляют ожоги, причиняемые маленькими резвыми скакунами, исконными обитателями крестьянской избы.

Вечереет, и приходится заботиться о ночлеге. Пристаем в удобном месте к берегу и, вытащив вещи, устраиваем постель на высоком берегу реки. Для подстилки экспроприируется 2—3 охапки сена из ближайшего стога. Вот уже совсем темно и костер не рассеивает, а резко сгущает темноту вокруг. Что ни куст — то чудовище.

Несмотря на усталость, я долго не могу заснуть, любуясь чудной картиной лунной ночи. Ярким призрачным светом залито все вокруг, но темна река, темны кусты, словно тушью рисованы. Тихо и неподвижно.

А утром все мокро, роса смочила все как дождем. Ну, в путь.

Большое село Титово расположено

на обеих сторонах реки Ини, едешь, едешь, а оно все тянется. В нем покупали мы продукты. Кооператив довольно жалкий: чего не спросишь — нет. У крестьян вся семья на пашне, купить съестного мудрено. Дома одни старики, а со стариками какие разговоры — спасибо, глядит она на мужика: «нетути, батюшка! Какой ноне хлеб, голодовать будем», а у самих дом «круглый» с коньком, завозни да стайки с разной «домашностью» показывают, что это хозяйство можно отнести к разряду зажиточных. Особенно трудно было достать яиц. С ранней весны слышал я о широко распространившейся эпидемии кур. На моих глазах целые семейства оставались без птицы и то и дело приходилось видеть «женских» пришедших к соседке попечаловаться о своих хохлатках.

Только ниже Титова сделалось возможным покупать в кооперативах этот простой и важный продукт.

Кстати, с одной из подобных покупок связано занятное происшествие. Приехав в с. Абашево, лежащее ниже Титова по Ине, я пошел в кооператив. Был какой-то из многочисленных праздников, и кооператив, являющийся обычно чем-то вроде импровизированного клуба, был полон народа.

Узнав, что яйца не продаются, хотя и есть, я пошел к председателю правления и, объяснив цель моей поездки, без труда получил разрешение приобрести требуемое количество яиц. Пока приказчик отпускал мне товар, все взоры обратились на меня и какой-то старичок с солидным брюшком и масляными глазками отпустил на мой счет какое-то замечание. Я ответил шуткой. Старичок осердился и начал говорить о том, что вот-де, шляются шарлатаны и что надо бы «допросить его». Вдруг сзади кто-то возгласил: «документы!» и я увидел перед собой личность в сером. Что-то особенное в лице и позе незнакомца заставило меня потянуть носом... да! обоняние с несомненностью указывало на присутствие в помещении доброго старикашки Бахуса. «Документы!»—провозгласил настойчиво неизвестный. Увидев, что он обращается ко мне, я с удивлением спросил, что ему нужно, и потом между нами произошел следующий диалог:

— Давай документы!

— А Вы кто такой?

— Председатель.

— А у самого у Вас есть документы?

— Нет, они... в совете.

— А зачем Вам понадобились мои?

— Потому время такое! Шляются личности... а я, как есть председатель,— и он замолчал.

Крестьяне стояли кругом и молчали. Пузатый старичок ехидно посмеивался, глядя на нас.

— Время сейчас спокойное, товарищи,— сказал я, расплачиваясь,— а если вам хочется узнать, кто я, спросите у предкооператива, с которым я сейчас беседовал, или идемте к берегу Ини, там сами увидите.

Я обратился к серому:

— Я могу предъявить документы лишь тогда, когда удостоверюсь, что Вы имеете право требовать.

Смущенный улыбками крестьян, он устремился за мной, крича:

— Я Вас задержу! Я арестую!

Видя, однако, что я не оборачиваюсь, он отстал и, повернувшись, пошел наискось по улице.

Я посидел на берегу, разговаривая с крестьянами и поджидая ретивого администратора, но он не появился, и мы продолжили путь.

Приближаясь к Новосибирскому округу, замечаешь резкое изменение в характере берегов. Густой березняк виден по нагорному берегу, а ниже с. Абашева вплотную к реке подходит гряда холмов. Один из них представляет солидную возвышенность, укра-

шенную живописным утесом. Забравшись на него, можно видеть изменения в местности — степь уступает место лесу.

В первый раз видим мы течение на Ине, то и дело стрежни, мели, чуть зазевается рулевой, глядь, уже «тык»... упираешься веслом, мачтой, ворчишь и, потеряв терпение, ползешь в воду и стаскиваешь упрямую посудину с понравившейся ей мели.

Подъезжая к Кабкову, мы увидели на плотине множество народу. Кучи хвороста, возы земли и соломы показали, что это «стелют слань» — готовят плотину. Не останавливаясь и не изменяя костюма, двинулись мы в узкий проход неперехваченного вершника, а все сборище, бросив работу, в немом изумлении смотрит на нас. Мы почти уже проскочили, когда посыпались вопросы: «Кто такие? Куда? Зачем?.. Пошто без рубашки? Что тело-то так обгорело!» и т. д. Мы смеемся, отвечаем на вопросы, но, видимо, нам не верят и оживленно обмениваются мнениями. Вдруг выкрики: «Ходя, соли надо?»

Слышится топот множества ног, крики «Китайцы! Китайцы едут!» — и на мосту паника. Выстраиваются целые шпалеры детей, женщин и даже мужчин, вперящих в нас глаза и без стеснения отпускающих замечания.

Кто попадет теперь в Кабково, тот, наверное, услышит повесть о том, как по Ине ехали с неизвестными целями два китайца и что из этого вышло.

В этот день мы хотели проехать Усть-Сосновку, но невозможные извивы реки задержали нас ужасно. Дело шло к вечеру, темнело, течение помогало веслам, и мы быстро неслись вперед. Берега становились все красивее: левый берег стал горист, и впервые мы увидели на нем высокий березняк, а справа густая урема создала непроходимую чащу. То и дело мелькали летучие мыши, которые так редки в степи.

Наступила ночь, и мы тщетно искали удобного местечка. Угрюмые деревья, нависшие над водой, не давали возможности высадиться. Вот и просвет, справа пошли луга, но берег все еще обрывистый. Пристаем кое-как и располагаемся на крутом откосе у подножья обрыва.

Только тот, кто когда-нибудь спал на ложе под углом чуть не в 45°, может понять, до чего это неудобно, даже усталость не помогает. Чуть заснул, а уж подушка уехала и снится, что ты катишься с Монблана в пропасть, спасая жизнь, цепляешься в отчаянии за скалу и просыпаешься от сонного ворчания, нет Монблана, а оказывается, это сосед, который спросонья доказывает, что «он не железный?» Оправляешь испачкавшуюся в глине подушку, стараешься уснуть.

Село Усть-Сосновка расположено на высоком правом берегу, совсем малиновом от выхода какой-то особой породы. Это «Район». Тут благоустроенный кооператив, большая школа, спортплощадка... без труда покупаешь что нужно, на улице не являешься предметом общего внимания... но дальше время не ждет.

В этот день мы выехали из кузнецких пределов.

Село Тусьма — первая деревня Новосибирского округа. Перебраться через высокую плотину нам весело и дружно помогли помольцы, немало, впрочем, подивившиеся на нас. Не обошлось и без комизма: явившийся сельский исполнитель решил проверить документы, но когда я достал отпускной билет, оказалось, что все присутствующие вместе с исполнителем неграмотны. Послали за грамотеем, и он при моей помощи разбирал: «фи-зи-ко ма-те-ма-ти-чес-кий фа-куль-тет»; расстались мы друзьями.

Ночевать пришлось на гладкой от-

мели, на подстилке из ивовых ветвей, близ деревни Киик.

Киик красиво разбросан в густом сосновом бору левого берега. Это первый раз встретили мы бор, но зато в последующие дни почти все время могли любоваться его густой темной зеленью.

В этот день в деревне Кусково мы имели удовольствие осмотреть лучшую из всех встречающихся нам мельниц, принадлежащую кредитному товариществу. Большая, на 5 поставов с разными усовершенствованиями.

Зав. мельницей любезно показал нам все, а потом за чаем мы приятно провели время в интересной беседе.

Дела кредитного товарищества идут прекрасно, тут видишь организацию с большим и широким будущим. Без анекдота не обошлось и здесь. Подъезжая к Кускову, мы заметили верхового, который тупо поглядел на нас, а потом во весь дух поскакал вперед. Встречать нас вышло все население мельницы. Оказалось, что крестьянин-помолец прискакал и заявил, что по Ине едут «неведомые люди, черные, не то в резину затянутые (?!), не то обгоревшие от солнца».

Даже потом он смотрел на нас недоверчиво и все говорил о том, что не мешало бы документы проверить.

Ниже холмы подходят вплотную, давая впечатление гор, их покрывает густой красивый бор, и так обидно, что нет времени высадиться и побродить по этим местам.

Следующую деревню проехали не останавливаясь, благо, не было мельницы, но зато без труда перебрались через полуразрушенную вешней водой плотину, несколько ниже деревни.

Тут опять курьез. Когда мы проезжали мимо селения, нас заметили, и вот двое крестьян запрягли коней и поехали «со чады и домочадцы» на плотину посмотреть невиданных людей. «Женским показать»,— объяснили они нам. Мы как могли удовлетворили их любопытство, но они были разочарованы — им так хотелось посмотреть негров или китайцев.

Ниже встретили поселок Инской, населенный «хохлами», переехавшими лет пятнадцать тому назад. Пойдя туда за хлебами, с большим интересом наблюдал эволюцию переселенческого хозяйства: новые строящиеся дома, просторные и красивые, протянулись широкой улицей в высоком невырубленном березняке. Чуть не в каждом дворе машины, возвращающееся большое стадо крупных коров и овец.

А рядом с этими домиками лепятся темные ужасные хатки или даже землянки — настоящие норы, обвалившиеся, заброшенные. В этих-то жилищах ютились переселенцы, пока «не справились» в течение многих, может быть, лет. В двух-трех местах даже так — землянка, рядом плохонькая хатка и новый, высокий пятистенный дом, крытый тесом.

Старушка, к которой я зашел купить хлеба, певучим хохлацким говором, пространно рассказала мне историю переселенческих бедствий, демонстрируя прежние и новые свои жилища.

Кстати, во всей деревне я не мог купить хлеба, но зато почти каждая старушка — все работоспособные живут в поле — старалась вручить хлеба даром: «Грех, родненький, грех со странника деньги брать. Вот возьми краюшку, не обидь—возьми!»

На берегах теперь часто встречались засевшие оставшиеся от весны бревна.

Сплав леса по Ине начинается там, где к берегам подходит бор. Со вскрытием воды спускаются ранее заготовленные плоты и вот несутся они с половодьем, бросаемые мутной водой. Через плотины они прямо «перевариваются», причем не обходится и без несчастий. Просто и картинно рассказывал нам на плотине плотовщик:

«Ничего, как ухнет, только держись, так и мелькнет все».

— А случалась с вами беда?

— Нет, не случалась, один раз захлестнул под Борышевской мельницей, да справились...

— Страшно было?

— Какой страх, тут и испугаться не успеешь, не до того.

Просто русский человек относится к опасности. На другой день мы переехали мимо самого красивого места по Ине. Река врезается в высокую гору, одетую бором, и она отвесным обрывом падает вниз. Местами выход плитняка дают дикие на вид утесы. Картина, напоминающая средний Урал, невольно вспомнилась мне, Садка, Сим, Уфимка... портит картину противоположный берег, но там другая прелесть. Весь он зарос ягодными кустами. Тут и гнущиеся под ягодами ветви черной смородины, крупной, словно виноград, и «кислица», и черемуха, и ярко-алая калина.

Как мы ни торопились, а подъехали к берегу и прямо с лодки наломали веток. Вообще, ягод по Ине масса, обрывают их, видимо, близ самих деревень и берега, подчас — сплошной ягодник, ешь — не хочу.

В этот же день миновали мы Гутово. Это самое большое, должно быть, село по Ине. Мы проехали не останавливаясь, но даже с реки бросалась в глаза «культура»: хорошие здания, прекрасный мост, группа детдомовских ребятишек с няней и два по-городски одетых типа на берегу.

Обратил на себя внимание и скот. Очень крупные коровы с примесью симментальской крови.

Ввиду приближающегося дождя, решили ночевать на мельнице следующего поселка, но вся она была наполнена народом и вот, несмотря на темную ночь, мы перебрались через плотину и двинулись в пространство.

Тьма кругом. Небо в тучах. Едем словно по чернилам, чуть намечаются массы берегов, а река словно узкий мрачный коридор.

Кажется, что несешься стрелой и невольно становится жутко — коряга, мол и... холодная ванна, немного из вещей удастся выловить потом.

Никакой надежды на пристанище, подъедешь к берегу, все обрыв и обрыв, неужели придется ехать до рассвета?! Вдруг толчок... лезу в воду и — о счастье! Это обширная каменистая отмель. Живо вытаскиваем лодку, опрокидываем над вещами и стали залезать в нашу берлогу, вовремя!

Только улеглись, как по днищу забарабанил дождь. Его назойливая музыка продолжалась до рассвета и утром мы выехали под свинцовым небом. Как мрачно стало все с ненастьем, словно и река изменилась, и лес. Стало серо и неприветливо.

Этой ночью постигло нас несчастье: сбежал наш пассажир «Черныш», стеклянный садок лопнул незаметно, и он оказался на воле. Ночь, кусты... инстинкт пересилил приобретенные привычки, и утром я тщетно искал моего питомца.

Невесело путешествовать в ненастную погоду, сидишь одетый, босые ноги мерзнут, скверно! Хорошо, что оно захватило нас на два дня.

В селе Мотково нас поразили мачты радиотелеграфа, возвышающиеся около прекрасных домов местного кредитного товарищества. Вот она близость Сибстолицы.

Ниже Мотково нам встретилась оригинальная мельница. Прежде всего, нет плотины, а маленький домик стоит на стрежне, причем река до половины перегорожена наискось для усиления течения. Пока мы протаскивали лодку через быстрину, успели убедиться, что эта мельница мелет как сама захочет. То вдруг быстро-быстро завертится колесо, то вдруг встанет,

то важно и медленно вращается... Странное сооружение.

Быстрины и мели стали обычными явлениями. Русло круче, пруды короче, и часто приходится выползать из лодки и влачить ее на себе до глубокого места.

Предпоследняя ночевка не обошлась без приключения.

Из деревни Березово выехали мы уже под вечер, крутые берега не дали возможности высадиться, и мы поехали до мельницы. Темно, как в желудке негра, только слышно, как вода шумит на невидимой плотине. Небо грозит дождем.

Подъехав к берегу и осмотрев плотину, мы убедились, что перебраться прямо невозможно, отвесно спускается высокая слань и прямо под ней глубина.

Что делать, идем на мельницу проситься ночевать. В просторной комнате обрели четырех упитанных парней— хозяев, мельница, кажется, частная.

Попали мы, по-видимому, к пирушке совсем не вовремя, шел картеж. Нас встретили совсем не любезно и заявили, что «ночевать негде, все занято», хотя кругом было даже очень просторно. Мы не стали требовать и только хлопнули дверью.

Сколько было хлопот с перетаскиванием вещей из лодки. Чуть не ощупью вынимаешь вещь, да невольно тянешь лодку, спускаемся, чиркая спички, и наконец нагружаешь, рискуя каждую минуту совершить отчаянное salto mortale. Ну, вот и перетащились. Хозяйчики пришли было с разговором, любопытствовали, но наш прием им, видимо, не по вкусу пришелся, так как они живо показали нам спину.

Мы на лодке. Куда ехать? Двигаемся наудачу и попадаем на мель. Я вылезаю, тащу лодку — о ужас!—нащупываю еще плотину! Становится глубже, хотя вода куда-то протекает. И несмотря на холод, я раздеваюсь — и что же? Мудрые хозяева, стремясь выловить всю рыбу, перегородили реку плотными заборами, оставив отверстия лишь для морд.

Приходится разбирать забор, вытаскивать морду и все это в кромешной тьме. Теряется кормовик, натыкаешься на колья, но вот преграда удалена, плывем и натыкаемся на мель. Вылезаю — тупик, нет реки. Новые исследования — и наконец находим дорогу. Скорее за весла!

Ночь была такая холодная, что мы совсем замерзли. Плывешь словно в пустыне. Было так одиноко и неуютно, дорога казалась бесконечной и, право, впору удариться в черный пессимизм. Однако все имеет конец, и мы нашли небольшую отмель в дельте крошечного ручья, на которой оказалось возможным опрокинуть лодку.

Вот уже принялись за дело. Живо развели костер, и опрокинутая лодка показалась лучшей комтозовской квартирой. Мы так продрогли, что думалось, что это добром не кончится, тем более, что ложиться пришлось в отсыревшую сильно постель. Однако утром встали как встрепанные и бодро двинулись в путь. Хоть бы насморк привязался, что ли, ничуть не бывало! А в городе чуть промочишь как следует ноги, глядь — уже пошел менять платки.

Приятно было сознавать, что от цели нас отделяет всего лишь две деревни и две плотины, легче казался ход лодки, быстрее двигались руки. Село Барышево памятно громадной мелью, тянувшейся на всем его протяжении. Сколько крови мы попортили, перетаскивая лодку по вершковой глубине и садясь лишь затем, чтобы тотчас вылезти снова. Но вот глубина, и легко скользим по воде. Село велико. Украшено мачтами радио и густым сосновым бором, уходящим вниз к Логовушке.

А погода напоследок словно решила нас побаловать. Туч как не бывало, ветер совсем стих, как по зеркалу скользим мы по Логовушкинскому пруду, любуясь прелестными берегами. Чувствовалось дыхание осени. Несмотря на лучи солнца, ощущаешь острую свежесть воздуха. Лес начинает краситься пурпуром и золотом осенней листвы. Как-то особенно легко и приятно дышится.

Логовушка — типичное подгородное село, об этом говорят и полугородские костюмы обывателей, личности «дачного типа» и песни красноармейцев, стоящих лагерем. А там за знакомыми холмами чуется Сибстолица.

За Логовушкой река выпрямляется и светлой лентой тянется к Оби, вскоре становится виден железнодорожный мост. Под вечер подъехали к нему. На берегу костры, это горожане выбрались под воскресенье «на лоно природы». У одного куча ребят.

— Дяденька, перевезите!

— А вы кто такие?

— Пионеры 21-го отряда.

— А папироски почему?

Слышится смех и циничное ругательство.

— Ну-ка, ребята, им про пионеров,— советует грубый голос из темноты. И вдруг оглашается похабными частушками. Так и есть, это беспризорники со своими старшими братьями — «блатными»—поместились здесь. Печальное соседство. Под мост проехать никак нельзя, и мы по возможности тихо выбираемся в укромном местечке. Тщательно прячем вещи под лодку, а ночной воздух оглашается издали песней и криками несчастных детей.

С разрешения начальника охраны мы ранним утром проехали под мостом под зорким взглядом неподвижного часового наверху.

Усердно налегаешь на весла, пошли хорошо знакомые места. Народу уйма. Всюду костры, на лодках рыболовы — почтенные старички и зеленая молодежь — все, насидевшись в канцелярии, стремятся подышать, хоть немного взглянуть на природу. Мимо! Мимо! Вот Инюшка, Курья, несшая прозрачные воды Ини, переливаются мутной струей.

Путь по Ине окончен! За нами осталось добрых 500 верст пройденного пути. И все эти часы, проведенные на веслах под лучами солнца или на холодном ветру, все эти мели и плотины, когда мы принимали на себя тяжесть груженой лодки, мы уносили с собой в черно-коричневом цвете кожи, в налившихся окрепших мускулах. И не скоро затхлый воздух лабораторий, «квартир» и канцелярий сумеет вытравить то, что мы приобрели за эти немногие дни.

1927 год.

Е. Кривошеева

ЧЕРЕЗ ГОДЫ...

В 1992 году исполняется 70 лет со дня образования на территории Кузнецкого края Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». В этом промышленном объединении вместе с российскими рабочими работали инженеры и рабочие из многих стран мира.

Разные пути привели их в Сибирь: одни наивно, но искренне мечтали воплотить здесь идеи социального равенства, коммунизма, другими руко-

водствовало благородное чувство отдать свои силы и знания возрождению экономики России.

За многие годы, прошедшие с того времени как появились в Кемерове рабочие и специалисты из Америки, Германии, Бельгии, Нидерландов и других стран, интерес к этой странице истории не исчезал. Написаны книги, статьи... Но с каждым новым фактом, добытым в архивах, газетах, при встречах с людьми, причастными к истории АИК «Кузбасс», открываются новые грани этой истории... Не все просто и однозначно в ней. Тем важнее собрать, сохранить и изучить документы, воспоминания. АИК «Кузбасс»—часть истории Кузнецкого края.

...Накануне юбилея АИК «Кузбасс» мне посчастливилось посетить Нидерланды[1], родину руководителя АИК С. Рутгерса, страну, из которой в Россию приехали А. Стрейк, Герхард Схоорл, Ван дер Эсс, Бегеман, Слагман и многие другие.

В этой стране и сейчас живут дети (теперь уже пожилые люди) тех колонистов, которые строили коксохимический завод, работали на шахтах, возводили дома на Красной Горке.

В семьях бывших колонистов бережно хранят письма, фотографии, вещи — все, что напоминает о той поре, когда их родители, покинув благополучные Нидерланды, ехали в страну, пережившую грозные события, разоренную гражданской войной...

...Живет в пригороде Амстердама со своей семьей Марселла Фис, дочь Кооса и Нэлл Фисов. Родители ее в 1923 году приехали в Кузбасс. Коос Фис, инженер, талантливый изобретатель, несколько лет работал в Кемерове и на Гурьевском заводе. После ликвидации АИК семья Фисов жила в Новочеркасске, Подмосковье, Харькове. В СССР родились дети Фисов, Марселла и ее брат Владимир. В годы войны семья жила в Ижевске, где отец Марселлы и Владимира работал на военном заводе. Его помнят как прекрасного человека, талантливого инженера, не щадящего себя, отдававшего все силы работе. В Ижевске Коос Фис заболел, и надорванный тяжелой работой организм не выдержал...

В 1947 году семья вернулась на родину. Нэлл Фис, как вспоминает ее дочь, всегда хранила память о годах, проведенных в Кузбассе. Марселла хорошо говорит по-русски, работает с русскими туристическими группами. Для нее очень дорого все, что связано с памятью о родителях и их пребывании в СССР. Она искренне заинтересована в том, чтобы о связи Нидерландов и нашей страны знали больше. Помню ее слова, сказанные на встрече с представителями общества культурных связей «Нидерланды — СССР»: «...надо, чтобы не только мы — дети аиковцев — помнили о связях нашей страны и России, мы должны рассказать об этом своим детям, внукам. И сейчас очень важно сохранить память об этой странице истории».

В каждой семье бывших аиковцев есть интересные документы. Их надо собрать, сохранить. Большую заботу об этом проявляет Том Схоорл, сын Герхарда Схоорла. Том, как и его сестра Анни, родился в Кемерове в 1928 году, когда здесь работали в АИК его отец и мать.

Именно благодаря участию Тома и его супруги Альберты в их доме в один из августовских дней собрались дети, родственники колонистов. Каждый из них искренне хотел что-то сделать для восстановления истории АИК. Сын инженера Ван дер Эсса принес несколько фотографий, на одной из

---

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность Управлению культуры, обществу ВООПИК и Кемеровскому отделению фонда культуры за оказанную помощь в организации этой поездки.

них его отец, инженер Ван дер Эсс. (Это о нем в личном деле, хранящемся в Кемеровском облархиве, записано: «...один из знающих специалистов»).

Знаменательно, что в руках этот старый человек держит фотографию с изображением одного из домов на Красной Горке, где жил аиковский инженер в далекие 20-е годы.

Интересную фотографию привез сын инженера Бегемана, искусствовед, живущий сейчас в Нью-Йорке. Он, как и Том Схоорл, родился в Кемерове. На фотографии один из кемеровских домов, он связан с памятью о каких-то событиях и на обратной стороне фотографии Бегеман пишет по-русски: хочу знать, сохранился ли этот дом сейчас...

Долгие годы Анни Диккер (сестра Тома Схоорла) хранила в своем домашнем архиве любительские фотографии из кемеровского альбома своей матери Тине Страубе-Схоорл. Это целый мир из жизни голландцев в Кемерове. Дома на Красной Горке, группы колонистов... Вместе с фотографиями Анни Диккер дарит будущему музею автопортрет архитектора Ван-Лохема, того самого архитектора, которого пригласил Рутгерс в надежде построить жилые дома по голландскому образцу. Жаль, что удалось построить лишь маленькие домики для приехавших голландских специалистов. А планы были обширные: Ван-Лохем был довольно известным в Нидерландах архитектором. Он хотел воплотить свои смелые архитектурные проекты в сибирском городе.

Состоялась и еще одна интересная встреча. В гостеприимный дом Схоорлов приехала племянница инженера Д. Схермерхорна.

Трагична судьба этого человека. Он приехал в Россию с горячим желанием отдать свои знания новому государству. Хотел работать для нового общества свободных людей, где не будет тех негативных сторон, которые он видел в отношениях рабочего и собственника. После ликвидации АИК Схермерхорн остался в стране, с которой связывал свои надежды. Он работал в Москве, в Наркомате путей сообщения, на строительстве Метростроя. Здесь жизнь столкнула его с одной из одиозных личностей — Кагановичем. Образованный инженер вынужден был подчиняться человеку, привыкшему раздавать указания, не обладая ни малейшими знаниями конкретного дела. Тогда модно было к юбилейным датам пускать недостроенные заводы, не освоенные дороги. Так было и в споре Схермерхорна с Кагановичем. «Победил» Каганович. Результат — одна из аварий. А вывод, как и следовало ожидать,— орудуют враги. А тут еще инженер-иностранец. Так трагически завершилась судьба Схермерхорна. Остались жена, дети...

Все это поведала родственница Схермерхорна. Стали известны и адреса его детей, проживающих в России. Голландцы, отдавая дань этому достойному человеку, сняли о нем фильм. И мне посчастливилось его увидеть в Нидерландах. Жаль только, что в этом фильме нет «кузбасских страниц». И наверное, надо заполнить этот пробел в судьбе голландского инженера.

Из семьи Рутгерсов в Нидерландах живет один Ян Рутгерс, сын руководителя колонии Себальда Рутгерса. Ему уже за 80 лет, но он бодр, проявляет интерес к нашей истории (недаром на встрече в Рейксмузее он задал мне вопрос — как историки относятся к истории своей страны, думают ли они над ее новым изложением).

Живет Ян Рутгерс в очень голландском городке. Его дом стоит посреди зеленой лужайки, выходящей на берег Лондрехтского озера. Открывая калитку своей усадьбы, он шутливо

проговорил по-русски: «Здесь живет Иван Рутгерс». Он помнит Кемерово, АИК, хранит фотографии отца, одну из которых дарит будущему музею.

И еще одна встреча. Мы едем навестить Ольгу Слагман. Имя электрика Слагмана встречается в документах Кемеровского архива. Он приехал по приглашению С. Рутгерса. И в Кемерове встретил женщину, в которую влюбился и предложил руку и сердце. Его избранницей была молодая русская женщина, работавшая машинисткой в АИК.

И вот мы в доме Ольги Слагман. Она живет в специальном доме для престарелых (кстати, ничего общего не имеющего с нашими представлениями о таких домах). Ольге Слагман уже много лет. Она прожила в Нидерландах большую часть своей жизни, но не забыла язык своей родины. Дочь ее Нэлли тоже неплохо говорит по-русски. Она родилась на Украине, где работал ее отец после отъезда из Кемерова. «У нас была веселая свадьба, были мои русские друзья. Но главным гостем был Рутгерс».

После ликвидации АИК несколько лет Слагман работал на заводах Украины. В один из приездов Рутгерса в Москву Слагман, как рассказывает Ольга Слагман, встретился с ним. «Вы должны уехать на родину». Что было за этими словами Рутгерса? Предупреждение? Слагманы уехали. Решиться на отъезд было нелегко. «Если бы не дети, наверное, не уехали бы»,— тихо и печально говорит старая женщина.— Трудно было первые годы: без родных, без языка. Но жизнь берет свое. И вот уже много лет живет в Голландии наша соотечественница, кемеровчанка, гражданка Нидерландского королевства Ольга Слагман. В памяти остались далекие годы... Ольга Слагман помнит многих аиковцев — Баарса, Схоорла, Бегемана, но особенно тепло говорит она об Антоне Стрейке, том самом инженере-строителе, который строил дома, участвовал в реконструкции шахт, создал не один строительный проект. Жаль, что до сих пор не нашлись его родственники. Сам Стрейк в конце войны погиб в немецком концлагере. Провожая нас, Ольга Слагман, обращаясь ко мне, говорит: «Голландцы должны помнить, что русские хорошо к ним относились... они не должны обижаться...»

В этот августовский вечер, когда в гостиную Т. Схоорла входили пожилые люди, я не могла знать, кто они. Но вот двух женщин — сестер я сразу узнала. Это дочери инженера Баарса. Их мать, молодая индонезийка, была женой Баарса. Она вместе с ним приехала в Кемерово. Я помню ее по фотографиям, подаренным Анни Диккер... Зовут дочерей Баарса Маша и Люся, не Мария и Людмила, а именно так, уменьшительно. Может быть, отец дал им такие имена в память о своем пребывании в России. Баарс играл видную роль в колонии. Он главным образом осуществлял связи с зарубежными, особенно германскими, фирмами. Судьба его непростая. В свое время, по-видимому, он выступил с критическими оценками и нашей действительности, и деятельности колонии (так рассказывал мне голландский журналист). Многие бывшие его друзья отрицательно отнеслись к его поступку. Но надо знать все досконально, чтобы судить об этом...

Многое, что происходило в нашей стране, было достойно суровой критики. Ее мы встречаем и в письме А. Стрейка в Нидерланды. А уж его нельзя заподозрить во враждебности. Может быть, в чем-то Баарс и был прав.

В годы второй мировой войны он погиб в концлагере. А в семье его бережно хранились документы: мандат, подписанный Б. Хейвудом, письма...

Недавно в Кемерово пришли копии этих документов.

В Новом районе Амстердама стоит современное светлое здание. На фасаде его надпись — Институт социальной истории. Это своеобразный научный центр, изучающий историю рабочего и общественного движения. В просторных, прохладных залах работают ученые, студенты.

Здесь, в этом здании, идет большая работа по изучению истории общественных движений, истории профсоюзов. В архиве института сосредоточены материалы из многих стран. В том числе и из нашей страны. Здесь хранятся документы по истории АИК. Эти документы передали институту родственники аиковцев. Компьютер сразу выдает сведения: материалы о Рутгерсе, о Коосе, Схермерхорне. И вот я уже листаю аккуратно сложенные письма, мандаты, фотографии, газеты со статьями о работе голландцев в Кузбассе.

Передо мной письма инженера Кооса из Кемерова в Голландию своим родителям.

Каждую неделю инженер Коос сообщает своим родителям, как идут дела в колонии, как работается, как складываются отношения между иностранными и местными рабочими и инженерами. А на полях писем, а иногда и на отдельных листах Коос делает зарисовки: вот дом, где живут колонисты, комната, служащая и спальней и кабинетом. Как ценны эти маленькие крупицы истории... Хотелось бы опубликовать их русский перевод. (Письма — прекрасный исторический документ, особенно, если они написаны честным и искренним человеком). Их много, этих писем, и Марселла Фис обещает их перевести и, может быть, мы в недалеком будущем прочтем их и вернемся в те далекие, трудные двадцатые годы...

В одной из этих папок, хранящихся в архиве Амстердамского института, собраны материалы о Дирке Схермерхорне. Нидерландские газеты не раз писали об этом человеке, печатали фотографии: Схермерхорн с семьей, с сыновьями. А вот и письма, присланные в Нидерланды дочерью Схермерхорна. Эти письма ее мать Франсиска Схермерхорн-Мюс писала сыну Тимофею[1], студенту. О жене Схермерхорна, враче Франсиске Мюс, сохранились у аиковцев самые теплые воспоминания, как о специалисте, человеке. Письма эти очень личные, но в них душа человека, в них время, люди, события. Советуя сыну заниматься спортом, она вспоминает о своем детстве в далекой Голландии. «Я очень любила кататься на коньках с малого детства, с пяти лет мы уже упражнялись, сначала держась за санки или стул, а потом уже самостоятельно. Мой отец был большой любитель — когда мы еще маленькие были, он с нами ездил из города в город ко каналам. Он впереди, большая палка под мышкой, а мы с сестрой за ним зацеплялись за эту палку и мчались быстро и плавно...»

Но далеко была родная Голландия. Жизнь в стране, куда Франсиска Мюс приехала с мужем с самыми лучшими побуждениями и надеждами, была многотрудной.

После ареста мужа, жена его с детьми жила в ссылке в Мордовии. Чтобы дать образование старшим детям, Тимофею и дочери Анни, она много, не по силам работала. В одном из писем сыну есть такие строки: «На работу я никогда не жаловалась. Это мне нетрудно. Мне только тяжело выполнять дополнительную работу, эти $^1/_2$ ставки. Годы уже не молодые. Работа сама не трудная, но хождение

---

[1] Тимофей Схермерхорн преподает в Московском университете. Он доктор наук.

туда и обратно, особенно при стуже, метели... Я встаю уже в 5 часов... Надо дома печку протопить, готовить еду, прежде чем идти на работу. Возвращаюсь в 8 вечера, а когда и в 9... Эти 4 километра меня настолько выматывают, что и на следующий день не могу отдохнуть...»

Так жила жена аиковца Схермерхорна, «врага народа». Жила достойно, честно, воспитывала своих детей, лечила чужих, жила одной жизнью со страной в ее тяжелые годы репрессий и бесправия...

...В зале института была встреча не только с документами. Об Агнессе Дессинг я знала еще до приезда в Нидерланды. Заканчивая Амстердамский университет, Агнесс избрала своей дипломной работой тему об участии голландцев в деятельности АИК «Кузбасс». Работа была успешно защищена.

Интерес к АИК молодой голландки заставил еще раз вспомнить слова Марселлы Фис — память о связях России и Голландии в далекие 29-е годы надо сохранить.

В унисон с этими мыслями звучат и слова главного хранителя Рейксмузея (г. Амстердам) Й. Брата. Эти слова были сказаны во время встречи в Рейксмузее с членами семей голландцев-аиковцев. На этой встрече Й. Брат сказал[1], что вызывает удовлетворение, что прошлые и нынешние поколения советских и голландских людей пытаются восстановить объективную картину истории... Сегодняшняя встреча, отметил он, дает основу для дальнейшей работы над изучением истории русско- (советско-) нидерландских отношений.

В 1989 году в Рейксмузее с успехом прошла выставка «Из истории отношений между Россией и Нидерландами». Эта выставка ограничивалась 1917 годом. И только потому, что устроители не располагали материалами последующих лет. Между тем голландская сторона (не только Рейксмузей, но и общество культурных связей, институт Восточной Европы, Амстердамский и Лейдеенский университеты) была бы готова к созданию новой выставки.

Вызвало интерес и создание музея АИК «Кузбасс», и не только интерес, но и готовность всячески содействовать осуществлению этого проекта.

Прошло 70 лет. Срок достаточный, чтобы АИК «Кузбасс» стала историей.

И эта история должна храниться в нашей памяти.

---

[1] Текст выступления Й. Брата пересказан по записи, сделанной вторым секретарем посольства СССР в Нидерландах В. Найденовым.

Н. Голдаева

ИЗ ИСТОРИИ АНЖЕРО-СУДЖЕНСКОГО АЭРОКЛУБА

Всеобщее увлечение авиацией не обошло и наш маленький шахтерский городок. Мальчишки поколения 30-х годов «заболели» авиацией. В городе была открыта планерная станция (4 планера, ангар, учебный класс), которой руководил Сергей Васильевич Курилов. За 1934 год на станции прошли подготовку 50 планеристов. Сама станция находилась за городом. Там же располагалось летное поле. Планер выкатывали из ангара, затем на крыльях закрепляли резину и натягивали ее до упора, резко отпускали — планер взлетал. Полеты на планерах давали возможность почувствовать себя летчиком.

В это же время в городе при детской

технической станции работал планерный кружок, а в Доме пионеров — авиамодельный. Комсомольцы отстроили на стадионе парашютную вышку.

В 1936 году при ОСОАВИАХИМЕ открыли аэроклуб. Начальником его был назначен Кубаткин Александр Яковлевич. В течение года были подготовлены первые летчики-общественники. Их было 10 человек.

Жили курсанты весело, дружно. И этот эмоциональный настрой шел от начальника аэроклуба. Кубаткин Александр Яковлевич окончил Московскую летную школу, имел большой опыт летной работы. Очень спокойный, внимательный к тем, кто работал рядом с ним,— он и создавал в аэроклубе это настроение. Молодые инструкторы старались быть похожими на него.

Часто курсанты доказывали друг другу, что его инструктор самый лучший, самый смелый, самый добрый и чуткий человек. И каждый вспоминал случай, когда инструктор помог кому-то в трудную минуту. Михаил Григорьевич Махнев, ставший военным летчиком, до сих пор с чувством глубокой благодарности вспоминает о том, как начальник летной части Алексей Косарев спас ему жизнь. Это произошло на тренировочных полетах. При выполнении задания курсант Михаил Махнев попал в сильный туман, потерял наземные ориентиры, появилось чувство растерянности и страха; бензин был на исходе. Вся группа собралась на аэродроме. Махнева нет. Начлет Косарев вылетел на поиски курсанта, нашел и помог приземлиться. Алексей Флавманович Косарев в годы войны служил в истребительной авиации, после войны работал летчиком-испытателем.

Инструктором клуба был и Петр Михайлович Змейкин. В годы Великой Отечественной войны он был зачислен в 241-ю авиадивизию бомбардировщиков.

Петр Михайлович помнит своего первого инструктора Анатолия Тимохина. Он рассказывает:

— Он потратил немало сил, прежде чем научил меня расчету на посадку. Или ни с того ни с сего я упускал направление взлета. Я не обладал должной собранностью, без которой невозможно научиться прилично пилотировать самолет. Ее воспитывал во мне мой инструктор. Он уважал в учлете человека и никогда не унижал его достоинства. Тимохин не бранил курсантов. Свои пояснения он для убедительности подкреплял выразительной жестикуляцией. Часто использовал макеты— маленькие деревянные самолеты, которых у него было множество. При их помощи он разыгрывал с нами весь полет по кругу, показывая, в каком месте мы делаем характерные ошибки, рассказывая, к чему они могут привести, если их вовремя не исправить. В воздухе как бы продолжался начатый на земле полет на макетах: показывал наземные ориентиры, над которыми следует выполнять развороты. При этом не забывал обратить внимание на посадочное «Т», чтобы мы запомнили, как оно проектируется по отношению к самолету. Среди курсантов ходила такая молва: три летчика — Кубаткин, Косарев и Тимохин — при полетах по плану командирской подготовки на старте поставили свои самолеты клином и связали их тросом с флажками. Взлетели и в такой же «связке» произвели посадку. Для курсантов это был пример высшего класса групповой слетанности и пилотирования.

Одним из первых инструкторов аэроклуба был Сащенко Михаил Иванович. Он окончил наш аэроклуб в 1936 году, когда работал секретарем комсомольской организации шахты 9-15 (ныне ш. «Анжерская»).

В 1937 году его обвинили в контрреволюционной пропаганде. Полгода находился под следствием. В апреле 1938 года был освобожден. В газете «Борьба за уголь» появилась заметка «Обвинение тов. Сащенко оказалось клеветой». С 1938 года Сащенко М. И. назначается начальником теоретического курса аэроклуба, инструктором.

С 1941 по 1945 годы воевал. После войны жил и работал в Кемерове. Умер в 1977 году.

Его друг Плаксин Михаил Никитович был назначен инструктором в 1938 году. Воевал в истребительной авиации, был тяжело ранен. После войны жил и работал в Белово. Умер в 1987 году.

Всего за время существования аэроклуба с 1937 по 1942 год было подготовлено более 600 человек. Все курсанты первых четырех выпусков были участниками Великой Отечественной войны. На встрече бывшие учлеты вспомнили добрыми словами всех своих друзей, погибших в боях за Родину: Ивана Иноземцева, Алексея Губина, Александра Гаврилова, Сашу Егорова, Константина Усова, Татьяну Тихомирову, братьев Ивана и Николая Рукиных, Ивана Антонова, Владимира Рузаева, Федора Полякова и многих-многих других.

Об аэроклубе, о своей молодости вспоминали бывшие летчики с гордостью и грустью. И эту гордость и эту грусть нам нужно понять.

Летом 1991 года по приглашению Кемеровского государственного университета в Кузбассе побывали граждане Японии — профессор университета Васэда господин Ичиро Ито и его аспирантка Кёко Цуказаки. Японские гости в составе фольклорной экспедиции побывали в Яшкинском районе и Горной Шории. Впечатлениями о своем пребывании в Яшкинском районе господин Ичиро Ито поделился со своими согражданами, опубликовав их в сентябрьском номере журнала «Народ» (Токио, 1991), который издается с 1973 года и освещает проблемы этнологии. Японский профессор любезно согласился на публикацию перевода его статьи в одном из кузбасских изданий.

Ичиро Ито

ЭТНОГРАФИЧЕСКО-ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В КЕМЕРОВСКУЮ ОБЛАСТЬ

Я, Ичиро Ито, в начале июля 1991 г. по приглашению моей приятельницы-фольклористки Елены Лутовиновой совершил поездку в Кемеровскую область.

Мы с Леной познакомились в МГУ, где я стажировался на кафедре фольклора в 1989—1990 годах.

Елена Лутовинова была аспиранткой этой кафедры. Тема ее диссертации: русские сказки о мачехе и падчерице.

Как известно, В. Я. Пропп видел в сюжете волшебной сказки след древнейшего ритуала — инициации. По мнению Е. Лутовиновой, Пропп имел в виду только мужскую инициацию, а она увидела в этих сюжетах женскую инициацию, поэтому она и заинтересовалась моей статьей, опубликованной на японском языке «Обряд вызывания дождя на Балканах» (Додола или Пеперуда).

Лутовинова высказала свою точку зрения на этот обряд, увидев в нем женскую инициацию.

Елена рассказывала мне много интересного о Сибири и о Кузбассе, где она живет и работает, и пригласила меня совершить туда путешествие. Я забыл про это приглашение, потому что толком и не знал, где находится Кемерово.

Когда я вернулся в Японию, то получил от нее письмо, в котором она напомнила о своем приглашении.

В это время в Ленинграде стажировалась моя студентка Кёко Цуказаки, которая изучает русские былички. Я решил взять ее с собой, поскольку она уже имела опыт фольклорной экспедиции в Тверскую область и обладала необходимыми знаниями и навыками.

29 июня я вылетел из токийского аэропорта Нарита в Москву. 30 июня из аэропорта Внуково я вылетел в Кемерово с опозданием на 5 часов. Переночевав в университетской гостинице, я встретил 1 июля в столице Кузбасса. Кёко прилетела раньше меня. Мы познакомились с семьей Лены и сразу после завтрака поехали в деревню Юрты-Константиновы, что находится в Яшкинском районе, в 165 километрах от Кемерова, на границе с Томской областью.

С этого момента мы стали членами фольклорной экспедиции, организованной кафедрой русской литературы и фольклора Кемеровского госуниверситета. К вечеру мы добрались до деревни, что стоит на берегу Томи, притоке сибирской реки Обь.

Мы поселились в деревенском детском саду и прожили там целую неделю. В деревне Юрты-Константиновы живут калмаки и русские. Она возникла в результате соединения двух деревень — Юрты и Константиновки.

Калмаки — это народ, близкий к западно-сибирским татарам и телеутам. Традиционная религия калмаков шаманизм, но во второй половине 19 века они приняли мусульманство от волжских татар. В деревне мы увидели следы разрушенной мечети и старинные здания 18 века. Население деревни долгое время занималось продажей сена.

Вечером нас пригласила к себе семья калмаков, живущих недалеко от детского сада. У них мы впервые отведали сибирскую брагу.

2 июля утром шел мелкий дождь, было холодно. Я слышал, что в Сибири летом жарко и большая разница между холодной и теплой погодой.

Мы посетили соседнюю деревню Усть-Сосновку. Население — 100 человек. Большинство — старые люди. В конце деревни старушки пели песни, частушки в сопровождении гармони. Между песнями мы ощутили разный стиль. Много песен конца 19 века, песни времен гражданской войны, жестокие романсы. Мы почти не нашли в их репертуаре обрядовых песен. Может, потому, что в деревне нет церкви. Я сделал видеозапись этих исполнителей.

Вечером мы пошли в баню. Я это делал впервые. Было очень интересно. После бани водка хорошо действовала. 3 июля поздно вечером мы услышали шум. Оказалось, что одна студентка пострадала от клещей и пошла к доктору в соседний дом. Специалитет Сибири: клещи и комары, я это сам видел.

Завтрак — блины, творог, вареные яйца. После завтрака мы с Кёко зашли в семью калмаков и взяли интервью у дяди Саши. Кёко спросила его о русалках. Он ответил, что когда-то он видел голую женщину с очень длинными волосами, страшную красавицу, около речной мельницы. Может быть, это была русалка.

И еще он рассказал об обряде вызывания дождя во время засухи. В лесу только женщины молились богу о дожде. В конце концов действитель-

но пошел дождь. Обряд подействовал на природу.

Днем мы вчетвером, с Кёко, Леной и Алиной, пошли к Марье Ивановне. Мы спросили о домовом. Она верит в его существование, но его не видела.

«Огненный шар появился на кладбище» — таков рассказ. «Одна женщина сильно бранила своего ребенка, и его унес вихрь, и никто не знал, где он». Вывод — нельзя бранить детей.

Лена спросила о Полуднице. Она ничего не знает. Только в полдень во время Ильина дня (3 августа) грозой убило сразу 8 человек, остался только черный след — такая вот страшная история.

Потом мы попросили рассказать сказку и она рассказала известную сказку «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Она замечательно ее рассказала.

Вечером мы поехали в деревню Сосновский Острог, что стоит на берегу реки Томи, мы на машине ехали, но на пути мы столкнулись с такой непроходимой грязью, что не было возможности ехать. Мы оставили машину и пошли пешком. И тогда я понял смысл Ленина вопроса «Почему ты не в сапогах?»

В конце концов мы добрались до реки Томи, когда солнце уже садилось за рекой. Вид был замечательный, грандиозный. Но жаль, не было церкви, что когда-то стояла на берегу реки, и пейзаж был бы: вечерняя Томь с церковью на берегу, но от церкви остался только след.

На обратном пути на машине, которую трактор вытащил из болота, мы двинулись назад, но вновь застряли и опять пришлось бросить машину и идти пешком 5 километров. И когда стемнело, страшный столб комаров вился над нами, они страшно гудели. Но у меня была пахучая жидкость, которую, к сожалению, я забыл дома. Уже совсем стемнело, когда нас догнала наша машина, вся в грязи. Мы сели в нее, но ничего в окна не видели из-за грязи.

Итак, еле-еле мы добрались в этот день до детского сада.

4 июля. Мы встали в 9-30 и поехали на автобусе в деревню Красноселка, в названии которой пахнет советским духом. Красноселка — недалеко от Яшкино. Красноселка раньше называлась Бычково, и мне кажется, старое название когда-нибудь вернется к этой деревне.

На автобусе мы ехали, студенты пели, но пели плохо, только я один допел все куплеты «Катюши».

На пути к Красноселке мы заехали в совхоз Ленина за продуктами. Мы увидели трехэтажное здание, как мне объяснили, деревня Юрт-Константиново — отделение этого совхоза, а Усть-Сосновка — бригада.

Вечером мы приехали в Красноселку. Посмотрели Дом культуры и спорта. Большое и хорошее здание, где расположились библиотека, комнаты для занятия самодеятельностью, большой красивый зал. В Красноселке есть свой фольклорный ансамбль.

Потом мы смотрели деревянную церковь, которую реконструировали. Замечательная, хорошая, большая. Как нам сказали, в Красноселке живут не только русские, но и чуваши.

В 18.00 мы вернулись в детский сад.

На ужин — пельмени, и все принялись за их приготовление и сели есть уже в 12 ночи.

По просьбе Лены я рассказал о Японии.

5 июля. Завтрак — остатки пельменей.

Сегодня опять пошли в Усть-Сосновку и зашли к Татьяне Васильевне. Она много рассказывала о своем сыне, который погиб, и она часто слышала его голос.

Лена попросила рассказать, как лечить сглаз, она стала крестить воду,

освятила ее, положила в нее соль и помыла лицо и грудь (где сердце), побрызгала и говорила заговор. Как мне известно, это традиционный заговор от сглаза. Мне было интересно, что и у нас в Японии для освящения воды, чтобы выгнать злых духов, используют соль. Той же функции служит соль и в Японии и в России.

Поскольку это был последний день в Юрт-Константиновке, было решено вечером на берегу Томи варить уху и жарить шашлык.

На старице Томи рыбак из Усть-Сосновки помог нам ловить рыбу. Он принес бредень (сеть, натянутая на две березовых жерди), и вместе со студентом они в реке ловили рыбу. Много маленьких мелких окуней и много щук. И Кёко кричала: «Как похоже на картинку из сказки», когда она видела глаза щук.

Русские варят из рыб суп, а японцы сразу кушают на реке, посолив и поджарив на костре. Вечером мы развели костер на реке и уха удалась. Но шашлык руками неопытных студентов напоминал копченое сырое мясо.

К 11 часам вдалеке загремело и засверкало, вдруг подул сильный ветер и началась страшная гроза. Это мой первый опыт русской настоящей грозы. Это гроза была иной, чем в пьесе Островского. Это было для меня неожиданно. Буквально как из ведра лилась вода и перед глазами горела молния во тьме; я вдруг вспомнил слова старушки Марии: «Громом ударило и всех восьмерых убило». А на этом пространстве спрятаться негде. Мы отстали от студентов и постучали в крайнюю избу. Нас впустил высокий и худой старик. Мы зашли и сели отдыхать. Очень близко сверкнула молния, грянул гром и свет везде погас. Потом сразу часы пробили 12 раз. Я подумал, что мы в доме бабы-яги, и стало жутко.

Мы подождали, пока перестанет ливень, и взяв фонарик, пошли домой. Еле-еле мы добрались до детского сада. Но Лена не забыла ведро с ухой и принесла уху немного с дождем.

6 июля. Мне было плохо в животе от вчерашней ухи и, может быть, такая страшная гроза не случайно была, ведь завтра был Иван Купала.

Прощаться с нами пришла жена дяди Саши с цветами и в 14.00 мы на автобусе поехали в Кемерово.

Фольклорные материалы, записанные профессором Ичиро Ито и Лутовиновой Е. И. в селе Юрты-Константиновы Яшкинского района в июле 1991 года, впервые публикуются в этом издании. Магнитофонные записи расшифрованы Евгением Ивановым, студентом 3 курса филологического факультета КемГУ.

Рассказы об огненном шаре и вихре (записано от Степновой Марии Ивановны)

— У нас в Зеледеево говорили, что мать прокляла ребенка: «Чтоб тебя вихрь подхватил!» И поднялся такой вихрь и утащил его. А пасла овечек женщина одна, это уже после войны, муж у нее на фронте погиб, ну пасет овечек. Гляжу, стоит ребенок лет пяти или четырех такой. Чей? Молчит. Ну, я говорит, спрашивала, спрашивала, сама испугалась, и оказался он из Макурина свода пришел, а это 15 км, это его ветром подтащило. У нас мама все говорила, никогда не ругай детей и не посылай к черту.

— А на полях ничего не было — полудницы? В жару, днем.

— Ничего не было, а громом убивало 8 человек зараз, это в Зеледеево. Везли их в гробах — черные, как го-

ловешки. Они ели молочное, делали зароды и недели обедали, смеялись. И вот как стрелой дало — бог наказал.

— А в бане ничего нет?

— В 12 часов, говорят, в баню нельзя ходить, а теперь уже ходют. Там домовой — может тебя скрутить, может тебя приколдовать. Скрутить — за себя забрать, к себе, замуж или возьмет присулит человека и будешь жить в бане с ним. Придет человек и тебя не увидит. А если семья у ней есть — она ее бросит или будет детей бить, уйдет куда-нибудь.

Сказка «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», рассказанная Степновой Марией Ивановной своим внукам Коле и Маше

— Жили старик со старухой, у них было двое детей. И пошли они по ягоду и шли кустик за кустиком и заблудились. И братец пить захотел. Говорит: «Аленушка, сестрица моя, я пить хочу». А она говорит: «Не пей, Коля». Колодец далеко, солнце высоко, жар донимает, пот выступает. А он еще пуще пить хочет. Стоит копытце телячье, там вода. Она: «Не пей, а то будешь теленочком». А он все просит пить. А Маша: «Ой, Коленька, не пей». Пошли дальше. Пот выступает, жар донимает, колодец далеко, солнце высоко. Шли они, шли, стоит жеребячье копытце, он хотел попить, она ему тоже не разрешила, пошли дальше. Стоит овечье копытце. Она ушла дальше, а он попил и стал ягненочком. И кричит: «Ме-е-е-е». Села на пенечек и плачет. Говорит: «Говорила я тебе, Коля, не пей, а ты напился». Едет барин: «Что красна девица плачешь?»—«Как мне не плакать, один у меня был братец Коля и то вот козленочком стал, куда я теперь с ним». А он: «Айда со мной, вместе будем жить». Привез к себе. Пришла баба-яга, позавидовала. Барин уехал, сказал все делать. А баба-яга привела ее к речке, повесила камень на шею и утопила. А Коля все видел. А баба-яга оделась как Аленушка и говорит: «Барин, надо козленка зарубить, он меня не стал слушаться». А он: «Да что ты, Маша, ты так плакала о нем и вдруг хочешь его зарезать».—«Нет, он меня не слушает». Начали точить ножи. А козленок: «Барин, отпусти меня к речке попить, пойду копытца помою, водички попью, кишочки прополоскаю».—«Ну иди». Он пришел на берег, сидит и плачет:

(поет)

— Уж ты, Машенька, сестричка моя, уж ты выпрыгни, уж ты выскочи. Меня, козла, резать хотят, ножи точат булатные, котлы кипят кипучие.

А она ему оттуда отвечает:

(поет)

— Я бы рада выскокнуть, я бы рада выпрыгнуть, шелкова трава ноги-руки спутала, тяжел камень — ко дну тянет. Вот он поплакал, пришел, а баба-яга еще пуще задурила: «Зарезать его и всё». Он опять попросился последний раз и пошел послушать, что она там делает. А он пришел на бережок и опять:

(поет)

— Уж ты, Машенька, сестричка моя, уж ты выпрыгни, уж ты выскокни. Меня, козла, резать хотят, ножи точат булатные, котлы кипят кипучие.

А она ему отвечает:

(поет)

— Я бы рада выскокнуть, я бы рада выпрыгнуть, шелкова трава ноги-руки сплела, тяжел камень — ко дну тянет.

Барин услышал, пришел, бабу-ягу к хвосту привязал косами и растащил ее по дороге. А Машеньку вытащил, и они стали жить-поживать, добра наживать.

Молитва от сглаза

— Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Это надо 3 раза. Богородица дева радуйся, благодатная Мария господь с тобой, благословенная ты у нас, благословенная против чрева твоего. Яко Спаса родилась, яси души наши. Скорбящая боже матушка утешь все скорби и болезни от худого часа, от плохого глаза, от серого, от белого, от черного девчиевого глаза, будьте вы мои слова крепки и лепки, веки по веки. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Надо 3 раза все прочитать.

— А я слышала, еще говорят — баба-самокрутка, что это такое?

— Ну это она такая суровая женщина, нехорошая, злая, ехидная. Я сама слышала так. Так свекровь говорила, но она воск не растопляла, а она зажигала свечку и капала в воду над больным, у ней длинные наговоры.

— А девка простоволоска, что это такое?

— Это значит простая девка, не черная.

— А воду перекрестить сколько раз?

— Не меньше чем 9 раз.

— А солью посыпать?

— Это когда говоришь: как соль ничего не боится, так раба божья Лена ничего не будет бояться. Сейчас даже когда поросята поросятся, только он появится, так ему соль на темечко, между ушек положить и теленочку также.

— И под порог вылить воду?

— Особенно в пятку, вода выливается и все уроки выжимаются.

Рассказы о нечистой силе (записано от Степновой Марии Ивановны)

— А про русалку слышали?

— Из лесу выйдет, волосы распустит, косы, покажется и уйдет, она никакого вреда не делала.

— А голая была или одетая?

— Голая.

— А длинные волосы?

— Длинные.

— До земли?

— Нет, по колено, обыкновенный человек.

— А какой национальности?

— Человек и человек, она ничего не говорит.

— А на деревьях они сидели?

— На деревьях не скажу, не видела, так слышала.

— Говорят, что они людей щекочут, и насмерть?

— Да насмерть, такое слышала.

— А кого-нибудь защекотали?

— Конечно, слышала.

— А они около воды живут?

— В лесу.

— А кроме русалок в лесу еще кто-нибудь живет, лешии? Бывало такое, что заводили человека — как заблудится...

— Да кто знает, говорить говорят, вот слышали, что там человек заблудился, ходил где-то, запутался, вроде леший его запутал. Вот тут у нас кедра или сосна за речкой, вот как на это место придешь, так и заблудишься, лешии заводят.

— А про упырей, которые прилетают и кровь сосут у людей?

— Нет, не слышала.

— А покойники только шарами летают?

— Да.

— А так чтобы кровь пили или чтобы человек сох или таял на глазах...

— Говорят, что порчу какую-то пускают, у нас вот соседка — она нигде не работала, она как вышла замуж и два товарища служили в армии и поженились они в один год, они ходили друг к другу, а та была украинка — вязала, шила. Она у нее утащила платье, утащила наволочки такие ук-

раинские и порчу пустила ее бабушка. И вот то ли правда, то ли не правда — она захворала. И вот она говорит, то у нее в горле петух, то волос клубочками вылазил. Вот она сейчас лет 18 на инвалидности. А кто знает, то ли правда это, то ли не правда. Какой-то старик ее в баню водил, веником парил, порчу лечил, я ей говорю, ты признавай бога, а она его материт. А она никого не признавала, но сейчас у ней никакой уже порчи нет.

— А тут у вас есть бабушки, которые лечут от сглаза?

— Есть, вот Танька, вот она воск выливает.

Е. Лутовинова

ПО СЛЕДАМ А. А. МИСЮРЕВА (1909—1973)

В истории Кузбасса есть полузабытые страницы. Одна из них — деятельность фольклориста-этнографа А. А. Мисюрева на территории Кузбасса. «Он работал в трех основных направлениях: исследуя фольклор горнорабочих сначала Демидовских, а затем Кабинетных рудников и заводов на Алтае и Кузбасса, фольклор «ямщины» на бывшем знаменитом тракте, который в Сибири назывался Московским, а в европейской части России— Сибирским и печальной памяти Владимирской и, наконец, он собрал фольклор, если так можно выразиться, революционный — времен 1905-го, 1917-го и борьбы с колчаковщиной»,— так характеризует творчество А. А. Мисюрева Сергей Залыгин.

Александр Александрович Мисюрев родился в Казани в 1909 году. Был беспризорным, работал рассыльным, чернорабочим, слесарем.

В 1935—37 годах учился в Литературном институте им. М. Горького. С 1936 года занимался собиранием и обработкой фольклора Сибири: устных рассказов старых горнорабочих, сказов и преданий ямщиков сибирского тракта, участников революции 1905 года и гражданской войны.

В журнале «Сибирские огни» Мисюрев публиковал статьи, рецензии, работы по фольклористике вместе с М. Азадовским, А. Гуревичем и др. исследователями Сибири.

За долгие творческие годы он написал много книг:

Четвертый горновой. Новосиб., 1934;

Бергалы. Новосиб., 1937;

Легенды и были. Новосиб., 1938;

Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. (Предисл. М. Азадовского), 2-е доп. изд., Новосиб., 1940;

Предания и сказы Зап. Сибири. Новосиб., 1954;

О злых богачах и народной борьбе. Новосиб., 1957;

Сибирские сказы, предания, легенды. Новосиб., 1959;

След беглеца Сороки. Рассказы о былом. (Послесловие С. Залыгина). Новосиб., 1962.

Сейчас мало кто знает, что в 1937—39 годах побывал А. Мисюрев на рудниках и приисках всех трех горных систем Кузбасса: Салаирском кряже, Горной Шории и Кузнецком Алатау.

В Кузнецком Алатау он записывал рассказы рабочих Центрального рудника на приисках Боголюбский, Гореловый, Туманный, Первомайский (Троицкие вершины), Купдустуюл (Главный), Тарсинский; в селах Тисуль, Берикуль, Старая Чебула; по рекам Андоба, Верхняя, Нижняя и Средняя Терсь, Малый Туюд, Туяла.

В Горной Шории маршруты Мисюрева А. А. проходили по владениям Спасских рудников, Лебедской и Балыкинской групп приисков. Им были обследованы села Спасское и Кондома, прииски Чулеш, Надеждинка (Старая Каура), Израс, Чугунаш, Каура, Девятый, Андреевка, Калмыковка, Казаны, Талон, Чебанок. Он прошел и опасные горные реки: Чаныш, Бельсу, Мрассу. Из его шорских записей мы знаем имена владельцев рудников, сибирских предпринимателей, устроителей горного дела: Мальцева, Иваницкого, Асташева, Попова.

А. А. Мисюреву был хорошо известен и Салаирский кряж, прииски Егорьевско-Салаирской группы: Егорьевск (Новосибирская обл.), Чертов Лог, Тайлы; села Урское, Томское, Салаир, Гурьевск, Ваганово, Касьма.

Записывал Мисюрев рассказы горнорабочих о прежнем житье-бытье, о Горном батюшке, о беглецах Сивире и Сороке, добрых разбойниках и бунтарях.

На Салаирских рудниках и заводах были распространены легенды о смерти беглеца Сороки, которого долго не могли поймать: он мог превращаться в птицу-сороку и т. д. Вот что рассказывал А. Мисюреву в 1937 году Вершинин Иван Иванович, 53 лет, потомственный салаирский горняк, а ко времени записи уже инвалид, сторож поселкового совета в Салаире: «Беглецом Сорока из-за того стал, что много розог приговорили. Из-за них и бежал. И гуляка здоровый был — здешний, салаирский.

Кто-то из квартиры пойдет — наказывает сродственникам:

— Вы крепче запирайтесь, а то Сорока утащит.

Это и теперь говорят.

Бывало, увидят какого нищего — один другому говорит:

— Смотри, не Сорока ли?

От отца я слышал: у Сороки шестики были, костыли. Он уж знает, куда бежать ловчей.

Вот за ним гонятся, а он глядит, где его шестики, до них добирается. Берет шестик, подопрется и махнет через елки в пруд, в болото. И выплывет.

Должен был Сорока хорониться — пакостил казне. Где-то помогал, а где-то грабил.

Говорят, будто бы солдат какой-то старый оторвал от своей шинели медну пуговку, смял, заложил в ружье заместо пули и убил Сороку. Только это — враки. (...). В гулевую неделю в женских платьях Сорока ходил, женски голоса у него всякие, разные голоса. Толчется в народе. Ну, как его взять?».

Цикл рассказов про бергальское житье записан в Салаирской тайге и Горной Шории. Бергалы — название горнорабочих крепостнического периода, переделка немецкого слова горный рабочий. Тяжелая работа, плохое питание, постоянные побои и наказания — таковы главные мотивы этих рассказов. Один из них был записан в марте 1938 года от Сидора Матвеевича Поклонова, 82 лет. Поклонов — потомственный рабочий Касьминского прииска, крестьянин деревни Касьма Гурьевского района. (В настоящее время от деревни остались лишь заросли крапивы). «Батя сказывал (был он мололет, на разборе робил):

— Сидим по порядку, на конских кожах руду бьем. Нарядчик идет, смотрит.

— Тебе чо плохо робится?

За ухо меня дернул — ухо оборвал.

Идет назад нарядчик. Кровь у меня запеклась, он глядит:

— А, ты еще сережку носишь!

И хлопнул меня по щеке — после зубы ломило.

Плохое было житье в обязательное время.

На Касьминском даже мешков у

рабочих не было, не во что провиант ложить. Ждали пристава Набокова, хотели жалобу производить.

А перед тем Александр Павлович Шонгин все говорил:

— Я, молодчики, буду жаловаться. А вы кричите, чо правильно.

Ребята говорят:

— Будем кричать, чо правильно.

Вот приехал Набоков. Построили команду — двести человек в шеренгу.

Набоков спрашивает:

— Как, дети, не обижены ли провиантом?

Александр Павлович Шонгин из шеренги выступил и сказал:

— Ваше благородие, кормят плохо, лозами дерут шибко.

Набоков спрашивает:

— Верно ли, дети?

Грозно спросил. Все молчат.

Еще спросил. Молчат.

Спросил третий раз. Вся команда как воды в рот набрала. Набоков заорал:

— Бунт! Задрать негодяя!

Вкатили Шонгину семьсот. Трое суток лежал, рубаху отмачивали, рубаха в тело была вбита».

Среди рабочих горнорудной промышленности до сих пор бытуют представления о хозяине недр — Горном, Горном духе, Горном Батюшке. Особенно часто такие рассказы встречались Мисюреву во время его путешествия по Горной Шории в 1939 году. Рассказ «Всякие чудеса» был записан им в селе Спасское (в 10 км от Таштагола) от старого приискателя Василия Захаровича Коболдаева, 87 лет. «Поп был у нас наездной из Кондомы. В три года раз наезжал, а то и в пять лет раз. Ребятишки до пяти лет некрещеные жили.

Про богов у нас разговору не было. Тут был Горный — хозяин земли.

В работе попа не поминай. Горный не любит. И куяна не поминай. Што поп, што заяц — едино. (...) И свисту Горный не любил. Ежели кто в забое свистнет — покою нет. Останешься на ночь — целое горе. В просеках везде свистит, там и тут свистит, нет покою.

Возьмешь две свечки, обойдешь кругом — никого! А только отошел — опять свистит.

Нет покою! Никак нельзя робить.

Тачки на две останется — не докатишь, убежишь.

Смотритель орта говорит:

— Почто не докатил?

— Горный свистит! Посиди со мной — докатаю.

Он посидит, послушает — волосы дыбом.

— Бросай, пойдем!..

А вот как Огарков шел с Чаныша. Выпить был горазд. И бахвалился:

— Эй, Горный, выходи драться!

Пошли с Чаныша, он впереди, за ним я шел, Костерин Михайло и Ахметов, татарин. Проходим бергальские могилки, вдруг Огарков остановился, стал кулаками махать.

Мы шумим:

— Ты чо, очумел? С кем дерешься?

— Да вот он стоит, разве не видите? Да вот он, глядите!

Мы Огаркова оттащили, снег ему на голову кладем. Не тут-то было! Из наших рук вырвало, он летит в снег, пять раз перевернулся, весь в крови. Только встал — опять его как костыльнет, он семь раз перевернулся, колесом по снегу пошел. Бьет его Горный, а не видно кто.

Мы заопасались, пошли скорей, а он все с Горным дерется. Стоит пихта. Высока! Мы идем. И она идет!

Нам уж недалеко до стану — она идет! Мы в уход — она за нами! Бегом пошла.

Ахметка мне и говорит:

— Нашему Магомету ничего веры нету, давай русскому богу молись, а то пропадем!

Кое-как до стану добежали, скорей

в казарму, дверь на замок. Ахметка всю ночь бормотал:

— Он, Горный, задавит!

Огарков был шибко избит, почернел как котельный, лежал сутки. С той поры на Горного не бахвалился» (...).

Большая часть материалов, собранных А. А. Мисюревым в Кузбассе, приходится на Гурьевский район, Салаирские прииски. Здесь и в наши дни добывают драгоценные металлы, работают приискатели и драгёры. Поэтому, разрабатывая маршруты летней фольклорной экспедиции 1992 года, мы остановили свой выбор на Гурьевском районе: решили пройтись по следам А. А. Мисюрева. Мы посетили Гурьевск, с. Урск, Золотую Тайгу, Подкопенку, Горскино, Малую Салаирку. К сожалению, сел Касьма, Чертов Лог уже не существует, но память о них еще жива среди тех, кто когда-то там побывал. Нам посчастливилось своими глазами увидеть драгу — плавучий завод на реке Чесноковке, где сейчас добывают золото. Там драгёры нам рассказали о способах добычи золота, о том, что иногда находят старые шахты, а в штольнях попадаются даже старинные царские монеты. Очевидно, их бросали туда бергалы при закладке шахт. Но о самих бергалах ничего не знают, даже это слово им было в диковинку. А вот о каких-то мифических представлениях о золотоносных месторождениях мы узнали следующее: есть «голова», «туловище» и «хвост», больше всего золота содержится в «голове», меньше — в «хвосте». Вероятно, есть «некто», охраняющий золото в тайге, ведь не всякому оно в руки дается. Послушали мы и рассказ о глухаре, в зобу которого один охотник нашел небольшие камушки — золотые самородочки. Так глухарь «указал» охотнику золотоносный ручей в тайге. Поведали нам и о старателях, приискателях, артелях — помнят еще старые люди о прошлом. А вот «бергал» для них слово незнакомое, да и о «кабинетных» рабочих никто не слыхал.

В область наших научных интересов входил сбор сведений о необыкновенных героях прошлого — беглеце Сороке, разбойниках. Естественно, выяснение этого мы начинали с расспросов о необычных людях. И мы услышали много рассказов о колдунах, вертунах (они могут оборачиваться в животных или птицей стучаться в окно), о разных прихотнях (нечистой силе): хмельниках-чертях, дедушке-суседушке, русалках, ведьмах, лечейках (женщинах, снимающих колдовство), о шулюканах (ряженых). Но ничего о беглеце Сороке или благородных разбойниках селяне не знают. Зато была записана чудесная легенда о Миколе Милостивом, святом заступнике, помогающем добрым людям.

Рассказы о необыкновенных днях, годовых праздниках (Святках, Троице, Иванове, Петрове и Ильине днях) и сопровождающих их обрядах встречались нам в изобилии. Календарная и семейная обрядность еще не утрачена, а вот песни, т. е. поэзия праздников, уже забыта, кроме немногих, записанных в селе Малая Салаирка от Крючковой Марии Михайловны.

Из старинного житья-бытья местные жители вспоминали истории сел, приисков, нашествие Колчака, организацию колхозов и совхозов.

Поскольку для нашей экспедиции была определена задача: записать устные рассказы золотодобытчиков Салаирских приисков и разработан специальный вопросник, на другие формы фольклора мы не обращали внимания. Но по предварительным сведениям Гурьевский район весьма богат народным творчеством, поэтому маршрут следующей нашей экспедиции будет проходить по тем же местам.

Фольклорные материалы из Гурьевского района (собраны в 1992 году)

«Урское — это старое село. До революции в Урском были старатели, хлеб не сеяли. Артель соберется человек пять, моют золото. Как намоют, у них золотоскупка была, так гуляют недели две. В деревнях старых (Горснино, Подкопенка, Ур-Бедари, Ново-Пестери, Красное) жили пермяки, староверы. Были еще какие-то, зайдешь в хату, так они и ручки дверные помоют. Это чалдоны были. С Алтайского края приехали. И шорцы были, работали, но сейчас их нет. После раскулачивания приехали с Алтайского края сибиряки, чалдоны. До революции в окрестных селах (Подкопенка, Маслиха, Дмитровка) жили единоличники. Они сеяли хлеб. После революции пошли колхозы, совхозы. Колчак здесь был, Колчака я знаю. Мне было лет десять. Мы с семьей в Ново-Пестери убегали. Он же всю Сибирь забрал. Какие ружья были — все забрал. Когда наступал, ничего не делал, а когда отступал — все подряд жег, и церкви, когда его Красная армия погнала. Мы тогда в Подкопенке жили, в землянке, когда его с Алтайского края гнали. Мы убегали на санях в Ново-Пестерево. Потом Красный полк шел в Гурьевск с Красного. А село Красное Ленинского района, рядом с Вагановым. Отсюда до Ваганова близко, а до Красного — 18 км. Помню, красные — всё молодежь, на конях, верхами».

(Записали Власов Е. Ю. и Лутовинова Е. И. в р. п. Урск от Михальченко Николая Михайловича, 1912 г. р.).

О сопке Копна

Сопка называется Копна, ее так геологи называли, да и при царе так же называли. Посредине сопки ключ бьет, там есть пещера. Били штольни геологи, прошли несколько метров и бросили, вот и образовалась пещера. Эта сопка богата золотом и полиметаллами. Но их нельзя достать — все под воду уйдет. Копна очень высокая — с нее Ленинск видать, а с вокзала в Ленинске — Копну видать.

(Записали Власов Е. Ю. и Лутовинова Е. И. в р. п. Урск от Михальченко Николая Михайловича, 1912 г. р.).

Люди рассказывают, что опасно трогать сопку Копна. Там, говорят, проходит водоносная жила, и если ее задеть, то поселок затопит, водой зальет. Эта сопка богата золотом, но его, видишь, нельзя достать, все под воду уйдет.

(Записали Бызова И. Г. и Мымликова Н. К. в р. п. Урск от Захаровой Прасковьи Михайловны).

Легенда Микола Милостивый

Бывают в году два Миколы: он из числа не выходит, 22 мая и 22 декабря. Не зря ведь богу молятся и заодно Миколу Милостивого просят смиловиститься. Отец мне рассказал такую притчу:

«Было у богатых людей 3 сына, отец у них торговец был. Вскоре он умер, сыновья вздумали отделиться, старшие забрали себе все, а матери с младшим пришлось поселиться в маленькой избушке.

Однажды зашел к младшему старец и попросился переночевать, те и пустили, и рассказали свою историю, тогда старец решил научить парня шить сапоги и посоветовал собирать всякую мелочь да торговать ей. Старика и оставили там жить. Как-то появился чужак и заказал шагреневые сапоги со скрипом на высоком каблуке. А Старец парню и советует: сшей ты ему «ИЧИГИ». Пришел покупатель да обрадовался: «Откуда ты, дедуш-

ка, знаешь, что это мне и надо было?» А вот все и знал. Собрались как-то братья ехать за море на своем корабле. Старик и присоветовал парню с ними свою мелочь свозить. Те кое-как согласились. Вот приехали на место, а там их торговать не пускают, потому как у попа была дочь ведьма и как раз перед тем померла. Никто не соглашался отбыть с нею срок положенный: 3 ночи. Вот и решили чужаков послать. А старик все знал и присоветовал младшему отдежурить за братьев и просить полпарохода, а те уже бегут просить за себя; больно жалко было парохода, да делать нечего. А старик и говорит: «Иди на базар, купи маку и пуд яблоков, у попа возьми Евангелие да петуха купи. В 12 часов она будет проситься — сыпь яблоки да 3 круга пошире обсыпь маком. Она будет к тебе пробираться, а ты читай, не оглядывайся. Петух запоет, она и прыгнет в гробницу». Все так и было две ночи. Доложили попу, что парень все жив. Настала третья ночь. Старик и советует: «Яблок бери меньше, круги делай пошире, как она станет через третий переступать, не оборачивайся и заставляй творить воскресную молитву, а петух закричит, хватай ее, сади рядом и заставляй читать». Парень все так и исполнил. Утром смотрят, попова дочь жива, стал поп заставлять жениться. А старик дает согласие, только велит увезти ее домой, так и уехали — братья с неохотой корабль отдали. Старик повел ее в баню, легонечко так топором повел, а из нее сразу змеи и черви посыпались. Но старик этот, Микола Милостивый был, взял ее, да и склеил. Говорит попова дочка после баньки, где я так долго спала? Тут старик и пропал, как и явился ниоткель. А молодые стали жить долго.

(Записали Мымликова Н. К. и Бызова И. Г. в р. п. Урск от Захаровой Прасковьи Петровны, 1918 г. р.).

Нечистая сила

Черти бывают разные: например, хмельники. Когда говорят: «белая горячка», это хмельники и есть. В деревне Сценга с моим отцом было дело, это в Маслянинском районе Новосибирской области. На Петров день поехал он было в гости, гуляли, гуляли, да и отстал от компании своей, вдруг откуда-то появились другие люди, тоже большой компанией, шумные, подгулявшие, да и позвали его с собою, пойдем, дескать, погуляем с нами. Так и завели его в баню на берегу Берди. Он-то выпимши был, спать ему захотелось. Они постелили на полок веники, да 3 — под голову. Это, мол, перина тебе и подушки. Очнулся он, видит, никакая не перина, а лежит на вениках. Насилу убежал. Вот и были эти самые хмельники.

(Записали Мамликова Н. К. и Бызова И. Г. в р. п. Урск от Захаровой Прасковьи Петровны, 1918 г. р.) .

Русалки

Жил мой отец на заимке Мерзляковской, стояла у него мельница, там жила всегда русалка. Сама я ее не видела, но отец рассказывал, как только солнце сядет, она — купаться.

(Записали Бызова И. Г. и Мымликова Н. К. в р. п. Урск от Захаровой Прасковьи Петровны, 1918 г. р.).

Перед Троицей был день, когда русалки выходят, пляшут, зазывают к себе, в сети ловят. После 12 часов нельзя воду плескать. Даже лужа опасна, в лужу нельзя заходить. Русалки даже чешуйками, маленькими пальчиками стараются зацепиться и утащить в воду.

(Записали Мингазова И. М. и Лутовинова А. в селе Малая Салаирка от Наружимовой Нины Максимовны, 1914 г. р.).

Пойдешь на речку, а она (русалка) сидит на камне — волос длинный, распущенный, темного цвета.

(Записали Мингазова И. М. и Лутовинова А. в селе Золотая Тайга от Матухповой Анны Ивановны, 1932 г. р.)

На русальский день, когда капусту садют, вот тада уже собираются девки молодцами, баряшнями, шляпы с лентами и венки с лентами надевают и после обеда берут в руки литовки, ходют русалку выгонять из речки. А парни не наряжаются, ходют, смотрют, как девки играют. К речке подойдут, поют, литовками звенят, ножами по литовкам бренькают. Волосы распустят, как русалки. Шум, гам, песни, ребятишки за ними бегают. Выгоняют русалку, а назавтра уже можно купаться. До русалкиного дня не купались, нельзя было. Ее выгоняли, чтоб она в воде не была, она плохая. А ее никто не видел, ушла она али нет, день такой был. Сейчас все стали русалками, косы не заплетают. Раньше не было, чтобы девушка пошла без косы. Я молодцом всегда сряжалась, у меня от братишки покойного одёжа была. Вот такое у нас поверье есть и до сих пор в Жуланихе все помнят, песни поют.

(Записали Бызова И. Г., Мымликова Н. К., Лутовинова Е. И. в селе Малая Салаирка от Крючновой Марии Михайловны 1918 г. р.).

Дедушка-суседушка

Чтобы увидеть домового, нужно хлеба на лавку прилепить, сказать:

Домовой, домовой!
Твой дом тебя любит,
Хлебушек приголубит.

Тогда вечером увидишь звездочки и огоньки в темноте, значит, он съел хлеб.

(Записала Лутовинова Е. И. в р. п. Урск от Сергеевой Марии Иосифовны, 1937 г. р.).

Утром иногда мамка встанет, куделку возьмет и говорит: «Нынче ночью домовой прял». Потому что на прялке куделька была замусоленная. Но самого никто не видел.

(Записала Мингазова И. М. в р. п. Урск от Фоминой Анны Егоровны, 1912 г. р.).

Если дедушка-суседушка живет дружно с хозяевами дома, то он появляется на новой квартире. Дедушка-суседушка дает о себе знать: есть просит, бренчит, стучит. Чтобы его успокоить и хорошо с ним жить, кладут кусочек хлеба за печку. Когда уходишь на новую квартиру, кошку с собой берешь и говоришь такие слова: «Домовой: принимай нас и с нами живи». Когда я в Сосновке жила, дедушка-суседушка меня давил, аж тяжело дышать. Надо сказать: «К плохому или хорошему?» Если к хорошему, то он скажет, а если к плохому, то просто дунет.

(Записала Мингазова И. М. в селе Малая Салаирка от Наружимовой Нины Максимовны, 1914 г. р.).

Когда уходишь на другую квартиру, нужно открыть подпол и сказать: «Дедушка-суседушка, пойдем со мной!» Я его не видела, но внуку приходилось видеть. Он днем зашел в избу и видит, что кто-то сидит косматый. Очнулся — его нет.

(Записали Мингазова И. М. и Лутовинова А. в селе Золотая Тайга от Матухповой Анны Ивановны, 1932 г. р.).

СОННИК

Дерево — молодой, цветущий человек

Черный цвет — печаль, горе

Пшеница, конопля, зерно — слезы

Покойник — быть дождю

Цветы — к смерти

Лошадь — ложь

Речка — разговоры

Мутная вода — клевета

Чистая вода — к хорошему

Белить — уехать из дому

Смотреться в зеркало — перемена в жизни

Шум самолета, выстрел — весть, слух

Уголь — печаль

Яйца — визит

Свинья — к прибыли в семье или к свинству

Рыба (в речке поймать) — прибыль

Материал — письмо

Полотенце — к дороге

Шуба, овчина — скандал, шум

Деньги (бумажные) — радость

Деньги (медные) — к слезам

Пчелы — шум в семье

Змея — кто-то тебя укусит

Новый дом, сруб — покойник в родне

Бревно из дома выпало — убыль

Золото — к плохому

Вино пить — обвиненным быть

Выходить замуж — смерть, болезнь смертельная

Волосы (остригать) — быть обворованным

Ягода (красная) — к хорошему

Ягода (черная) — к плохому

Веревка (запутанная) — сплетни

Горы — горе

Лес (шумит) — скандал

Собака — друг

Собака (с цепью) — женатый человек

Собака (без цепи) — холостой

Девочка — к удивлению

Мальчик — маяться

Мужчина — к болезни

Покойник — болезни

Гряды — к покойнику

Корова (черная) — к болезни

Дома (убираться) — перемена места

Белье полоскать — разговоры

Мышь — к скандалу

Записано в Гурьевском районе с. Барит, р.п. Урск в 1992 г. от Сергеевой Марии Иосифовны, проживающей по ул. Первомайской, 9, 1937 г. рождения, домохозяйка. Записали: Мымликова Н. В., Бызова И. Г., Лутовинова Е. И.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЗНЕЦКОМУ КРАЮ — 375 ЛЕТ

Документы, собранные Миллером 3
Л. Скрябина. Формирование русского поселения в Притомье 8
А. Шадрина. Из Кузнецкого окружения Ф. М. Достоевского. Отец Евгений 15
М. Сорокин. Кузнецкая пашня 18
В. Волчек, В. Тогулев. Гимназисты 24

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Григорий Спасский. Телеуты, или белые калмыки 30
Л. Скрябина. К истории Московско-Сибирского тракта 37
Л. Перминова. Кабинетские золотоприиски Салаира 44

«МЫ ДЕТИ СТРАШНЫХ ЛЕТ РОССИИ»

Ф. Ягунов. А сад так пышно расцветал 48
Б. Антонов. Семейная хроника сталинских времен 60
Н. Галкин. Судьба рабочего в «рабочем» государстве 64
Р. Круссер. Георгий Владимирович Круссер — мой отец 73

«КОГО ВЗЯЛА ВОЙНА»

Э. Алексеева. «Эвакуация, беженцы» — слова военной поры 81
С. Базанова. Место рождения — Анжеро-Судженск 86
В Козубовский. Дом с мемориальной доской 88

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

Д. Кацюба. Памяти учителя 90
Несколько эпизодов из жизни старого Мариинска 96
Й. Рыбакова. Реабилитированный горный 101
В Н. Скалон. Пятьсот верст по Ине за десять дней 103
Е. Кривошеева. Через годы 113
Н. Голдаева. Из истории Анжеро-Судженского аэроклуба 118
Ичиро Ито. Этнографическо-фольклористическая поездка в Кемеровскую область 120
Е. Лутовинова. По следам А. А. Мисюрева (1909 — 1973) 126

Разыскания. Историко-краеведческий альманах / Сост. Е. А. Криво-
Р-17 шеева, М. Е. Сорокин.— Кемеровское кн. изд-во, 1993.— 134 с., ил.

ISBN 5—7550—0384—X

Юбилейный номер альманаха посвящен знаменательным датам в истории Кузбасса: 375-летию основания Кузнецкого острога и 50-летию образования Кемеровской области.

Р $\frac{1805080000}{\text{М } 145(03)—93}$ Без объявл.

ББК 63.3(2Р.53)

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об образовании Кемеровской области в составе РСФСР

Утвердить представление Президиума Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики об образовании Кемеровской области с центром в городе Кемерово.

В состав Кемеровской области включить: города Кемерово, Сталинск, Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Белово, Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Осинники, Тайга и районы: Анжеро-Судженский, Барзасский, Беловский, Гурьевский, Зы... рянский, Ижморский, Кемеровский, Киселевский, Крапивинский, Кузедеевский, Кузнецкий, Ленинск-Кузнецкий, Мариинский, Мысковский, Прокопьевский, Таштагольский, Тисульский, Титовский, Топкинский, Тяжинский, Чебулинский, Юргинский и Яшкинский, выделив их из состава Новосибирской области.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР *М. Калинин*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль.
26 января 1943 г.

Панорама промышленной застройки г. Кемерово, 1960-е годы

Из фондов Кемеровского областного музея

